

ГАМЛЕТЪ
ТРАГЕДІЯ
въ пяти дѣйствіяхъ.
СОЧИНЕНІЕ

В. Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ съ АНГЛІЙСКАГО
М. В.

<Михаила Вронченко>

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1828 года.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bm@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Дерптъ 10 Февраля 1828.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ Баронъ
Унгернъ Штернбергъ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, Датскій Король.

Гамлетъ, сынъ прежняго, племянникъ царствующаго Короля.

Полоній, Министръ.

Гораціо, другъ Гамлета.

Лаертъ; сынъ Полонія.

Вольтимандъ |

Корнелій |

Розенкранцъ } придворные,

Гильденстернъ |

Озрикъ |

Придворный.

Священникъ.

Марцеллій |

военные } чиновники.

Бернардо |

Франциско, солдатъ.

Ренальдо, слуга Полонія.

Полковникъ.

Посланникъ.

Тѣнь Гамлетова отца.

Фортинбрасъ, Норвежскій Принцъ.

Гертруда, Датская Королева, мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

Чиновники.

Актеры.

Гробокопатели.

Посланники.

Матросы.

Служители.

Дѣйствіе происходитъ въ Королевскомъ замкѣ, Эльсинорѣ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Кому (хотя по наслышкѣ) не извѣстно имя Шекспира? Кто, имѣя возможность читать его, не удивлялся сему творческому все объемлющему генію, почти безъ помощи искусства возмогшему подарить свѣтъ столь многими образцовыми произведеніями, исполненными красотъ неподражаемыхъ? Мало уважаемая, почти забытая соотечественниками поэта въ продолженіи цѣлаго столѣтія послѣ его смерти, произведенія сіи начали, съ первой четверти XVIII вѣка, находить болѣе и болѣе истинныхъ цѣнителей и вскорѣ потомъ приобрѣли ту извѣстность и славу, которая вѣроятно всегда пребудетъ ихъ достояніемъ.

Изъ всѣхъ иностранцевъ одни только Нѣмцы, могутъ похвалиться, что имѣютъ хорошіе переводы Шекспира, какъ вѣрные, такъ и передѣланные для театра; у Французовъ, съ коими познакомилъ творца Англійской драматической поэзіи Вольтеръ, сперва превозносившій его похвалами, потомъ чернившій самымъ неблагоприятнымъ образомъ (*), есть (сколько мнѣ извѣстно) одинъ переводъ, прозаическій, неполный и невѣрный; у остальныхъ, какъ и у насъ, нѣтъ никакого, заслуживающаго вниманіе.

(*) Вольтеръ, можетъ быть оскорбленный тѣмъ, что Французы осмѣлились удивляться поэту не Французскому, въ многихъ изъ писемъ своихъ старался выставить его въ видѣ самомъ презрительномъ. Случилось, что одно изъ сихъ писемъ читано было въ нѣкоторомъ Парижскомъ обществѣ, гдѣ находилась тогда и Гж. Монтегю. Авторъ Заиры, Магомета и Семирамиды, грѣшный передъ Шекспиромъ въ похищеніяхъ, украсившихъ сіи Трагедіи, писалъ къ Д'Аржантелю: *c'est moi, qui autrefois parlai le premier de a Shakspeare; c'est moi, qui le premier montrai aux Francais quelques perles, qua j'avais trouvé dans son enorme fumier.* Гж. Монтегю при сихъ словахъ замѣтила: *Oui, c'est un fumier, qui a fertilisé une terre bien ingrate!*

Предпринимая трудъ, продолженіе коего будетъ нѣкоторымъ образомъ зависѣть отъ суда просвѣщенныхъ читателей о семъ первомъ опытѣ, я видѣлъ трудности долженствовавшія мнѣ встрѣтиться. О совершенномъ преодолѣніи ихъ нельзя было и думать; мнѣ оставалось только одно: начертать себѣ, для руководства въ продолженіи перевода, подробныя правила и всѣми силами стараться не отклоняться отъ нихъ. Такъ поступилъ я и сообщаю здѣсь сіи правила особенно для тѣхъ изъ читателей, кои не могутъ моего Гамлета сравнивать съ подлинникомъ непосредственно, но прежде сего не излишнимъ считаю бросить бѣглый взглядъ на главныя обстоятельства жизни Шекспира и странную участь его твореній. (*)

(*) Въ продолженіи столѣтней невнимательности Англичанъ ко всему до Шекспира касающемуся, потеряны и многія обстоятельства его жизни. Помѣщаемыя здѣсь извѣстія о ней я извлекъ изъ; *The Life of Shakspeare by Aug. Skottowe.*

Отець сего поэта Джонъ Шекспиръ жилъ въ Варвикширѣ въ городѣ Стратфортѣ на Авонѣ. Онъ торговалъ шерстью, былъ также перчаточникомъ, слѣдственно (по тогдашнему обыкновенію) и мясникомъ, занималъ разныя публичныя должности и пользовался, кажется, особеннымъ уваженіемъ своихъ согражданъ.

Вилліамъ Шекспиръ, третій изъ восьми дѣтей Джона, родился въ Апрѣлѣ (по догадкамъ нѣкоторыхъ 23 числа) 1564 года. Учившись нѣкоторое время въ Стратфортскомъ народномъ училищѣ, онъ, по причинѣ разстроеннаго состоянія Джона, оставилъ вскорѣ науки, занялся дома ремесломъ своего отца, и будучи 18 лѣтъ отъ роду, женился на 26 лѣтней дѣвицѣ Аннѣ Гетевай (Nathaway), пережившей его семью годами.

Семейственная жизнь Вилліама на родинѣ не была продолжительна: вовлеченный въ дурное общество своевольной молодежи, онъ сталъ участвовать въ похищеніи дичи изъ парка одного сосѣдняго владѣльца (Sir Thomas Lucy of Charlecote), подвергся за то его преслѣдованіямъ и въ отмщеніе своему гонителю, прибилъ однажды къ воротамъ его дома колкій пасквиль. Сіе подало поводъ къ гоненіямъ новымъ, строжайшимъ: Вилліамъ долженъ былъ (около 1585) спастись бѣгствомъ. Онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ вскорѣ сдѣлался актеромъ, слѣдственно и драматическимъ писателемъ.

Какія роли игралъ Вилліамъ, неизвѣстно; полагаютъ однакожъ, что лишенный отъ природы наружныхъ качествъ хорошаго актера, онъ не брался ни за что трудное, и тѣнь Гамлетова отца было значительнѣйшее изъ лицъ трагическихъ, которыя представляютъ онъ когда либо покушался. Но посредственный актеръ обратилъ вскорѣ на себя вниманіе какъ хорошій писатель: передѣлывая, по примѣру многихъ въ то время славившихся стихотворцевъ, старинныя драмы для театра, онъ поставилъ себя въ мнѣніи публики выше другихъ ея любимцевъ; въ 1592 году упоминаютъ уже о немъ съ большою похвалою, не означая однако, передѣланнымъ ли только, или уже и самимъ имъ сочиненнымъ драмамъ обязанъ онъ за сей лестный отзывъ, такъ что не возможно опредѣлить ни времени появленія перваго изъ собственно ему принадлежащихъ произведеній, ни порядка, въ которомъ они вообще одно за другимъ слѣдовали. (*)

(*) Мелонъ старался опредѣлить сей порядокъ, основываясь на соображеніяхъ, заключеніяхъ и догадкахъ, часто изысканныхъ самымъ страннымъ образомъ. Но его мнѣнію Гамлетъ написанъ около 1600 года.

Литературная слава актера-поэта обратила на него вниманіе многихъ богачей и знатныхъ; ихъ благосклонности обязанъ онъ былъ улучшеніемъ своего состоянія, доходомъ отъ продажи на театрѣ драмъ вовсе необезпеченнаго. Королева Елисавета также высоко цѣнила его произведенія; но ничто, кромѣ похвалъ не ознаменовало, кажется, ея къ нему милости. Только при преобразованіи устройства Англійскихъ театровъ Королемъ Яковомъ, когда актеры начали почитаться состоящими въ службѣ при Дворѣ и, вступая въ свое званіе, давали клятву въ вѣрности, положеніе Вилліама

значительно поправилось: помещенный в число придворных актеров с самого начала, он вскоре получил собственноручное письмо Короля с изъявлением ему Монаршаго благоволения; потом наименован одним из директоров театра, при котором и оставался до 1615 года, хотя играл только до 1605 года.

В продолжении сего времени он написал 34 драмы (со включением переданных им для театра второй и третьей части Генриха IV, и может быть некоторых других), поэмы: Венера и Адонисъ, похищение Лукреции, страстный пилигримъ, жалобы влюбленного и 154 сонета.

Находясь в Лондонѣ, купилъ Вилліамъ въ Стратфордѣ сперва (въ 1598) такъ называемое новое мѣсто, а потомъ и другія земли и въ 1615 оставивъ столицу переселился на свою родину. Въ началѣ 1616 г. написалъ онъ завѣщаніе, будучи въ полномъ умѣ и совершенномъ здоровье, но 23 Апрѣля того же года умеръ неизвѣстно отъ какой болѣзни, оставивъ (сынъ его умеръ въ 1586 году, 12 лѣтъ) двухъ дочерей. Онъ погребенъ въ соборной Стратфордской церкви.

При жизни Шекспира напечатано было только 14 изъ его драмъ. Сіе изданіе, вышедшее вѣроятно безъ всякаго пересмотра, можетъ быть безъ вѣдома автора, наполнено грубѣйшими ошибками: многія мѣста не имѣютъ смысла; стихи напечатаны, какъ проза, а проза какъ стихи; вмѣсто именъ дѣйствующихъ лицъ вставлены имена актеровъ; драмы не раздѣлены на дѣйствія и явленія, часто къ рѣчи одного лица причтено то, что должно говорить другое и такъ далѣе.

Въ 1622 году напечатана отдѣльно трагедія Отелло, а въ слѣдующемъ вышло первое полное собраніе драматическихъ произведеній in folio. Оно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ священныя имена (употребленіе коихъ въ драмахъ запрещено статутомъ Короля Якова) замѣнены выраженіями общими. За симъ изданіемъ слѣдовали, также in folio, другія три: въ 1632, 66, 85 годахъ. Всѣ сіи четыре in folio, одно за другимъ почти безъ всякихъ поправокъ и всегда съ новыми ошибками перепечатанныя, имѣютъ, правда, свои достоинства, и тѣмъ большія, что по причинѣ потери рукописей, только сравненіемъ съ ними перваго неполнаго изданія и сличеніемъ ихъ между собою, могли послѣдующіе издатели очистить, сколько было возможно, обезображенный текстъ; но они только при совершенномъ недостаткѣ чего-либо лучшаго могутъ быть приняты въ разсмотрѣніе: столь многоразличными и важными ошибками искажены въ нихъ Шекспировы творенія.

Рове первый старался объ исправленіи сихъ безчисленныхъ погрѣшностей; но его два изданія (1709 и 1714) оставили желать столь многого, что *Попе* не могъ даже ими пользоваться, а обратился къ стариннымъ in folio, сталъ поправлять и испорченное и непонятное ему по причинѣ неупотребительныхъ выраженій, но соскучивъ трудною работою окончилъ ее наскоро и напечаталъ такимъ образомъ полу-поправленного Шекспира два раза (1725 и 28).

Послѣ нихъ *Теобальдъ* и епископъ *Варбуртонъ* равнымъ образомъ не достигли цѣли, и прошло полтора вѣка послѣ смерти Шекспира прежде, нежели творенія его появились въ сносномъ видѣ. *Джонсонъ* былъ первый издатель очистившій и пояснившій ихъ значительно; послѣ него *Стивенсъ*, *Ридъ*, *Кампелъ*, *Мелонъ* и другіе трудились надъ тѣмъ же съ неутомимымъ прилежаніемъ; всѣ усилія ихъ не могли однакожь возвратитъ тексту первобытной его чистоты: осталось много мѣстъ темныхъ, много несообразностей, пропусковъ и прибавленій.

Кромѣ сихъ погрѣшностей, послѣдствій небрежности и невѣжества первыхъ издателей, есть въ твореніяхъ Шекспира и другія, собственно ему принадлежащія. Бѣдный актеръ, онъ долженъ былъ, особенно въ началѣ своего литературнаго поприща, пещись о пропитаніи больше, нежели о славѣ, сообразоваться со вкусомъ актеровъ и черни, составлявшей тогда большую часть посѣтителей театра. Отсюда произошли грубыя шутки, часто неумѣстная игра словъ, слишкомъ рѣзкія картины, выраженія низкія, неблагопристойныя. (*)

(*) Отступленія отъ Аристотелевыхъ правилъ нельзя назвать ошибками въ Шекспирѣ, вовсе сихъ правилъ не знавшемъ.

Всѣ сіи недостатки Шекспирова театра затруднительны для переводчика не менѣе, какъ и его достоинства, его красоты, часто неподражаемыя. Я руководствовался при переложеніи Гамлета слѣдующими правилами:

1.) Переводить стихи стихами, прозу прозою сколько возможно ближе къ подлиннику (не измѣняя ни мыслей, ни порядка ихъ) даже насчетъ гладкости русскихъ стиховъ, непріобыкшихъ заключать въ себѣ частицы рѣчи, для простоты непринужденнаго, неотрывистаго Шекспирова слога необходимыя.

2.) Въ выраженіяхъ быть вѣрнымъ, не оскорбляя однакожь благопристойности и приличія: часто слово низкое уже и въ подлинникѣ; рѣзкое и въ Шекспирова время, имѣетъ на русскомъ языкѣ выраженіе, соотвѣтствующее ему по смыслу, но еще нижшее, нестерпимое для уха самаго невзыскательнаго; — въ такихъ случаяхъ я почиталъ за лучшее замѣнить его другимъ, благороднѣйшимъ. Черезъ сіе, правда, нѣкоторыя, немногія картины потеряли настоящій колоритъ свой; но это зло необходимое — если и зло оно.

3.) Игру словъ передавать даже на счетъ вѣрности въ изложеніи заключающейся въ той мысли, если мысль сія сама по себѣ незначительна.

4.) Въ мѣстахъ неясныхъ и сомнительныхъ совѣтоваться со всѣми Комментаторами и слѣдовать толкованію вѣроятнѣйшему.

5.) Нѣкоторыя отрывки древнихъ стихотвореній, въ трагедіи помѣщенные, переводить вольно. Иные стихи, на примѣръ, въ пѣсни гробокопателя, вовсе не имѣютъ смысла: можетъ быть Шекспиръ хотѣлъ показать, какъ невѣжи искажаютъ въ пѣніи баллады, сдѣлавшіяся народными; сіе могло забавлять только его современниковъ.

6.) Помѣщать въ примѣчаніяхъ все могущее послужитъ къ поясненію текста: мнѣнія и догадки комментаторовъ, историческія извѣстія, игру словъ и

другія мѣста подлинника, по какимъ-либо причинамъ не близко переведенныя; указывать же на всякое незначительное отступление въ выраженіяхъ и оборотахъ не почелъ я за нужное.

Изъ сихъ правилъ нѣкоторымъ образомъ видно, какой степени вѣрности должно требовать отъ моего переложенія. Объ успѣхѣ судить не мнѣ: переводя почти всегда стихъ въ стихъ; часто слово въ слово, допуская выраженія малоупотребительныя, я старался доставить моимъ соотечественникамъ сколько возможно точнѣйшую копию Гамлета Шекспирова; но для сего должно было сохранить красоты, почти неподражаемыя — а въ семь-то именно нельзя и ручаться.

Перечитываніе Гамлета въ подлинникѣ, поправки и повѣрки перевода доставили мнѣ средства изучить сіе удивительное произведеніе, обнять его въ цѣломъ. Не излагая здѣсь подробно его плана и хода, ограничусь разсмотрѣніемъ характера самаго Принца и опредѣленіемъ мысли, служащей трагедіи основаніемъ. Гете въ Вильгельмѣ Мейстерѣ сказалъ свое мнѣніе о томъ и другомъ; онъ подалъ мнѣ Аріаднину нить для сего лабиринта, въ которомъ, придерживаясь сей нити, нашолъ я иные изгибы не совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ начерталъ ихъ знаменитый поэтъ Германіи: всегдашній сумракъ рѣдко позволяетъ разлилась тамъ предметы явственно, и наблюдатель, составляя рисунокъ сего многосложнаго зданія, не можетъ ручаться въ вѣрности каждой черты своей картинѣ. Читающіе Гете увидятъ сами, что изъ нижеслѣдующаго заимствовалъ я у него, и что принадлежитъ собственно мнѣ .

Отдѣлимъ, по примѣру Нѣмецкаго поэта, отъ Гамлетова характера все, бывшее послѣдствіемъ печальныхъ событій, означенныхъ въ трагедіи; представимъ себѣ Принца, какимъ былъ онъ при жизни своего родителя. Вмѣстѣ съ сердцемъ добрымъ и чувствительнымъ, съ кроткою, благородною душою, съ строгою нравственностію, получилъ онъ отъ природы пріятную наружность, умъ смѣтливый и дальновидный. Хорошее воспитаніе и примѣръ добродѣтельнаго отца утвердили въ немъ врожденныя благія склонности, образовали вкусъ его; увѣренность въ достиженіи царской власти (хотя и ненаслѣдственной но могущественнымъ отцомъ легко оставляемой за сыномъ достойнымъ) означила ему кругъ его будущаго дѣйствія. Въ Принцѣ юношѣ развился характеръ, долженствовавшій составить нѣкогда не воинскую славу, но радость и счастье государства: въ немъ не было вовсе геройской твердости, управляющей обстоятельствами, ручающейся за успѣхъ предпріятій смѣлыхъ и многотрудныхъ, не было рѣшительности, въ мгновенной опасности мгновенно опасныя, но вѣрныя средства для достиженія цѣли избирающей; за то добродѣтельная душа его стремилась ко всему благому, и сіе ея стремленіе, опираясь на неограниченной власти самодержца, принесло бы плоды прекрасныя. Сверхъ сего Гамлета отличали качества, высоко цѣнимыя и въ частномъ человѣкѣ: любитель полезнаго и пріятнаго, онъ уважалъ достоинство вездѣ, гдѣ находилъ его, строгій къ самому себѣ, гнушался порокомъ въ другихъ, презиралъ все низкое, отвращался особенно отъ притворства и

раболѣпія; кроткій и снисходительный; могъ имѣлъ даже нужду простить всякую обиду, хотя и живо чувствовалъ ее въ первыя минуты: питать къ кому-либо ненависть было для души его почти стольже тяжело, какъ и страдать отъ угрызеній совѣсти. Сердце его знало прелесть искренней дружбы, и наконецъ испытало сладость первой любви, какъ само оно, кроткой и нѣжной.

Таковъ былъ молодой Принцъ въ дни своего счастья. Отецъ его умираетъ скоропостижно; воцаряется дядя, человекъ, подъ личиною доброхотства и привѣтливости, скрывающій порочную душу со всѣми ея порочными замыслами. Вдругъ Гамлетъ видитъ себя лишеннымъ короны, которую привыкъ онъ почитать своею собственностію, предчувствуетъ (увѣренный въ притворствѣ Клавдія и пустотѣ его обѣщаній) что отчужденъ отъ ней навсегда, впервые познаетъ разстояніе подданнаго и Монарха раздѣляющее. Онъ униженъ до равенства съ раболѣпною толпою придворныхъ, долженъ услугою покупать услугу, даже во многомъ нуждаться: онъ въ полной мѣрѣ чувствуетъ свое ничтожество. Могла ли такая переменна положенія не омрачить души его печалію? Но сего еще мало: единственное существо, коего участіе могло усладить его участь, а подпора и содѣйствіе вновь оживить прежнія надежды, его мать дѣлается супругою царствующаго дяди. И ее долженъ онъ включить въ число своихъ недоброжелателей, и отъ ней ожидать ему нечего!

Тутъ-то Гамлетъ осиротѣлъ совершенно, возненавидѣлъ и коварный свѣтъ и жизнь свою, потерялъ всю бодрость, упалъ духомъ безвозвратно. Такимъ является онъ намъ въ началѣ трагедіи. Вѣсть о появленіи отцовой тѣни подтверждаетъ подозрѣніе, невольно ему тѣснившееся въ душу; вскорѣ потомъ призракъ открываетъ тайну убійства и призываетъ его къ мести. Пораженный ужасомъ, но въ пылу негодованія и гнѣва забывшій на минуту все остальное, Гамлетъ обѣщаетъ мщеніе скорое и въ слѣдъ за симъ, разставшись съ призракомъ, клянется — не забыть родителя: первое движеніе утихло; удрученный и прежнимъ и симъ новымъ бременемъ, онъ не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго, обязываетъ друзей своихъ молчать о привидѣніи, скрываетъ отъ нихъ тайну убійства, замышляетъ только на всякій случай притвориться помѣшаннымъ. Всѣ послѣдующіе поступки его объясняются, основываясь на вышесказанномъ, безъ затрудненія: смѣлый въ минуту непредвидѣнно представляющейся опасности, онъ не смѣетъ вызвать ее самъ; укоряетъ себя въ малодушіи и медлительности и находитъ всегда новые предлоги отсрочивать совершеніе мести. Уныніе и бремя бѣдствія, которое свергнуть онъ чувствуетъ себя не въ силахъ, подавили даже любовь въ его сердцѣ: онъ уже смѣшиваетъ Офелію съ остальными существами міра, имъ презираемаго. — Такъ, воспламеняясь и хладѣя попеременно, дѣйствуя только украдкою, прибѣгая къ ненавистнымъ ему средствамъ, хитрости и притворству, всегда печальный въ душѣ и недовольный собою, онъ уклоняется болѣе и болѣе отъ своей цѣли и наконецъ совершенно теряетъ ее изъ виду въ минуту развязки ни чѣмъ неприготовленной, неожиданной, устроенной случаемъ или провидѣніемъ.

Сія развязка трагедіи служить намъ отвѣтомъ на вопросъ: имѣлъ ли Шекспиръ въ виду, сочиняя Гамлета, какую-либо моральную цѣль, или хотѣлъ только представить свѣту прекрасную и живую картину, одну изъ занимательныхъ страницъ въ книгѣ человѣческой жизни? — служить отвѣтомъ, по моему мнѣнію, удовлетворительнымъ. Какою неправдоподобною натяжкою, какою ученическою ошибкою покажется она каждому, если предположимъ, что авторъ употребилъ ее безъ особеннаго намѣренія и Шекспиру ли впасть въ такую ошибку, ему, которому могло гигантское воображеніе доставить столько средствъ окончить поэму по его желанію, а совершенное знаніе свѣта и человѣческаго сердца указать къ тому стезю, самую приличную? Нѣтъ: Шекспиръ имѣлъ моральную цѣль — это вѣрно, какую — мы можемъ только догадываться.

Въ Гамлетѣ мщеніе не совершается упорными и постоянными усиліями Принца, по характеру и положенію своему къ нимъ неспособнаго: даже воззваніе и понужденіе пришедшаго изъ чистилища духа не могли довести несчастнаго юношу до невозможнаго ему подвига, и преступникъ, обезпеченный ничтожностію человѣческихъ средствъ къ его наказанію; прибавляетъ къ прежнимъ злодѣяніямъ новое, но падаетъ въ то же время непредвидѣннымъ образомъ, съ нимъ гибнуть — какъ и прежде, посредственно и непосредственно, погибли чрезъ него — виновные и вѣрное изображеніе событій сего міра!) невинные; царственный родъ пресекается, скипетръ переходитъ въ руки человѣка посторонняго. Не достаточно ли ясно видимъ мы здѣсь, что Провидѣніе ведетъ преступника къ казни само, своими путями, независимо отъ человѣческихъ усилій, что злодѣйство, распространяя пагубное свое дѣйствіе на однихъ, бываетъ для другихъ источникомъ выгодъ, единственною причиною ихъ возвышенія? Очень возможно; что авторъ именно это хотѣлъ показать намъ; я впрочемъ никакъ не ручаюсь въ истинѣ моего предположенія и представляю его читателямъ только какъ заключеніе изъ тщательнаго разсмотренія переведенной мною трагедіи извлеченное и довольно правдоподобное.

ГАМЛЕТЪ

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Эльсиноръ; Терраса передъ замкомъ.)

Франциско *(на стражѣ)*, Бернардо *(входитъ.)*

Бернардо.

Кто здѣсь?

Франциско.

А ты кто? отвѣчай мнѣ — стой!

Бернардо.

Да здравствуетъ Король! (1)

Франциско.

Бернардо?

Бернардо.

Онъ.

Франциско.

Вы помните свой часъ!

Бернардо.

Двѣнадцать било!

Теперь ты можешь спать идти, Франциско.

Франциско.

Благодарю за смѣну! Страшный холодъ.

И мнѣ сгрустнулось.

Бернардо.

Все было спокойно?

Франциско.

Ни мышь не пробѣжала.

Бернардо.

Добра ночь!

Не встрѣтятся ль тебѣ мои состражи,
Гораціо и Марцеллій? — Пусть спѣшатъ.

(Гораціо и Марцеллій входятъ.)

Франциско.

Вотъ, не они ль! Кто здѣсь?

Гораціо.

Друзья отчизны!

Марцеллій.

И Датскаго вассалы Короля!

Франциско.

Ну, добра ночь!

Марцеллій.

Прости, мой честный воинъ;
Кому ты мѣсто сдалъ свое?

Франциско.

Бернарду.

Простите!

(Уходитъ.)

Марцеллій.

Гдѣ Бернардо?

Бернардо.

Здѣсь! А здѣсь ли

Гораціо?

Гораціо.

Кажется на то похоже! (2)

Бернардо.

А, здравствуйте, Гораціо и Марцеллій!

Гораціо.

Что, и сегодня было привидѣнье?

Бернардо.

Я ничего не видѣлъ.

Марцеллій.

Гораціо все мечтою почитаетъ!
Его ни чѣмъ увѣрить я не могъ,
Что дважды страшный видѣли мы призракъ,
И, наконецъ, уговорилъ сегодня
Пробыть на стражѣ вмѣстѣ съ нами ночь,
Чтобъ, если снова тожь придетъ видѣнье,
Онъ видѣлъ самъ, и самъ бы говорилъ съ нимъ.

Гораціо.

О, не придетъ, не бойтесь!

Бернардо.

Сядь, Гораціо!

Мы вновь на слухъ твой нападёмъ, столь сильно
Противъ рассказовъ нашихъ о видѣньи
Двѣ ночи здѣсь ходившемъ, укрѣпленный.

Гораціо.

Садитесь! ну, рассказывай, Бернардо!

Бернардо.

Прошедшей ночью,

Когда звѣзда, вотъ эта, что на западъ
Отъ полюса, пришла на этожь мѣсто,
И, какъ теперь, сіяла тамъ, Марцеллій
И я — лишь колоколь ударилъ часъ —
(Тьнь входитъ).

Марцеллій.

Молчи, молчи! Оно идетъ опять!

Бернардо.

И въ томъ же видѣ, какъ Король покойный.

Марцеллій.

Гораціо! Ты ученый: говори съ нимъ! (3)

Бернардо.

Не правда ли? Оно точь въ точь Король нашъ?

Гораціо.

Точь въ точь! Ужасно, дивно!

Бернардо.

Говори съ нимъ!

Оно сего желаетъ.

Марцеллій.

Говори.

Гораціо.

Кто ты? Почто, блуждая въ мракѣ ночи,
Воинственный и величавый видъ
Умершаго Монарха похищаешь?
Во имя неба, говори мнѣ: кто ты?

Марцеллій.

Оно прогнѣвалось!

Бернардо.

Смотри — оно
Уходитъ.

Гораціо.

Стой! Я требую — отвѣтствуй!
(Тынь уходитъ.)

Марцеллій.

Оно сокрылось, и отвѣта нѣтъ.

Бернардо.

Ну, что, Гораціо? Ты дрожишь? Ты блѣдень? —
Не больше ль, чѣмъ мечта, сіе видѣнье?
Что мыслишь ты?

Гораціо.

Клянусь Творцомъ! Сему бъ я не повѣрилъ
Безъ вѣрныхъ и чувственной поруки
Очей моихъ.

Марцеллій.

Не правда ль, какъ похоже
На Короля?

Гораціо.

Какъ самъ ты на себя!
Такую же носилъ Король броню,
Когда разилъ Норвежцевъ горделивыхъ;
Такъ гнѣвень былъ, когда въ горячемъ спорѣ
Съ саней на ледъ низринулъ Поляка.
Непостижимо!

Марцеллій.

Такъ дважды, въ мертвый, полуночный часъ,
Въ воинственномъ являлся намъ онъ видѣ.

Гораціо.

Какой предаться особой мысли,
Незнаю самъ я; но въ явленіи странномъ
Переворотъ предвижу Государства,

Марцеллій.

Но сядемъ. Пусть мнѣ скажетъ тотъ, кто знаетъ,
Къ чему такая бдительная стража
У насъ гражданъ тревожитъ въ часъ ночной?
Къ чему вседневно отливаютъ пушки,
Воинскіе снаряды закупаютъ?
Къ чему морскихъ строители судовъ
Трудятся, праздникъ превращая въ будни?
Что намъ грозитъ? Зачѣмъ такъ, въ потъ лицъ,
Творимъ мы ночь сотрудницею дня?
Кто объяснить сію мнѣ странность?

Гораціо.

Я —

Покрайней мѣрѣ слышно такъ. Извѣстно
Что Государь нашъ, коего теперь
Являлся образъ, вызванъ былъ на брань
Завистливымъ Норвежскимъ Фортинбрасомъ;
Что храбрый Гамлетъ [таковымъ онъ признанъ
Сей частію намъ знаемаго міра]
Противника убилъ; а договоромъ,
Съ законами Геральдики согласнымъ,
Могъ побѣдитель Фортинбраса земли,
Убивъ его, принять въ свое владѣнье;
Противъ чего Король нашъ равномѣрный
Давалъ залогъ, который уступался
Наслѣдственно противнику, на случай
Его побѣды, такъ же какъ и намъ
Его земля условьемъ отдавалась
Теперь же юный Фортинбраса сынъ,
Неопытный, слѣпой отваги полный,
Въ Норвегіи блуждая, по немногу
Собралъ толпы бездомныхъ удалцовъ,
За хлѣбъ насущный предпринять готовыхъ
Опасное, но прибыльное дѣло,

И замышляетъ [въ этомъ нѣтъ сомнѣнья]
Вооруженною рукой и съ бою
У насъ отнять отцемъ его въ бою
Потерянные земли. Вотъ, я мыслю,
Причина нашихъ всѣхъ приготовленій,
Причина крѣпкой стражи, и источникъ
Поспѣха и движенья въ Государствѣ.

Бернардо.

Твои догадки съ истиной согласны,
И призраку прилично здѣсь у стражи
Въ оружіи ходить, принявши образъ
Виновника войны сей, Короля.

Гораціо.

Нѣтъ; это прахъ, душевный взоръ слѣпящій.
Въ цвѣтущую эпоху Римской славы,
Не задолго до Цесаревой смерти,
Опустѣвали гробы и по Риму
Вопили тѣни, въ саванахъ блуждая; (4)
Являлись звѣзды съ огненной метлою;
Въ кровавыхъ капляхъ падала роса;
Мрачилось солнце; влажное свѣтило,
Нептунова владѣнья покровитель,
Какъ въ судный день въ затмѣніяхъ томилось.
И тѣ же вѣстники событій грозныхъ,
Глашатаи карающей судьбы,
Грядущихъ бѣдъ обычные предтечи
Являться стали на землѣ и небѣ
Отчизнѣ нашей.

(Тѣнь входитъ)

Боже! снова призракъ!

Хоть онъ разрушь меня, ему теперь
Я заступлю дорогу! Призракъ, стой!
Когда владѣешь звукомъ ты, иль гласомъ,
Отвѣтствуй мнѣ!
Когда благимъ принести могу я дѣломъ
Тебѣ отраду и себѣ спасенье,
Отвѣтствуй мнѣ!
Когда предвидишь ты отчизны жребій,
И отвратить его, предвидя, можно,

Отвѣтствуй!
Когда въ земной утробѣ ты сокрылъ
Сокровище, неправо нажитое,
И отъ того блуждаешь здѣсь по смерти,
Скажи о томъ!

(Слышно пѣніе пѣтуха.)
Держи его, Марцеллій!

Марцеллій.

Ударить ли копьемъ его?

Гораціо.

Ударь,
Когда словамъ не внемлетъ онъ!

Бернардо.

Сюда!

Гораціо.

Сюда!

Марцеллій.

Онъ скрылся.
Не правы мы, насильственно подъявъ
На призракъ сей величественный руку:
Онъ невредимъ, какъ воздухъ, и пустая
Одна игра удары нашихъ копій.

Бернардо.

Онъ говоритъ, казалось, былъ готовъ,
Когда пѣтухъ запѣлъ.

Гораціо.

И крикъ услышавъ,
Онъ вздрогнулъ, какъ предъ совѣстью преступникъ. —
Я слышалъ, что пронзительною пѣснью,
Симъ трубнымъ гласомъ утра, пробуждаетъ
Пѣтухъ вседневно Бога дня, и звукъ сей

Блуждающихъ духовъ отвсюду гонить
Въ огонь и воды, въ воздухъ или землю,
Гдѣ суждено жилище имъ. Теперь
Мы истину сего познали сами.

Марцеллій.

Такъ, онъ исчезъ при крикѣ пѣтуха. —
Идетъ молва, что завсегда въ ту пору,
Когда Христа мы празднуемъ рожденье,
Пѣтухъ всю ночь кричать не престаеть;
Что благотворны ночи тѣ: тогда
Не бродятъ духи, не вредятъ планеты,
И вѣдьмы спятъ, и колдовство безсильно —
Такъ свято и спасительно то время.

Гораціо.

Да, слухи есть: я имъ отчасти вѣрю.
Но вотъ и утро въ пурпурной одеждѣ
Идетъ съ востока по росѣ нагорной.
Пора окончить стражу; но, друзья,
О семь видѣнны Гамлету, я мыслю,
Сказать должны мы: безъ сомнѣнья призракъ,
Безмолвный съ нами, съ нимъ бы говорилъ.
Согласны ль вы во всемъ открыться Принцу,
Какъ долгъ велить намъ и къ нему любовь?

Марцеллій.

О, съ радостью! Я жъ знаю, гдѣ удобно
Его симъ утромъ мы увидѣть можемъ.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

(Эльсиноръ; комната во дворцѣ)

Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаертъ, Вольтимандъ, Корнелій и другіе придворные.

Король.

Еще свѣжа о Гамлетѣ въ насъ память,
Умершемъ братѣ нашемъ, и прилично
Питать въ сердцахъ намъ скорбь и Государству
Носить печали общей отпечатокъ,
Но такъ разсудокъ спорить въ насъ съ природой,
Что въ горести о немъ благоразумной
Мы и самихъ себя не забываемъ.
Такъ, сей страны наслѣдницу, и нашу
Сперва сестру, а нынѣ Королеву
Мы, такъ сказать, въ веселіи тоскливомъ,
Съ восторгомъ въ окѣ и слезой въ другомъ,
Съ уныньемъ въ бракѣ, съ радостью при гробѣ,
Съ такимъ же чувствомъ счастья, какъ и горя,
Себѣ въ супруги взяли: ваша мудрость
Насъ въ дѣлѣ семъ свободно одобрила: —
За что примите нашу благодарность.

Теперь познайте замысль Фортинбраса:
Или въ душѣ насъ низко оцѣняя,
Иль думая, что послѣ смерти брата
Разстроено и слабо наше Царство,
Онъ, лишь съ одной мечтой своей союзный,
Насъ утруждать осмѣлился посольствомъ
О выдачѣ владѣній, кои братъ нашъ
Войною отнялъ у его отца
По всѣмъ законамъ. Но объ немъ довольно;
Теперь о нашемъ дѣлѣ и предметѣ
Сего собранья: мы писали къ дядѣ
Младаго Фортинбраса; — изнуренный
И дряхлый старецъ, онъ едва ль и знаетъ
О замыслахъ племянника — просили
Остановить ихъ, ибо для войны сей
Потребные и сборы и наборы
Въ его же Принцемъ сдѣланы владѣньяхъ;
И мы васъ шлемъ, Корнелій съ Вольтимандомъ
Съ привѣтомъ симъ къ Норвежскому Монарху.
Въ переговорахъ личныхъ съ Королемъ
Мы разсудили ограничить власть
Вамъ данную, наказомъ симъ. — Простите!
Поспѣшность въ васъ докажетъ къ намъ усердье.

Корнелій и Вольтимандъ.

Мы долгъ свой въ семъ, какъ и во всемъ, исполнимъ.

Король.

Сему сердечно вѣримъ мы. Простите!

(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ.)

Теперь, Лаертъ, что скажешь? У тебя
Есть просьба къ намъ: какая же, Лаертъ?
Предъ Государемъ ты не потеряешь
Разумныхъ словъ. Чтѣ можетъ быть въ сей просьбѣ,
Чего бѣ тебѣ и самъ не предложилъ я?
Не ближе къ сердцу голова, и руки
Не лучшіе помощники устамъ,
Какъ твоему родителю тронъ Датскій.
Чего жъ, Лаертъ, ты просишь?

Лаертъ.

Государь!

Осмѣлюсь ли просить о позволеніи
Во Францію мнѣ снова удалиться?
Сюда спѣшилъ я къ дню коронованья;
Теперь же, сей исполнивъ долгъ священный,
Опять туда лечу душой и мыслью —
И къ милости монаршей прибѣгаю.

Король.

А твой отецъ? Что скажешь ты, Полоній?

Полоній.

Онъ неотступной просьбой у меня
Нескорое извлекъ соизволенье,
И имъ его запечатлѣвши волю,
Я, Государь, и васъ прошу о томъ же.

Король.

Счастливый путь, Лаертъ! Располагай
Своимъ досугомъ по свободной волѣ . —
Теперь ты, Гамлетъ, сродникъ нашъ и сынъ —

Гамлетъ *(въ сторону.)*

О нѣтъ, не сынъ, но болѣе чѣмъ сродникъ. (5.)

Король.

Какъ, все еще сей облакъ надъ тобою?

Гамлетъ.

Нѣтъ, Государь, я слишкомъ близко къ солнцу. (6.)

Королева.

Оставь такую мрачность, добрый Гамлетъ,
И обрати на Короля взоръ дружній.
Зачѣмъ всегда, рѣсницы опуская,
Родителя ты, мнишь, ищешь въ прахъ?
Потери дѣло общее — всѣ твари
Живутъ и въ вѣчность идутъ изъ природы.

Гамлетъ.

Такъ, это дѣло общее.

Королева.

Зачѣмъ же
Оно въ тебѣ лишь кажется такъ странно?

Гамлетъ.

Не кажется, но есть такъ, Королева!
Я никакого «кажется» не знаю!
Нѣтъ, мать добрая, не черный плащъ,
Не пышная, печальная одежда,
Не сжатаго дыханія порывы —
О нѣтъ! Ни слезъ обильныя струи,
Ни томное уныніе въ лицѣ,
Ни что изъ сихъ наружныхъ знаковъ грусти
Не выражаетъ сердца! Это все
Казаться можетъ, можетъ быть притворно,
Все горести одежда и прикрасы;
Но что въ душѣ, того никто не видитъ.

Король.

Въ тебѣ я похваляю, добрый Гамлетъ,

Столь сильное печали ощущение;
Но и отец твой потерял отца,
Его отец утратил своего,
И каждый грусть, в дни первые разлуки,
Считал сыновним долгом; но всегда
Упорствовать в печали своенравной —
Безбожно и с природою не сродно.
Что видно в том? Лишь непокорство небу,
Некрѣпость сердца, духа нетерпѣнье,
И слабый, невоздѣланный разумокъ.
И должно ль намъ столь сильно брать къ сердцу,
Что неизбежно, что обыкновенно,
Какъ ежечасно видимыя вещи?
Повѣрь мнѣ, нѣтъ! то грѣхъ противъ небесъ,
Уму противный грѣхъ противъ умершихъ,
Противъ природы, в которой смерть — законъ,
Которая бездушныхъ глѣтъ устами
Съ начала міра вопіетъ по нынѣ:
Такъ должно! Свергни, нашимъ внявъ моленьямъ,
Печали бремя, и объ насъ помысли,
Какъ объ отцѣ: пускай узнаетъ свѣтъ,
Что ты ближайшій къ нашему престолу,
Что съ тою же горячностію сердца,
Съ какой отецъ нѣжнѣйшій любитъ сына,
Тебя мы любимъ. Мысль твоя — отсюда
Къ наукамъ возвратиться въ Виттенбергъ (7.) —
Она съ желаньемъ нашимъ не согласна:
Останься, просимъ мы усердно, здѣсь,
Для нашихъ глазъ весельемъ и утѣхой,
Главой придворныхъ, сродникомъ и сыномъ.

Королева

Не отвергай просьбъ матери, мой Гамлетъ!
Останься здѣсь, забудь о Виттенбергѣ.

Гамлетъ.

Я повинуюсь слѣпо, Королева.

Король.

Вотъ такъ! прекрасный, дружескій отвѣтъ!

Останься; будь, какъ мы, здѣсь. — Королева!
Безспорное согласіе такое
Улыбка сердцу нашему. Сегодня
Объ каждомъ изъ заздравныхъ нашихъ кубковъ
Большая пушка скажетъ облакамъ,
И небеса привѣтъ нашъ прогремятъ,
Отвѣтствуя на громъ земли. — Пойдемъ!
(Уходятъ всѣ, кромѣ Гамлета.)

Гамлетъ (*одинъ.*)

О! еслибъ весь столь твердый сей составъ мой
Могъ распуститься, и низпасть росую!
Или творецъ противъ самоубійства
Не положилъ закона? Боже, Боже!
Какъ обветшалъ, и тягостенъ, и низокъ
Въ очахъ моихъ дѣяній ходъ на свѣтъ!
О, свѣтъ презрѣнный! Ты заглохшій садъ,
Гдѣ зрѣютъ лишь и сѣются волчцы
И тернія! И до сего дошло!
Два мѣсяца какъ мертвъ! — Еще и двухъ нѣтъ!
И столь достойный Царь! Гиперіонъ
Въ сравненіи съ преемникомъ Сатиромъ! (8.)
Супругъ столь нѣжный! Онъ небеснымъ вѣтрамъ
Претилъ дуть сильно на лице супруги!
Земля и небо! должно ли припомнить?
И обладанье, мнилось, умножало
Въ ней обладанья жажду! — И чрезъ мѣсяць! —
Оставь меня, мысль тяжкая! О бренность!
Твое названье женщина! Чрезъ мѣсяць
Одинъ! Еще не обветшала обувь,
Въ которой шла она за мертвымъ тѣломъ
Въ слезахъ, какъ Ніобія! — И она —
О небо! Звѣрь, безъ слова и разсудка,
Грустилъ бы долъ! — И она супруга
Другаго брата, сходнаго съ умершимъ,
Какъ съ Геркулесомъ я! Чрезъ краткій мѣсяць —
Скорѣй чѣмъ влага вынужденныхъ слезъ
Въ наплаканныхъ глазахъ ея засохла —
Она супруга! Гнусная поспѣшность
Къ порочному кровосмѣшенью ложу!
Тутъ нѣтъ добра и быть впередъ не можетъ!
Но рвися, сердце! — Я умолкнуть долженъ!

(Гораціо, Марцеллій и Бернардо входятъ.)

Гораціо.

Любезный Принцъ! —

Гамлетъ.

Я радъ, что ты здоровъ —
Гораціо — иль я самъ себя не помню?

Гораціо.

Онъ самый, Принцъ! Всегда слуга вашъ вѣрный.

Гамлетъ.

Гораціо! Ты будь другъ мой, я слуга твой. (9.)
За чѣмъ же ты оставилъ Виттенбергъ? —
Марцеллій! —

Марцеллій.

Принцъ! —

Гамлетъ.

Здорово!
Какъ я радъ! Но что васъ выжило изъ Виттенберга?

Гораціо.

Лѣнь, добрый Принцъ мой.

Гамлетъ.

Не дай Богъ чтобъ и врагъ твой говорилъ такъ!
И ты не долженъ оскорблять мой слухъ,
Его сей вѣсти вѣрить заставляя:
Что не лѣнивъ ты, знаю я давно.
Что жъ за дѣла у васъ здѣсь въ Эльсинорѣ?
Мы выучимъ здѣсь пить тебя, Гораціо.

Гораціо.

Я погребенье вашего отца

Желалъ увидѣть.

Гамлетъ.

Другъ, не насмѣхайся!
Нѣтъ, вѣрно матери обрядъ вѣнчальный!

Гораціо.

Одно случилось скоро за другимъ.

Гамлетъ.

Расчетъ, Гораціо! Бережливость! — Блюда
Отъ похоронъ на пиръ остались брачный!
Мнѣ легче бѣ было злѣйшаго врага
Найти въ раю, чѣмъ пережить тотъ день!
Родитель мой; его я, мнится, вижу —

Гораціо.

Гдѣ, Принцъ?

Гамлетъ.

Предъ окомъ умственнымъ, Гораціо.

Гораціо.

И я видалъ его: Король достойный!

Гамлетъ.

Онъ человѣкъ былъ въ полномъ смыслѣ слова;
Ему подобныхъ вѣрно не найти мнѣ.

Гораціо.

Его я, мнится, видѣлъ прошлой ночью.

Гамлетъ.

Кого ты видѣлъ?

Гораціо.

Вашего отца.

Гамлетъ.

Отца?

Гораціо.

Умѣрьте, Принцъ, вниманьемъ на минуту
Порывы удивленья; мы подробно —
Я, и сіи два очевидца, чудо
Разскажемъ вамъ.

Гамлетъ.

Не медли, ради Бога!

Гораціо.

Двѣ ночи сряду, вмѣстѣ бывъ на стражѣ,
Ужъ видѣли Марцеллій и Бернардо,
Въ глухую полночь, то же привидѣнье;
И въ точномъ видѣ вашего отца:
Отъ головы до ногъ вооружень,
Являлся призракъ, медленно и важно
Трикраты онъ съ осанкой величавой
Предъ уstraшеннымъ проходилъ ихъ взоромъ
Не далѣе, какъ на длину копья;
И въ ужасѣ, сердцами леденѣя,
Они стояли передъ нимъ безмолвно.
Узнавъ отъ нихъ о непостижной тайнѣ,
На третью ночь на стражѣ былъ я самъ,
И все сбылось, что слышалъ я о мѣстѣ,
О времени и видѣ привидѣнья:
Оно пришло — и то былъ вашъ родитель!
Не болѣе моя одна рука
Другой подобна!

Гамлетъ.

Гдѣ онъ появлялся?

Гораціо.

Тамъ, гдѣ ночная стража, на террасѣ.

Гамлетъ.

Ты говорилъ съ нимъ?

Гораціо.

Да, но онъ молчалъ;

Однажды только, голову возвыся,
Подвигся онъ, казалось, для отвѣта;
Но въ ту минуту прокричалъ пѣтухъ:
При звукѣ семъ онъ вздрогнулъ, и поспѣшно
Пошелъ, и скрылся вдругъ изъ вида.

Гамлетъ.

Дивно!

Гораціо.

Я въ истинѣ сего ручаюсь жизнью,
И мы почли священнымъ долгомъ вамъ
Открыть видѣнье.

Гамлетъ.

Да, друзья, конечно,

И вѣстью сей я такъ встревожень; — вы
Сей ночью будете на стражѣ?

Все трое.

Будемъ.

Гамлетъ.

Онъ былъ вооружень?

Гораціо.

Вооружень.

Гамлетъ.

Отъ головы до ногъ?

Гораціо.

Такъ точно, Принцъ.

Гамлетъ.

Вамъ было видно и лице?

Гораціо.

О, видно:

Забрало было поднято.

Гамлетъ.

И гнѣвень

Казался онъ?

Гораціо.

Нѣтъ, съ выраженьемъ грусти
Скорѣй, чѣмъ гнѣва.

Гамлетъ.

Блѣдень иль румянь?

Гораціо.

Нѣтъ, очень блѣдень.

Гамлетъ.

Онъ на васъ смотрѣлъ?

Гораціо.

И пристально.

Гамлетъ.

О, еслибъ я былъ съ вами!

Гораціо.

И вами вѣрно овладѣлъ бы ужась.

Гамлетъ.

О вѣрно, вѣрно! Долго ль былъ онъ съ вами?

Гораціо.

Не долѣе, какъ сто я насчиталъ бы.

Марцеллій.

Нѣтъ, долѣ.

Гораціо.

Развѣ въ первыя двѣ ночи.

Гамлетъ.

Сѣдъ волосомъ, иль нѣтъ?

Гораціо.

Точь въ точь, какъ въ жизни
Его я видѣлъ: черень съ сѣдиной.

Гамлетъ.

Я самъ сегодня буду къ вамъ на стражу.
Быть можетъ онъ придетъ опять.

Гораціо.

О, вѣрно!

Гамлетъ.

Когда родителя онъ принялъ образъ,
Я вопрошу его, хотя бь умолкнуть
И самый адъ, разверзшись, повелѣлъ мнѣ.
Прошу васъ, други, если вы донинѣ
Хранили тайну, продолжишь молчанье,
И все, что сею ночью ни случится,
Хранить въ душѣ, устамъ не повѣряя:
Я за услугу отплачу. Простите!
Мы на террасѣ, какъ настанетъ полночь,
Увидимся.

Всѣ трое.

Къ услугамъ вашимъ долгъ нашъ....

Гамлетъ.

Не долгъ, любовь, какъ вамъ моя; простите!
(Гораціо, Марцеллій и Бернардо уходятъ.)

Отца вооруженный призракъ? Странно!
Тутъ нѣчто скрыто. О, скорѣй бы ночь!
Спокойно жди душа моя! Злодѣйства
Откроются, хоть ихъ засыпь горами.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комната въ домъ Полонія)

Лаертъ и Офелія (входятъ.)

Лаертъ.

Мои пожитки въ корабль — прости!
И если насъ благопріятный вѣтеръ
Перенесетъ, не спи сестра, и вѣсть мнѣ
Поддай скорѣй.

Офелія.

О, въ томъ не сомнѣ вайся.

Лаертъ.

А что до мнимой Гамлетовой страсти —
Считай ее игрою крови, модой,
Перворожденнымъ юности цвѣткомъ,
Прекраснымъ, свѣжимъ, но минутнымъ только,
Съ минутною красой и ароматомъ:
Не болѣ.

Офелія.

И ее болѣ?

Лаертъ.

Такъ, не болѣ.

Не думай, что съ лѣтами человекъ
Растетъ лишь тѣломъ: возрастаетъ храмъ,

А вмѣстѣ съ тѣмъ мужають и жрецы,
Душа и умъ. Быть можетъ, ты любима,
И ни обманъ теперъ, ни злобный умыслъ
Не оскверняетъ Гамлетовыхъ мыслей;
Но бойся: онъ, въ величїи, безъ воли;
Онъ царственной своей породы рабъ,
И въ склонности не властенъ, какъ иные;
Отъ выбора его зависѣть будетъ
Спокойствіе и благо Государства,
И въ немъ онъ долженъ соглашаться съ гласомъ
И волей тѣла, коего глава онъ.
Благоразуміе тебѣ велитъ
Не больше вѣрять увѣреньямъ въ страсти,
Какъ сколько можетъ оправдать слова онъ
На самомъ дѣлѣ, то есть, сколько общій
Гласъ Даніи сей выборъ подтверждаетъ.
Помысли, чтг твоя теряетъ честь,
Когда, внимая легковѣрно лести,
Утратишь сердце, или сластолюбцу
Сокровище ты чистое повѣришь.
Страшишь сего, страшишь, моя сестра!
Нейди за страстью; тамъ пребудь, куда
Желанья стрѣлы долетѣть не властны;
Дѣвицѣ скромной много и того,
Когда красы ея увидитъ мѣсяцъ;
Злословіе разить и добродѣтель;
Не рѣдко червь снѣдаетъ чадъ весны,
Когда еще ихъ цвѣтъ не распускался,
И на зарѣ росистой новыхъ лѣтъ
Найболѣе свирѣпствуетъ зараза.
Будь осторожна: страхъ есть безопасность,
И молодость сама себѣ всегдашній,
Страшнѣйшій врагъ.

Офелія.

Спасительный урокъ сей

Мнѣ будетъ стражемъ сердца; но, мой братъ,
Не будь и ты, какъ строгій проповѣдникъ:
Тернистый путь мнѣ указуя къ небу,
И тутъ же самъ, въ безпутномъ своевольствѣ,
По розовой тропѣ утѣхъ блуждая,
На перекоръ словамъ своимъ.

Лаертъ.

Не бойся!

Пора! Но вотъ родитель нашъ:

(Полоній входитъ.)

Въ двойномъ

Благословенъи благодать двойная!

Вотъ и къ вторичному прощанью случай.

Полоній.

Ты здѣсь, Лаертъ? Не стыдно ли? Спѣши!

Вѣтръ дуешь въ плечи парусамъ! Тебя (10.)

Ужъ ждутъ! Прими мое благословенье,

(Кладетъ ему руки на голову.)

И правила запечатлѣй въ душѣ.

Не повѣрай ни мыслиея языку,

Ни безразсудныхъ замысловъ дѣянью;

Будь обходителенъ, но не навязчивъ;

Имѣешь ли испытанныхъ друзей —

Къ душѣ стальной приковывай ихъ цѣпью,

Но всякому безперому птенцу

Не подавай руки на дружбу; бойся

Начала ссоръ, а въ ссорахъ дѣлай такъ,

Что бы противникъ сталъ тебя бояться;

Всѣхъ слушая, немногимъ говори;

Внимай сужденьямъ всѣхъ, свои скрывая;

Одеждой будь съ доходомъ сообразенъ,

Но не причудливъ, и богатъ, не пышенъ:

Наружный видъ высказываетъ душу,

И въ лучшемъ обществѣ Французовъ вѣренъ

И тонокъ вкусъ, особенно въ одеждѣ;

Не занимай, и не давай въ займы:

Дашь — потеряешь съ деньгами и друга;

Займешь — притупитъ остріе расчета;

Всего же болѣ: вѣренъ будь себѣ,

И [слѣдуетъ за симъ, какъ день за ночью]

Ты не измѣнишь никому. Прости!

Да водворитъ мое благословенье

Въ тебѣ урокъ сей.

Лаертъ.

Вашъ нижайшій сынъ!

Простите!

Полоній.

Время! Слуги ждутъ тебя.

Лаертъ.

Прости, сестра, и помни, что сказалъ я.

Офелія.

Я въ памяти твои замкнула рѣчи,
И ключъ отъ ней тебѣ же отдаю.

Лаертъ.

Простите!

(Уходитъ.)

Полоній.

Что, Офелія, сказалъ онъ?

Офелія.

Онъ говорилъ о Гамлетѣ со мною.

Полоній.

А, очень кстати!
Съ тобой, я слышалъ, Принцъ наединѣ
Бываютъ сталъ часто; говорятъ, свободно
И ласково его ты принимаешь.
Когда то правда [какъ въ предосторожность
Мнѣ возвѣстили], я замѣтить долженъ,
Что ты себя не знаешь такъ, какъ чести
И имени то твоему прилично,
И что такое съ нимъ у васъ? Скажи мнѣ!

Офелія.

Онъ говорилъ, любезнѣйшій родитель,

О склонности своей ко мнѣ.

Полоній.

Ну, такъ!

О склонности! Послушай! Ты болтаешь
Какъ новичекъ въ такомъ опасномъ дѣлѣ.
Что жь? Ты конечно склонности сей вѣришь?

Офелія.

Я и сама не знаю, что подумать.

Полоній.

Такъ вотъ, узнай же! Думай, что глупа ты,
Что склонности, не стоящія гроша (11.)
Ты за наличныя приемишь деньги.
Склонися - ка къ разсудку, иль [насилъно
Несчастное удерживая слово]
Людей ты склонишь къ мысли, что дуракъ я. (12.)

Офелія.

Но онъ свою представилъ мнѣ любовь
Въ столь добромъ видѣ —

Полоній.

Да, «видомъ» это звать ты можешь! — Дальше! (13.)

Офелія.

И подкрѣплялъ при томъ свои слова
Обѣтами и клятвою святѣйшей.

Полоній.

Да! Сѣти на перепеловъ! Я знаю
Какъ расточительна душа на клятвы,
Когда бунтуетъ кровь! Такія вспышки
Имѣютъ блеску больше, чѣмъ тепла —
И гаснутъ въ тотъ же мигъ, когда родятся:
Не почитай огнемъ ихъ, и отнынѣ
Не расточай такъ впредь своей бесѣды;

Цѣни ее дороже, и со всякимъ
Не знайся, кто захочетъ; а нашъ Гамлетъ —
Ты вѣрь тому лишь, что еще онъ молодъ,
Что на длиннѣйшемъ ходитъ онъ арканъ,
Чѣмъ то тебѣ пристойно; но не вѣрь
Его обѣтамъ: въ чистой сей одеждѣ
Нечистыя скрываются затѣи;
Они — одна завѣса обольщенья,
И для обмана только носятъ образъ
Священныхъ клятвъ. Однажды навсегда —
Я не хочу, чтобъ оскверняла болѣ
Ты хоть одно мгновение досуга
Бесѣдой съ Гамлетомъ, или свиданьемъ.
Смотри — сего я требую. Ступай!

Офелія.

Я повинуюсь.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

(Терраса передъ замкомъ)

Гамлетъ, Гораціо и Марцеллій *(входятъ.)*

Гамлетъ.

Какая стужа! Воздухъ такъ и колетъ!

Гораціо.

Да, острый и холодный воздухъ.

Гамлетъ.

Который часъ, Гораціо?

Гораціо.

Скоро полночь.

Марцеллій.

Нѣтъ, полночь било.

Гораціо.

Право? Я не слышалъ;
И такъ уже почти настало время,
Когда приходитъ обычайно призракъ.
(Слышны звуки трубъ и пушечные выстрѣлы.)
Что это значить, Принцъ?

Гамлетъ.

Король пируетъ
И тѣшится любимецъ новый счастья:
Со всякимъ полнымъ Рейнскаго стаканомъ
Гремитъ, какъ могутъ, трубы и литавры
Его побѣду надъ виномъ.

Гораціо.

Таковъ
Обычай.

Гамлетъ.

Да, конечно; но по мнѣ,
Хотя, рожденный здѣсь, и пріобыкъ я
Къ нему издавна, больше чести бросить,
Чѣмъ въ точности хранить такой обычай.
Сии пиры насъ сдѣлали повсюду
Посмѣшищемъ народовъ и презрѣньемъ,
Намъ дали имя пьяницъ и нечистыхъ; (14.)
Сей червь снѣдаетъ чистое зерно
Высокихъ нашихъ и отличныхъ качествъ,
Правдивую хвалу намъ приносившихъ.
Бываетъ то жъ и съ частнымъ человѣкомъ:
Онъ за одно моральное пятно,
Природное ль, [и въ этомъ онъ невиненъ,
Невластный качествъ выбрать при рожденьи,]
Послѣдствіе ль наклонности дурной,
Твердынями разсудка овладѣвшей,
Или привычки, преступившей грани
Поступковъ добрыхъ; онъ, я говорю,
За сей одинъ порокъ, клеймо природы
Иль случая — хотябъ въ немъ добродѣтель

Была чиста, какъ благодѣнья,
И высока, какъ съ смертною лишь сродно —
Въ сужденьяхъ общества теряетъ всю
Цѣну свою и славу: капля зла
Одолѣваетъ все благое, все
Чернить своей заразой.

(Тѣнь входитъ.)

Гораціо.

Принцъ! Вотъ призракъ!

Гамлетъ.

Спасите насъ, благія силы неба!
Кто бъ ни былъ ты, духъ благодѣнья,
Небесъ ли вѣтръ, иль адскій вихрь съ тобою;
Идешь ли съ замысломъ благимъ иль злобнымъ;
Твой образъ столь заманчивъ, что бесѣды
Твоей я жажду, звать тебя хочу
Монархомъ Датскимъ, Гамлетомъ, отцомъ.
Не мучь меня безвѣстностью! Скажи,
Почто твой прахъ, по смерти освященный,
Расторгнулъ саванъ свой? Почто могила,
Разверзши тяжкій, мраморный свой зѣвъ,
Изрыгнула на свѣтъ тебя? Почто
Умершій, ты въ воинственномъ доспѣхѣ
Приходишь въ міръ подлунный, и ужаснымъ
Творишь мракъ ночи, и составъ нашъ бранный,
Насъ, бѣдное игралище природы,
Непостижимымъ потрясаешь чудомъ?
Скажи, почто? Что должно сотворить намъ?

Гораціо.

Онъ знаками зоветъ васъ, Принцъ, къ себѣ,
И будто хочетъ нѣчто сообщить вамъ
Наединѣ.

Марцеллій.

Смотрите, какъ манитъ онъ,
И приглашаетъ вмѣстѣ удалиться!
Но, Принцъ, неидите!

Гораціо.

Нѣтъ, нейдите!

Гамлетъ.

Онъ

Безмолвствуетъ; я слѣдую за нимъ.

Гораціо.

Останьтесь, Принцъ!

Гамлетъ.

За чѣмъ? Чего страшиться?

Я жизнь свою не ставлю въ грошъ; а душу — (15.)

Но что онъ можетъ надъ моей душой?

Не также ли она, какъ онъ, безсмертна?

Опять манить: я слѣдую за нимъ.

Гораціо.

Но что, когда онъ заведетъ въ рѣку васъ,
Иль на вершину дикую горы,
Нависнувшей стремниною надъ моремъ,
И приметъ тамъ иной, страшнѣйшій образъ,
И въ немъ лишитъ васъ царствія разсудка,
Васъ обезумитъ? Принцъ! помыслите лучше!
Одно ужъ мѣсто, безъ иной причины,
Отчаянье на душу навлекаетъ,
Когда на море смотришь съ высоты
И слышишь ревъ его!

Гамлетъ.

Опять зоветъ!

Иди, — я слѣдую.

Марцеллій.

Нѣтъ, Принцъ, останьтесь.

(Удерживаетъ его.)

Гамлетъ.

Прочь!

Гораціо.

Нѣтъ, послушайтесь, нейдите, Принцъ!

Гамлетъ.

Судьба моя зоветъ!
И каждая въ семъ тѣлѣ нерва стала
Какъ жила льва Немсйскаго! — Опять
Тѣ жъ знаки! Прочь, или клянуса небомъ,
Тотъ призракомъ быть скоро можетъ самъ,
Кто удержать меня посмѣетъ! Прочь!
Иди — я слѣдую.

(Тѣнь уходитъ, за нею Гамлетъ.)

Гораціо.

Воображевьє

Его выводитъ изъ себя.

Марцеллій.

Пойдемъ

За ними: тутъ ослушность не порокъ.

Гораціо.

Пойдемъ! Чѣмъ кончится сей странный случай?

Марцеллій.

Знать въ Даніи свершилось нѣчто злое!

Гораціо.

Будь воля неба!

Марцеллій.

Но пойдемъ за нимъ.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

(Отдаленная часть Террасы.)

Гамлетъ и Тѣнь *(входятъ.)*

Гамлетъ.

Куда меня ведешь ты? Говори
Иль я нейду.

Тѣнь.

Внимай мнѣ!

Гамлетъ.

Я внимаю.

Тѣнь.

Ужь близокъ часъ, когда я возвратиться
Въ мучительный и сѣрный долженъ пламень.

Гамлетъ.

Тѣнь бѣдная!

Тѣнь.

Не сожалѣй о мнѣ,
Но выслушай открытѣ страшной тайны.

Гамлетъ.

Я выслушать обязанъ: говори!

Тѣнь.

И мстителемъ обязанъ быть.

Гамлетъ.

Какимъ?

Тѣнь.

Я духъ безплотный твоего отца;
Я осужденъ блуждать во мракѣ ночи,
А днемъ въ огнѣ томиться голодомъ, жаждой
Пока мои земныя преступленья
Не выгорятъ въ мученіяхъ. О, еслибъ
Я властенъ былъ открыть тебѣ всѣ тайны
Моей темницы! Лучшее бы слово
Сей повѣсти тебѣ взорвало сердце,
Оледѣнило кровь, и оба глаза,
Какъ двѣ звѣзды, исторгнуло изъ мѣстъ ихъ,
И распрямивъ твои густыя кудри,
Поставилобъ отдѣльно каждый волосъ,
Какъ гнѣвнаго щетину Дикобраза!
Но брѣнное не постигаетъ ухо
Тайнъ вѣчности. О, слушай, слушай, слушай!
И если ты родителя любишь —

Гамлетъ.

О, небо!

Тѣнь.

Отмсти его безчестное убійство.

Гамлетъ.

Убійство?

Тѣнь.

Оно безчестно, какъ и всѣ убійства;
Но всѣхъ позорнѣй, всѣхъ безчеловѣчнѣй.

Гамлетъ.

О, поспѣши открыть его! На крыльяхъ
Какъ мысль любви, какъ созерцанье быстрыхъ
Лечу я къ мести.

Тѣнь.

Ты таковъ, какъ должно;
И былъ бы ты безчувственнѣй растѣннѣй,
Гнѣющихся вѣчно на недвижной Летѣ, (16.)
Когда бѣ при семъ душею не подвигся.
Теперь внимай: распущенъ слухъ, что сонный
Я уязвленъ въ саду змѣею; такъ
Вся Данія обманута постыдно;
Но, благородный юноша, познай,
Что змѣй, меня смертельно уязвившій,
Теперь въ моей коронѣ.

Гамлетъ.

О предчувствѣ!

Онъ, дядя?

Тѣнь.

Онъ, сей звѣрь кровосмѣситель,
Ума волшебствомъ и даровъ обманомъ
[Будь проклятъ умъ и прокляты дары,
Орудія прельщенья] преклонилъ
Къ своей постыдной страсти Королеву.
Какая низкая, Гамлетъ, измѣна!
Меня покинуть, коего любовь
Шла объ руку, на шагъ не отставая,
Супружнихъ клятвъ; несчастному предашься,
Котораго всѣ качества души
Ничто передъ моими.
Но добродѣтель не падеть, хотябы
Въ небесномъ видѣ льстилось къ ней безстыдство;
Порокъ же, будь онъ въ Ангельскихъ объятяхъ,
Повергнувшись на райскомъ дожѣ, станетъ
Питаться срамомъ.
Я, мнится, чую раннѣй вѣтерокъ,
И сокращу разсказъ: когда въ саду
Я по полудни, какъ обычно, спалъ,
Неслышно твой ко мнѣ подкрался дядя
Съ фіаломъ сока белены (17.) зловредной,
И сонному въ отверстие уха влилъ
Губительную влагу, коей сила
Въ враждѣ жестокой съ кровью челоуѣка:
Сей ядъ, какъ ртуть, невѣроятно — быстро

По всѣмъ тончайшимъ пробѣгаетъ жиламъ,
И, какъ млеко отъ острой кислоты,
Объятая мгновенной силой, крѣпнетъ,
Густится кровь. Такъ было и со мною:
Въ одну минуту сталъ я, новый Лазарь,
Отъ головы до ногъ, какъ чешуями,
Покрытъ гноистой сыпью. —
Такъ, вдругъ короны, жизни, Королевы
Лишень я сонный братнею рукою;
Убить, убить во цвѣтѣ преступленій,
Безъ таинства элея и причастья,
Безъ покаянья посланъ къ судіи
Съ грѣховнымъ игомъ на главѣ неправой,
Ужасно, о ужасно!
Когда въ тебѣ душа есть, не стерпи!
Не дай страны сей царственному ложу
Кровосмѣшенемъ оскверняться гнуснымъ!
Но что бы ты ни предпріялъ для мести,
Страшишь унизишь душу умысленемъ
На мать свою: оставь ее, мой сынъ,
Суду небесъ, и терніямъ сокрытымъ
Въ груди ея. Теперь прости навѣки!
Свѣтящій червь ужъ возвѣщаетъ утро:
Его блѣднѣетъ слабое сіянье.
Прости, прости, и помни: я отецъ твой!
(Удаляется.)

Гамлетъ.

О силы неба! О земля! — Что болѣ?
Не долженъ ли и адъ призвать я? — Тише,
Спокойся, сердце! Не старѣйтесь, мышцы!
Держите крѣпче мой составъ! О, помнишь!
Такъ, бѣдная, блуждающая тѣнь!
Покуда память въ черепѣ семъ! помнись!
Я на скрижаляхъ памяти изглажу
Всѣ мелкія воспоминанья жизни,
Всѣ книжныя слова, все впечатлѣнья,
Всѣ юности замѣтки и разсудка:
Твое лишъ, мой родитель, повелѣнье
Безъ примѣси, одно жить будетъ въ книгѣ
Души моей: клянусь въ томъ небесами!
О злѣйшая преступница! о извергъ!

Злодѣй! Съ улыбкой на устахъ злодѣй!
Вотъ книжка (18.) — Я замѣчу, что возможно
И улыбаться всѣмъ, и быть злодѣемъ;
Покрайней мѣрѣ въ Даніи возможно.
(Пишетъ.)

Ты, дядя, здѣсь; теперь слова святыхъ:
«Прости, прости, и помни: я отецъ твой!»
Я поклялся.

Гораціо. (за сценою.)

Принцъ!

Марцеллій.

Принцъ, Принцъ Гамлетъ!

Гораціо.

Боже! Спаси его!

Гамлетъ.

Да будетъ такъ!

Марцеллій.

Го, го!

Принцъ, Принцъ!

Гамлетъ.

Го, го! Сюда мой ясный соколъ! (19.)

Гораціо и Марцеллій (Входятъ.)

Марцеллій.

Что въ вами, Принцъ?

Гораціо.

Что съ вами было, Принцъ?

Гамлетъ.

О, дивно!

Гораціо.

Разскажите намъ, мой Принцъ!

Гамлетъ.

Но вы откроете —

Гораціо.

Нѣтъ, Богъ свидѣтель!

Марцеллій.

О, нѣтъ!

Гамлетъ.

Вотъ видите — ктобъ могъ подумать? —
Но сохраните тайну!

Гораціо и Марцеллій.

О, повѣрьте!

Гамлетъ.

Представьте жъ: всякій въ Даніи мошенникъ
Есть подлый негодяй!

Гораціо.

И только, Принцъ? чтобъ это возвѣститъ,
Не стоило вставать изъ гроба тѣни!

Гамлетъ.

Конечно такъ: ты совершенно правъ;
И потому, безъ всякихъ дальнихъ толковъ,
Нехудо намъ простившись, разойтись.
Вы можете идти, куда зоветъ васъ
Желаніе иль дѣло [всякъ имѣеть

Свои желанья и дѣла] а я —
Я — знаете — пойду молиться.

Гораціо.

Какія, Принцъ, загадочныя рѣчи!

Гамлетъ.

Мнѣ жаль, что вамъ онѣ обидны; да,
Отмѣнно жаль!

Гораціо.

Тутъ нѣтъ обиды, Принцъ!

Гамлетъ.

О, есть, Гораціо, вѣрь мнѣ — и большая!
Что до видѣнья, бывшаго здѣсь — это
Тѣнь честная, позвольте вамъ сказать такъ;
А любопытство знать о нашей связи
Одолѣвай, какъ можетъ кто. Теперь,
Когда вы мнѣ товарищи прямые
Въ военномъ дѣлѣ, дружбѣ и наукахъ,
Исполните мою одну лишь просьбу.

Гораціо.

Какую, Принцъ? Мы рады.

Гамлетъ.

Никогда

Не открывайте видѣннаго нынѣ.

Гораціо и Марцеллій.

О, никогда!

Гамлетъ.

Но вы должны поклясться.

Гораціо.

Ей ей, Принцъ, никогда!

Марцеллій.

Ей ей, мой Принцъ!

Гамлетъ.

Мечемъ моимъ!

Марцеллій.

Но, Принцъ, мы поклялись ужъ.

Гамлетъ.

О нѣтъ! Мечемъ моимъ! Мечемъ!

Тѣнь. (*подъ землю.*)

Клянитесь!

Гамлетъ.

А, а! И ты здѣсь, молодецъ мой? — Ну,
Вы слышите изъ погреба пріятель
Велитъ вамъ клясться!

Гораціо.

Въ чемъ, Принцъ? Мы готовы.

Гамлетъ.

Клянитесь мнѣ мечемъ, не разглашать
Того, что взоръ вашъ видѣлъ здѣсь!

Тѣнь (*подъ землю.*)

Клянитесь!

Гамлетъ.

Ніс et ubique? (20.) — Отойдемъ подальше!
Сюда, друзья!
На обнаженный мечъ кладите руки,
Мечемъ клянитесь

Не молвишь слова обо всемъ, что здѣсь
Позналъ вашъ слухъ!

Тѣнь (*подъ землю.*)

Мечемъ его клянитесь!
Гамлетъ.

Такъ точно, старый кротъ мой! Какъ ты скоро
Копашь землю! Славный рудокопъ!
Еще разъ дальше отойдемъ, друзья!

Гораціо.

О день и ночь! Чудесно-странно!

Гамлетъ.

Странно?

Примите жъ, други, странника подъ кровъ вашъ;
Но любопытствомъ лишь его не мучьте, (21.)
Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.
Но къ дѣлу!
Клянитесь мнѣ, какъ намъ свидѣтель Богъ,
Что никогда, какъ нибыль бы я странень —
И можетъ быть я разсужу за благо
Принять смѣшной, необычайный видъ —
Ни чѣмъ: ни такъ слагая на крестъ руки,
Ни головой значительно качая,
Ни темною, таинственною рѣчью,
Какъ на примѣръ: *да, да! мы это знаемъ;*
Иль: мы могли бы, если бы хотѣли;
Иль: еслибъ мы молчатъ не обѣщали;
Иль: люди есть, которые могли бы —
Или инымъ неясственнымъ намѣкомъ
Не будете измѣнниками тайны;
Клянитесь мнѣ, какъ въ крайности надежда
На помощь Бога въ васъ живетъ!

Тѣнь. (*подъ землю.*)

Клянитесь!

Гамлетъ.

О, успокойся, страдающая тѣнь!
Теперь, друзья, себя я поручаю
Пріязни вашей; если вамъ на дѣлѣ
Любовь и дружбу доказать возможетъ
Подобный мнѣ бѣднякъ — Богъ дастъ, докажетъ!
Пойдемъ; но персты на уста, прощу васъ!
Нашъ вѣкъ разстроень; о несчастный жребій!
Почтоже я рожденъ его исправишь?
Пойдемъ, за мною, други!

(Уходятъ.)

Конецъ I дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Комната въ домъ Полонія).

Полоній и Ренальдо.

Полоній.

Отдай ему, Ренальдо — вотъ бумаги
И деньги.

Ренальдо.

Слушаю, и все исполню.

Полоній.

Да ты отмѣнно сдѣлалъ бы умно,
Когдабъ сперва, мой другъ, о поведеніи
Его развѣдалъ.

Ренальдо.

Такъ я и хотѣлъ.

Полоній.

Да, хорошо, умно мой другъ. Вашъ видишь:

Сперва ты спросишь, кто теперь изъ Датчанъ
Въ Парижѣ; какъ, зачѣмъ и гдѣ живетъ,
Съ кѣмъ знается и многоль проживаетъ?
И такъ открывъ вопросовъ принаровкой
Что знаютъ сына моего, слегка
Къ нему привести поближе можно рѣчь:
Скажи, что онъ тебѣ извѣстенъ мало,
Какъ на примѣръ: *Отецъ его знакомъ мнѣ,*
Его друзья, и онъ отчасти — слышишь,
Ренальдо?

Ренальдо.

Понимаю.

Полоній.

И онъ отчасти; но, прибавь: немного;
И если это тотъ, то онъ повѣса,
Таковъ онъ и таковъ — и на него
Наговори чего угодно, только
Ужъ не безчестнаго — избави Боже!
А шалостей, ошибокъ, недостатковъ,
Къ какимъ всегда приводитъ своеволие
И молодость.

Ренальдо.

Какъ, на примѣръ, игра?

Полоній.

Игра, иль пьянство, бранчивость, задорность,
Блудливость — все я это позволяю.

Ренальдо.

Но, смѣю молвить, это ужъ безчестно.

Полоній.

Ни мало, если ты сказать съумѣешь:
Ты, на примѣръ, ни какъ не называй
Его распутнымъ, буйнымъ — я того
И не хочу — но ухитрись представить

Его проступки шалостью свободы,
Порывомъ, какъ бы, пылкія души,
Игрой кипучей крови, какъ нерѣдко
Оно бываетъ.

Ренальдо.

Но —

Полоній.

Но что? Къ чему

Сіи рассказы?

Ренальдо.

Да, я знать желалъ бы.

Полоній.

Да, да, конечно; есть на все причины;
Въ разказахъ — то и хитрость вся: когда
Представишь сына ты въ подобныхъ пятнахъ,
Съ такими, какъ сказали мы, грѣхами,
Вотъ видишь,
Тотъ, чьи узнать ты пожелаешь мысли,
На случай, если знаетъ онъ такіе
За юношей пороки, вѣрь мнѣ, тотчасъ
Къ тебѣ пристанетъ въ разговорѣ, скажетъ:
Мой другъ, иль сударь, или Государь мой —
Смотря по человѣку и его
Обычаю и званью —

Ренальдо.

Точно такъ.

Полоній.

И если скажетъ онъ — въ чемъ нѣтъ сомнѣнья —
Но чтоже я хотѣлъ сказать? — А право
Сказать хотѣлъ я что-то — погоди —
На чемъ бишь я остановился? —

Ринальдо.

На: *другъ иль сударь, или Государь мой. (1.)*

Полоній.

*Да, другъ, иль сударь, или Государь мой
Онъ скажетъ: О, его я также знаю;
Его вчера, или тогда-то видѣлъ;
И такъ-то, съ тѣмъ-то, или съ кѣмъ другмъ;
Тамъ онъ игралъ, тамъ ссорился, тамъ пилъ;
Иль напримѣръ: онъ былъ въ такомъ-то домѣ —
[Въ какомъ, ты знаешь] (2.) или что другое.
Теперь вотъ видишь:
Приманка лжи изловить рыбу правды.
Такъ мы съ умомъ и хитрою уловкой,
Винтами и пружинами, что должно
Кривымъ путемъ приводимъ прямо къ цѣли;
Такъ затвердивъ урокъ мой, ты о сынѣ
Узнаешь все. Что, понялъ ли ты?*

Ренальдо.

Понялъ.

Полоній.

Ну, съ Богомъ же! Теперь прощай!

Ренальдо.

Прощайте!

Полоній.

Да наблюдай и самъ за нимъ.

Ренальдо.

О, буду.

Полоній.

Да музыкѣ, скажи, чтобъ онъ учился.

Ренальдо.

Исполню все; покорнѣйшій слуга вашъ.
(Ренальдо уходитъ, входитъ Офелія.)

Полоній.

Прощай! Ну что, Офелія? что скажешь?

Офелія.

Ахъ, мой родитель, я такъ испугалась!

Полоній.

Чего же, Бога ради?

Офелія.

Я въ комнатѣ своей спокойно шила,
Какъ Гамлетъ вдругъ — съ разстегнутымъ кафтаномъ,
Безъ шляпы и съ нечистыми чулками,
Обвисшими по самыя плесны,
Съ дрожащими колѣнами, весь блѣдный
Какъ холстъ, со взоромъ столь уныло-дикимъ,
Какъ бы изъ ада говорить пришедъ онъ
Объ ужасахъ — вбѣжалъ ко мнѣ внезапно.

Полоній.

Съ ума сошелъ отъ страсти?

Офелія.

Я незнаю,

Однакъ страшусь —

Полоній.

И что онъ говорилъ?

Офелія.

Онъ, молча взялъ и крѣпко сжалъ мнѣ руку,
И отступалъ на всю ея длину,
И такъ ладонью осѣнивъ глаза,
Мнѣ пристально смотрѣлъ въ лице, какъ будто

Его рисуя. Долго такъ стоялъ онъ,
И наконецъ слегка потрясъ мнѣ руку,
И трижды такъ кивнувши головой,
Вздыхнулъ столь тяжкимъ и глубокимъ вздохомъ,
Что мнилось, въ части разлетится тѣло,
И кончится его земная жизньъ;
Потомъ, пустивъ меня, пошелъ къ дверямъ
Передъ собой не глядя, но назадъ
Черезъ плечо ко мнѣ склонивши взоры,
И вышелъ такъ, съ меня ихъ не спуская.

Полоній.

Пойдемъ со мной; отыщемъ Короля;
То явное любви безумство; часто
Сама себя ея ничтожитъ сила,
И воли въ насъ, какъ всякая подъ небомъ
Мятущая природу нашу страсть,
Къ отчаяннымъ приводитъ умысленьямъ,
Жаль! Можетъ быть его ты оскорбила?

Офелія.

Нѣтъ; писемъ лишь его я не брала,
Какъ повелѣли вы, и посѣщеній
Не принимала.

Полоній.

Вотъ и вся причина.
Жаль; должно было лучше и короче
Узнать его; я думалъ, что онъ шутитъ
И хочетъ зла тебѣ: проклятый толкъ!
Въ насъ старикахъ, по видимому, также
Излишнія родятся подозрѣнья,
Какъ молодымъ несродна осторожность.
Пойдемъ и все расскажемъ Королю;
Мы не должны хранить предъ нимъ молчанья:
Оно для насъ опаснѣе признанья. (3.)
Пойдемъ.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

(Комната въ замкъ.)

Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденстернъ (входятъ.)

Король.

Давно уже здѣсь видѣть васъ желая,
Нашъ Гильденстернъ и добрый Розенкранцъ,
Теперь призвать васъ мы побуждены
Большою нуждой. Вѣрно вы слышали
О перемѣнѣ странной въ нашемъ сынѣ;
О перемѣнѣ, говорю: ни духомъ
Ни видомъ онъ ни сколько не похожъ сталъ
На то, что былъ. Какая же причина,
Окромѣ тягостной отца потери,
Его столь сильно изъ себя выводитъ,
Я и придумать не могу. Прошу васъ,
Какъ съ нимъ воспитанныхъ отъ дѣтскихъ лѣтъ,
Его друзей по юности и мыслямъ,
Прошу пробить здѣсь при дворѣ подолѣ,
И съ Принцемъ чаще, ближе обращаться,
Привлечь его къ разсѣянью, къ забавамъ,
И вывѣдать, когда найдется случай,
Что, намъ безвѣстное, его тревожитъ,
Чтобъ мы, узнавъ, помочь ему могли.

Королева.

Объ васъ онъ много говорилъ; повѣрьте,
Что въ свѣтѣ нѣтъ другихъ двухъ человѣкъ,
Къ которымъ столько онъ привязанъ. Если
Угодно вамъ явишь намъ доброхотство,
И по желанью нашему и просьбѣ
На не большое здѣсь остаться время,
Мы благодарны будемъ за услугу,
Какъ свойственно признательности Царской.

Розенкранцъ.

Король и Королева!
Вы самодержцы наши и владыки,
И въ повелѣнны властны, а не въ просьбѣ,

Явишь свою намъ волю.

Гильденстернь.

Но нашъ долгъ
Повиновенье: Съ преданностью сердца
Мы повелѣньямъ вашимъ предаемся,
И ко стопамъ услуги повергаемъ.

Король.

Благодаримъ васъ, добрый Гильденстернь,
И Розенкранцъ.

Королева.

Благодаримъ душевно,
И посѣтитъ теперь же предлагаемъ
Больнаго нашего Гамлета. Кто здѣсь?
Ведите къ Принцу сихъ господъ.

Гильденстернь.

Дай Богъ,
Чтобы бесѣда наша и старанья
Ему веселье принесли и пользу.

Королева.

О, дай Богъ!
(Розенкранцъ и Гильденстернь уходятъ съ служителемъ.)

Полоній (входитъ.)

Отъ Короля Норвежскаго съ успѣхомъ
Пришло посольство наше, Государь!

Король.

Ты былъ всегда отцомъ извѣстй добрыхъ.

Полоній.

Такъ, Государь! О, вѣрьте, Государь,
Я сохраняю долгъ мой, какъ и совѣсть,
Какъ передъ Богомъ, такъ и предъ Монархомъ,
И думаю, [иль старый мой разсудокъ
Не такъ уже, какъ прежде, ходитъ вѣрно
Догадливости слѣдомъ] что причину
Я Гамлетова отыскалъ безумства.

Король.

О, говори: я жду нетерпѣливо.

Полоній.

Сперва пословъ примите: вѣсть моя
Закуской будетъ пиршеству сегодня.

Король.

Иди же самъ, и приведи сюда ихъ.

(Полоній уходитъ.)

Онъ говоритъ, Гертруда, что источникъ
Онъ Гамлетова отыскалъ безумства.

Королева.

Я думаю, источникъ сей извѣстенъ:

Онъ — смерть отца и нашъ поспѣшный бракъ.

Король.

Мы все узнаемъ.

(Входятъ Полоній, Вольтимандъ и Корнелій.)

Здравствуйте, друзья?

Что намъ сказать велѣлъ Норвежскій братъ нашъ?

Вольтимандъ.

Возвратъ привѣтствій и желаній добрыхъ.

Онъ тотъ же часъ послалъ остановить

Племянника приготовления, кои,

Онъ прежде думалъ, были противъ Польши,

Но рассмотрѣвъ внимательнѣй, узналъ,

Что противъ васъ, и огорченъ такимъ
Его болѣзни, престарѣлыхъ лѣтъ
И слабости во зло употребленьемъ,
Велѣлъ схватить племянника, что было
Исполнено, и Фортинбрасъ охотно,
Рѣчами дяди убѣжденъ, далъ слово
Противу васъ оставить всякій замысль;
За что Король, послушностью довольный,
Далъ въ годъ ему три тысячи червонныхъ,
И порученье, набранное войско
Употребить, не медля, противъ Польши.
Онъ проситъ васъ особеннымъ письмомъ симъ,
(подаетъ Королю бумагу.)

Чтобъ пропускъ вы свободный дать велѣли
Его войскамъ, назначеннымъ къ походу;
Подробности жъ, и дѣла поясненье
Означены въ письмѣ.

Король.

Мы симъ довольны,
Прочтемъ его въ свободный часъ, и будемъ
Отвѣтствовать и обо всемъ помыслимъ.
Благодаримъ за трудъ вашъ; отдохните,
А ночью вмѣстѣ пировать мы станемъ.
Простите.
(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ.)

Полоній.

Дѣло кончено прекрасно.
Король и Королева! Разсуждать
О томъ, что значитъ подданный, что Царь,
За чѣмъ день — день, ночь — ночь, и время — время,
Терять лишь значитъ день и ночь и время;
И такъ, какъ краткость есть душа ума,
А многословность тѣло и одежда,
Я буду краткокъ. Гамлетъ вашъ помѣшанъ:
Я говорю, помѣшанъ; ибо что жъ
И помѣшательство, когда не то,
Что кто-либо, какъ молвится, помѣшанъ?
Но это мимоходомъ.

Королева.

Что намъ въ тонкой,
Искусной рѣчи? — поскорѣ къ дѣлу.

Полоній.

Здѣсь тонкостей нѣтъ вовсе, Королева.
Что онъ помѣшанъ — правда; также правда:
Что жаль его, и жаль, что это правда:
Престранная фигура! Ну, да Богъ съ ней!
Здѣсь тонкостей не нужно. Онъ помѣшанъ,
Сказали мы; теперь въ чемъ дѣло? Должно
Найти сего причину дѣйства: дѣйства,
Иль правильнѣй сказать, сего бездѣйства
Души и тѣла, ибо на сіе
Бездѣйственное дѣйство есть причина,
Вотъ что намъ должно: стало это долгъ нашъ. (4.)

Судите жъ сами:

Я дочь имѣю; то есть, я имѣю,

Пока она моя; и эта дочь

Мнѣ сообщила вотъ что — посмотрите!

(Читаетъ) «Обожаемому идолу души моей, всѣми прелестями
изукрашенной Офеліи» — Непристойное выраженіе, низкое
выраженіе! Да, «изукрашенной» низкое выраженіе; но
послушайте далѣе; *(читаетъ)* «Сіи строки къ ея прелестной,
бѣлоснѣжной груди»

Королева.

И это Гамлетъ ей писалъ?

Полоній.

Минуту

Терпѣнія: я все прочту вамъ, Королева.

(Читаетъ.)

«Невѣрь, что огонь горитъ въ звѣздахъ,

«Что солнце ходитъ въ небесахъ;

«Неправдой истину зови,

«Но вѣрь, о вѣрь моею любовью.

«Я не умѣю сплестать рифмъ, милая Офелія; мнѣ чуждо искусство
выражать мѣрнымъ языкомъ мои стенанья; но что я люблю тебя

болѣ всего на свѣтѣ, вѣрь тому, существо совершеннѣйшее.
Прости! Твой навсегда, безцѣнная Офелія, пока душа моя
держится въ семь тѣлѣ, Гамлетъ»

Вотъ что мнѣ дочь въ покорности вручила,

И рассказала всѣ его исканья,

Все по порядку времени и мѣста.

Король.

Какъ приняла она его любовь?

Полоній.

Что обо мнѣ вы мыслите?

Король.

Что ты

И вѣрный намъ и честный человѣкъ.

Полоній.

И оправдать хочу я ваши мысли;

Но чтобъ могли вы думать, еслибъ я,

Сю любовь замѣтя [а я прежде

Ее замѣтилъ, чѣмъ сказала дочь мнѣ]

Чтобъ вы могли, и Королева, думать

Когда бы я пребылъ какъ столъ иль книжка, (5.)

Или притомъ остался глухъ и нѣмъ,

Иль сталъ глядѣть честолюбивымъ окомъ?

Чтобъ вы могли подумать? Нѣтъ; за дѣло

Взялся я тотчасъ; дочери сказалъ:

Нашъ Гамлетъ Принцъ, и онъ тебѣ не пара;

Сего не должно; и велѣлъ ей строго,

Сидѣть, когда придетъ онъ, въ заперти,

Не принимать ни писемъ, ни подарковъ.

Мои совѣ ты принесли плоды,

И онъ, [чтобы скорѣй окончить повѣсть]

Отказъ всегда встрѣчая, потерялъ

Сперва веселость, тамъ охоту къ пищѣ,

Потомъ и сонъ, потомъ и силы; сталъ

Разсѣянъ, дикъ, что далѣе то хуже,

И наконецъ, къ несчастью, помѣшался.

Король.

Что мыслишь ты, Гертруда!

Королева.

Статься можетъ.

Полоній.

Но было ль время [знать бы я хотѣлъ]
Когда сказалъ о чемъ-либо я: *такъ*,
А было то иначе?

Король.

О, едвали!

Полоній.

Съ плечь голова мнѣ, если я ошибся!
Сыскать бы только случай, я узнаю
Гдѣ истина, хотябъ она скрывалась
И въ средоточіи земли.

Король.

Но средства?

Полоній.

Онъ, вамъ извѣстно, часто въ галлере,
Часа четыре бродитъ сряду.

Король.

Правда.

Полоній.

Я дочь къ нему пошлю сюда, а мы
За занавѣсомъ скроемся; оттуда

Подслушаемъ ихъ разговоръ, и если
Онъ не влюбленъ, и не на томъ помѣшанъ,
Я не хочу совѣтникомъ быть Царскимъ,
И за сохой ходить согласенъ въ полѣ.

Король.

Мы испытаемъ это.

Королева.

Посмотрите! Сюда идетъ несчастный и читаетъ.
(Гамлетъ приближается, читая.)

Полоній.

Уйдите, смѣю васъ просить, уйдите!
Я говорить съ нимъ буду; но уйдите.
(Король и Королева уходятъ.)

Полоній.

Здоровы ли вы, Принцъ?

Гамлетъ.

Слава Богу.

Полоній.

Вы знаете меня, Принцъ?

Гамлетъ.

И очень хорошо: ты рыбакъ.

Полоній.

Нѣтъ, Принцъ!

Гамлетъ.

Такъ желательно, что бы ты столь же честенъ былъ.

Полоній.

Честенъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Такъ точно: честнымъ быть, въ нашъ вѣкъ, значитъ быть
выбраннымъ одному изъ десяти тысячъ.

Полоній.

Совершенная правда, Принцъ.

Гамлетъ.

Ибо если солнце зараждаетъ червей въ мертвой собакѣ, и
будучи божествомъ, лобызаетъ падалище (6.) — имѣешь ли ты
дочь?

Полоній.

Имѣю, Принцъ.

Гамлетъ.

Не вели ей ходишь на солнцѣ; плодородіе благодатно, но не
такое, какъ — берегись, пріятель!

Полоній.

Что хотите сказать вы? (*Въ сторону*) Опять старая пѣсня о моей
дочери! А сперва онъ и не узналъ меня: сказалъ, что я рыбакъ.
Далеко, далеко зашелъ онъ! Правда, въ молодости я и самъ
терпѣлъ много отъ любви — почти столько же. Заговорю съ
нимъ опять. (*Въ слухъ*) что это вы читаете, Принцъ?

Гамлетъ.

Слова, слова, слова.

Полоній.

Но содержаніе?

Гамлетъ.

Чего къ чему содержаніе? (7.)

Полоній.

Я разумѣю содержаніе того, что вы читаете.

Гамлетъ.

Вздоры, пустяки! Насмѣшливый негодяй (8.) говоритъ здѣсь, что у стариковъ сѣдя борода; что лице ихъ въ морщинахъ, а глаза источаютъ пахучую Амвру; что у нихъ обильный недостатокъ ума и чрезвычайная слабость въ ногахъ; и хотя я всему этому твердо и совершенно вѣрю, но почитаю большою невѣжливостію писать подобныя вещи. Ты самъ, напримѣръ, былъ бы такъ же старъ, какъ и я, еслибъ могъ, подобно раку, ползти задомъ.

Полоній (*въ сторону.*)

Сумасшествіе; однакожъ въ немъ есть метода. (*Въ слухъ*)
неудобно ли вамъ домой, Принцъ?

Гамлетъ.

Въ могилу?

Полоній.

Да, въ самомъ дѣлѣ это бы было домой! (9.) (*Въ сторону.*) Какъ мѣтки иногда его отвѣты! — Удача, доставляемая часто сумасшествіемъ, между тѣмъ, какъ здравый разумъ не всегда похвалиться ею можетъ. Пойду, и тотчасъ устрою свиданіе съ нимъ моей дочери. (*Въ слухъ*) Простите, Принцъ! Я долженъ идти.

Гамлетъ.

Нѣтъ ничего, чтобы я простилъ тебѣ охотнѣе кромѣ смерти моей, кромѣ смерти, кромѣ смерти моей! (10.)

Полоній.

Счастливо оставаться, Принцъ!

(Идетъ.)

Гамлетъ.

О, несносные старые глупцы!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ.)

Полоній.

Вы ищете Принца? Онъ здѣсь.

Розенкранцъ.

Благодаримъ, Полоній.

(Полоній уходитъ.)

Гильденстернъ.

Принцъ!

Розенкранцъ.

Любезный Принцъ!

Гамлетъ.

А, друзья мои! Здравствуй Гильденстернъ, и ты, Розенкранцъ!
Каково живете вы?

Розенкранцъ.

Какъ незначущія дѣти земли.

Гильденстенъ.

Счастливы тѣмъ, что не въ блестящемъ счастьи,
Не на вершинѣ шляпы у Фортуны.

Гамлетъ.

Но и не при подошвѣ ея обуви?

Розенкранцъ.

И то нѣтъ, Принцъ.

Гамлетъ.

И такъ вы около ея пояса, или въ средоточіи благосклонностей?

Гильденстернъ.

Да, Принцъ, ея любимцы.

Гамлетъ.

Какъ? Тайные любимцы? О, правда! Она щедрая прелестница.
Что новаго?

Розенкранцъ.

Ничего, Принцъ! Развѣ то, что свѣтъ здѣлался честнѣе.

Гамлетъ.

И такъ видно уже близокъ день суда! Но ваша новость несправедлива. Скажите, чѣмъ прогнѣвили вы Фортуну, что она посылаетъ васъ въ тюрьму сію?

Гильденстернъ.

Въ тюрьму, Принцъ?

Гамлетъ.

Данія — тюрьма.

Розенкранцъ.

Такъ и весь свѣтъ тюрьма, Принцъ.

Гамлетъ.

И прекрасная! Въ ней много отдѣленій, каморокъ и канурокъ:
Данія, одна изъ хужшихъ.

Розенкранцъ.

Мы не думаемъ такъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Слѣдственно для васъ она и не тюрьма: все хорошо иль худо
единственно отъ нашего мнѣнія: мнѣ она тюрьма.

Розенкранцъ.

И тому виною ваше честолюбіе: она слишкомъ тѣсна для души
вашей.

Гамлетъ.

О Боже! Я помѣстился бы въ орѣховой скорлупѣ и почиталъ бы
себя владыкой необъятнаго пространства, еслибъ только не злыя
сновидѣнія мои.

Гильденстернь.

И сіи сновидѣнія, Принцъ — честолюбіе: самое бытіе
честолюбивыхъ есть только тѣнь сновидѣнія.

Гамлетъ.

Но и сновидѣніе ни что иное, какъ тѣнь.

Розенкранцъ.

Правда; но честолюбіе мнѣ кажется столь воздушно-легкимъ,
что его можно назвать тѣнію тѣни.

Гамлетъ.

И такъ наши нищіе — тѣла, а цари и гигантскіе герои — тѣни
нищихъ. Не пойти ль намъ ко двору? Умничать, право, не мое
дѣло.

Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Мы готовы къ вашимъ услугамъ, Принцъ.

Гамлетъ.

О, нѣтъ! Я не хочу васъ смѣшивать съ остальными моими служителями: по чести, мнѣ прислуживаютъ ужасно. Но, ради старой дружбы, за чѣмъ вы въ Эльсинорѣ?

Розенкранцъ.

Мы желали только увидѣться съ вами, Принцъ.

Гамлетъ.

Нищій, я бѣденъ и въ самой благодарности; но я благодарю васъ, хотя право, друзья, моя благодарность не стить полушки. — Не посылали ль за вами? Своею ли вы здѣсь охотою? Добровольное ли это посѣщеніе? Будьте откровенны! Говорите, говорите прямо!

Гильденстернъ.

Что должны говорить мы, Принцъ?

Гамлетъ.

Что угодно, только отвѣчайте на вопросъ мой. За вами посылали: я въ глазахъ вашихъ читаю признаніе, котораго не въ силахъ скрыть ваша скромность. Я знаю, Король и Королева посылали за вами.

Розенкранцъ.

За чѣмъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Это должны *вы* сказать мнѣ. Заклинаю васъ правами нашего братства, дружбой молодости, вашею ко мнѣ любовію, всѣмъ, что дражайшаго могъ бы вамъ придумать лучшій, нежели я,

витія — будьте прямы и откровенны. Посылали ль за вами, или нѣтъ?

Розенкранцъ (*въ сторону.*)

А, я вижу васъ насквозь! (*Въ слухъ*) Если любите меня, говорите правду.

Гильденстернь.

Такъ, Принцъ! За нами посылали.

Гамлетъ.

И я скажу за чѣмъ. Моя догадка предупредитъ ваше открытіе, и обѣщанная Королю и Королевѣ тайна не выронитъ ни одного пера. Не задолго предъ симъ (11.) потерялъ я [самъ незнаю отъ чего] веселость, оставилъ занятія и упражненія: и въ самомъ дѣлѣ, мнѣ такъ тяжело на душѣ, что земля, прекрасное сіе созданіе, мнѣ кажется голой скалою; сей дивный наметъ, воздухъ — посмотрите — сія голубая, простертая надъ нами твердь, сей величественный сводъ, сверкающій золотыми огнями — онъ кажется мнѣ безобразнымъ смѣшеніемъ паровъ заразительныхъ. Какое превосходное твореніе человѣкъ! Какъ благородень онъ умомъ своимъ, какъ безконечно разнообразень въ способностяхъ! По виду и движеніямъ, какъ совершенъ и удивителень! Дѣянїями какъ близокъ къ Ангелу! Созерцаніемъ какъ подобень Божеству! — И чтожь для меня онъ, сей прахъ, безконечно утонченный? Мнѣ люди противны: мущины и женщины — хотя улыбка твоя и говорить, кажется, иное.

Розенкранцъ.

Нѣтъ, Принцъ! Сего я вовсе не думалъ.

Гамлетъ.

Отъ чего жъ улыбнулся ты, когда я сказала, что люди мнѣ противны?

Розенкранцъ.

Отъ мысли, Принцъ, какую бѣдную поживу получать отъ васъ актеры, если люди вамъ противны. Мы обогнали ихъ на дорогѣ; они ѣдутъ сюда предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ.

О, нѣтъ! Играющій роли царей будетъ хорошо принять мною: его свѣтлость получить дань, ему приличную; странствующій рыцарь найдетъ дѣло мечу и копью своему; любовникъ не будетъ вздыхать даромъ; забавникъ сыграетъ роль свою спокойно до конца; шутъ разсмѣшитъ смѣшливыхъ, и героиня выскажетъ намъ свою душу безпрепятственно — если уродливость стиховъ не помѣшаетъ ей. Какіе это актеры?

Розенкранцъ.

Тѣ же, которые и прежде васъ забавляли: городскіе трагики.

Гамлетъ.

И за чѣмъ они путешествуютъ? Постоянное мѣстопробываніе выгоднѣе какъ для славы ихъ, такъ и для кармана.

Розенкранцъ.

Изгнаніе ихъ было, кажется, слѣдствіемъ нѣкоторыхъ нововведеній.

Гамлетъ.

Въ такомъ ли они еще уваженіи, какъ въ бытность мою въ городѣ? Такъ же ли многіе ихъ посѣщаютъ?

Розенкранцъ.

О, нѣтъ!

Гамлетъ.

Отъ чего жъ? или они избаловались?

Розенкранцъ.

Нѣтъ, ихъ старательность идетъ обычнымъ шагомъ; но появилось гнѣздо безперыхъ птенцовъ, дѣтей, (12.) кричащихъ изо всей силы, и получающихъ за то всеобщее одобреніе. Будучи въ модѣ, они такъ жестоко оглушаютъ посѣтителей такъ называемыхъ *народныхъ театровъ*, что иной носить шпагу, а боится гусиныхъ перьевъ, и не смѣетъ показаться туда.

Гамлетъ.

И они дѣти? Кто содержитъ ихъ? Чѣмъ они живутъ? Оставляютъ ли они ремесло свое, когда потеряютъ голосъ? Не скажутъ ли они послѣ, сдѣлавшись обыкновенными актерами [и это, при ограниченности ихъ средствъ, всего вѣроятнѣе], что ихъ писатели дѣлали худо, заставляя ихъ возставать противъ ихъ же будущаго состоянія?

Розенкранцъ.

Правда; много было хлопотъ съ обѣихъ сторонъ, а народъ не считаетъ за грѣхъ стравливать ссорящихся. Случалось, что нельзя было и ожидать дохода отъ представленія, если въ немъ поэтъ и актеры не задѣвали своихъ противниковъ.

Гамлетъ.

Возможно ли?

Гильденстернъ.

О, не разъ притомъ терпѣли головы!

Гамлетъ.

И дѣти одержали побѣду?

Розенкранцъ.

Одержали, Принцъ, и держатъ теперь торжественно въ рукахъ своихъ Геркулеса со всѣмъ его грузомъ. (13.)

Гамлетъ.

Не удивительно! Мой дядя въ Датской коронѣ, и тѣ, кои косились на него при жизни моего отца, дають теперь тридцать, сорокъ, пятьдесятъ, сто червонцевъ за грудной портретъ его въ маломъ видѣ. Въ подобныхъ вещахъ скрывается нѣчто сверхъестественное, еслибъ только могла разгадать ихъ Философія.

(Слышенъ звукъ трубъ.)

Гильденстернь.

Вотъ и актеры.

Гамлетъ.

Я радъ васъ видѣть въ Эльсинорѣ, друзья мои. Ваши руки! Въжливость есть долгъ общежитія и моды; какъ друзей долженъ я принять васъ, или мое обращеніе съ актерами, которое, напередъ говорю вамъ, будетъ очень ласково, можетъ показаться искреннѣе, нежели оно было съ вами. Я радъ васъ видѣть; но мой дядя-отецъ и тетка-мать очень обманулись.

Гильденстернь.

Въ чемъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Я помѣшанъ только при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, когда же онъ дуетъ съ юга, я могу еще отличить сокола отъ цапли. (14.)

Полоній *(входитъ.)*

Здравствуйте, Господа!

Гамлетъ.

Слушай, Гильденстернь! И ты, также, Розенкранцъ: на каждое ухо по слушателю! Этотъ взрослый ребенокъ еще не вышелъ изъ пеленъ своихъ.

Розенкранцъ.

Можетъ быть опять къ нимъ возвратился: старость, говорятъ, есть второе дѣтство.

Гамлетъ.

Я предсказываю, что онъ принесъ намъ вѣсть объ актерахъ. Слушайте! — Ваша правда, въ понедѣльникъ по утру, именно тогда.

Полоній.

Я скажу вамъ новость, Принцъ!

Гамлетъ.

Я скажу вамъ новость, Полоній! Когда Росцій былъ актеромъ въ Римѣ —

Полоній.

Сюда пріѣхали актеры, Принцъ!

Гамлетъ.

Нѣтъ? Право?

Полоній.

Увѣрю васъ.

Гамлетъ.

«И актеры, верхомъ на ослѣ всякъ своемъ» — (15.)

Полоній.

Лучшіе актеры въ свѣтѣ для трагедій, комедій, представленій историческихъ, пастушескихъ, трагико-историческихъ, комико-трагико-историческо-пастушескихъ, нераздѣльныхъ и безграничныхъ. Для нихъ Плавтъ не слишкомъ забавень, не слишкомъ важенъ Сенека. Это единственные люди для всѣхъ сочиненій правильныхъ и свободныхъ.

Гамлетъ.

«О Эфта, Израильскихъ странъ Судія!» — (16.)

Какое сокровище имѣлъ ты?

Полоній.

Какое же сокровище, Принцъ, имѣлъ онъ?

Гамлетъ.

Какое?—

«Одну молодую, прекрасную дочь
имѣлъ и любилъ судія.»

Полоній (*въ сторону.*)

Опять о моей дочери!

Гамлетъ.

Не правда ли, старый Эфта?

Полоній.

Если вы меня называете Эфтою, то я имѣю дочь и люблю ее.

Гамлетъ.

Нѣтъ, этого не слѣдуетъ.

Полоній.

Что же слѣдуетъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Что! —

«Идетъ все къ концу, какъ угодно творцу» —

И далѣе, ты знаешь:

«И было все такъ, какъ угадывалъ всякъ»

Первые стихи рождественской пѣсни (17.) объяснятъ тебѣ болѣе:
видишь, мои забавники уже здѣсь.

(*Входятъ четыре или пять актеровъ.*)

Здорово, пріятели, здорово! Я очень радъ вамъ — здравствуйте!
А, старый другъ! Какая же бахрома выросла на лицѣ твоёмъ съ
тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ! Не хочешь ли ты позабавиться
надо мною въ Даніи? — Какъ, моя героиня-прелестница! (18.)
право, твоя милость стала теперь гораздо ближе къ небу: ближе
на цѣлый башмачный каблукъ! Дай Богъ, чтобъ твой голосъ не
потерялъ цѣны своей, какъ стершаяся монета! — Добро
пожаловать, друзья мои! Не станемъ терять времени; бросимся,
какъ французскіе соколиные охотники, на все встрѣчное и
поперечное: представленіе намъ тотчасъ! Покажите опытъ
вашего искусства — ну, трогательный монологъ!

1й Актеръ.

Какой, Принцъ?

Гамлетъ.

Я однажды слышалъ его отъ тебя; но на театрѣ вовсе его не
представляли, или одинъ разъ только; сочиненіе, я помню, не
понравилось толпѣ: оно было какъ Кавярь (19.) для черни; но по
моему мнѣнію и приговору судей, коихъ голосъ въ подобныхъ
случаяхъ гораздо значительнѣе моего, оно прекрасно, хорошо
расположено, написано столь же просто, какъ и искусно. Кто-то,
я помню, сказалъ, что въ стихахъ недостаетъ приправъ для вкуса
мысли, а въ выраженіяхъ мыслей, могущихъ доказать, что
сочинитель писалъ съ чувствомъ; но, тотъ же критикъ назвалъ
все говореніе исполненнымъ нравственности, столь же
полезнымъ, какъ и пріятнымъ, отличнымъ болѣе по красотѣ,
нежели по отдѣлкѣ. Одинъ отрывокъ изъ него особенно любилъ
я: разсказъ Енея Дидонѣ, наипаче же то мѣсто, гдѣ онъ
описываетъ убійство Пріама. Если оно живо еще въ твоей
памяти, проговори мнѣ его. Пстой, посмотримъ:

«Свирѣпый Пирръ, какъ злой Гирканскій Левъ» — (20.)

Нѣтъ, не такъ, но оно начинается Пирромъ.

«Свирѣпый Пирръ, онъ, коего dospѣхъ,

«Какъ замысль, уподоблялся ночи,

«Когда лежалъ онъ въ гибельномъ конѣ,

«Ужасный цвѣтъ сей замѣнилъ другимъ,

«Ужаснѣйшимъ: отъ головы до ногъ

«Онъ сталъ червленъ, обрызганъ страшно кровью

«Родителей, дѣтей, сестеръ и братьевъ,

«Весь закаленъ въ предательскомъ огнѣ

«Къ погибели царя свѣтящей Трои.
«И такъ, разженный гнѣвомъ и пожаромъ,
«Облѣпленный засохшей тѣстомъ крови,
«Горящимъ взоромъ ищетъ адскій Пирръ
«Пріама старца» —
Продолжай.

Полоній.

По чести, Принцъ, вы говорите прекрасно: просто и выразительно.

1-й Актеръ.

«Ищетъ — и находитъ
«Ослабшаго во брани: древній мечъ,
«Велѣніямъ руки его ослушный,
«Гдѣ палъ, тамъ и лежитъ. Въ неравный бой
«Съ нимъ Пирръ вступаетъ; въ ярости, не мѣтитъ;
«Но и отъ свиста грознаго меча
«Простерся въ прахѣ старецъ. Иліонъ,
«Какъ бы ударъ сей ощутивъ, со трескомъ
«О землю грянулъ пламенной главой,
«И полонилъ сей грохотъ ухо Пирра:
«Надъ млечною главой Пріама-старца
«Пребыль недвиженъ занесенный мечъ,
«И Пирръ стоялъ, какъ истуканъ Тирана,
«Межъ волей и дѣяньемъ колебался.
«И медлилъ.
«Но какъ въ покоѣ страшномъ передъ бурей
«Безмолвіе на небѣ, вѣтръ молчитъ,
«Недвиженъ лѣсъ, и тихъ, какъ смерть, весь міръ,
«И вдругъ потомъ колеблють воздухъ громы,
«Такъ, послѣ краткой тишины, на ярость
«Отмщенья жажда вновь подвигла Пирра,
«И никогда тяжелый млатъ Циклопа
«Безжалостнѣй безсмертныхъ не разилъ
«Доспѣховъ Марсовыхъ, какъ Пирровъ мечъ
«Разитъ Пріама!
«Безчестная Фортуна! — О вы, Боги!
«Соборомъ власть исторгните у низкой!
«Сломите ободъ колеса и спицы,
«И ступицу на самое дно ада

«Скадите съ неба!»

Полоній.

Какъ это длинно!

Гамлетъ.

Какъ твоя борода: не худо и то и другое отправить къ брадобрею. Продолжай, другъ мой! Онъ засыпаетъ, если не слышитъ шутокъ, или не пристойностей. Ну, объ Гекубѣ!

1-й Актеръ.

«Кто видѣлъ, какъ вопящая Царица» —

Гамлетъ.

Вопящая Царица? —

Полоній.

Хорошо! «Вопящая Царица» хорошо.

1-й Актеръ.

«Безъ обуви, съ кускомъ раздранной ткани
«На головѣ, къ коронѣ приобыкшей,
«Съ холстомъ постельнымъ, вмѣсто одѣянья,
«На устарѣлыхъ и ослабшихъ чреслахъ,
«Въ безпамятствѣ бѣжала средъ огней,
«Потокомъ слезъ пожару угрожая,
«Тотъ языкомъ, увлажненнымъ отравой,
«Противъ фортуны бѣ возгласилъ измѣну;
«И сами Боги, если жалость къ смертнымъ
«Не чужда имъ, услышавъ стонъ Гекубы
«При видѣ Пирра съ поруганьемъ злымъ
«Рубившаго Пріамовы остатки —
«И сами Боги пламенные очи
«Горючими бы залили слезами,
«И въ состраданьи тяжко возстенали!

Полоній.

Смотри, онъ поблѣднѣлъ, на глазахъ у него слезы: перестань, прошу тебя!

Гамлетъ.

Хорошо; окончаніе я услышу послѣ. Угодно ли тебѣ позаботиться, Полоній, что бы актеры хорошо угощены были? — Слышишь? — Хорошо угощены: они представители и сокращенныя лѣтописи своего времени; лучше тебѣ имѣть дурное надгробіе по смерти, нежели непріязнь ихъ при жизни.

Полоній.

Я приму ихъ, Принцъ, какъ они заслуживаютъ.

Гамлетъ.

Вздоръ, другъ мой! Гораздо лучше! Поступай со всякимъ по его заслугамъ: кто жъ тогда уйдетъ изъ подъ плети? Прими ихъ согласно съ собственнымъ саномъ и честью: чѣмъ меньше они заслуживаютъ, тѣмъ великодушнѣе твой поступокъ. Вели помѣстить ихъ.

Полоній.

Пойдемъ, Господа.

Гамлетъ.

Ступайте за нимъ, друзья мои; завтра у насъ будетъ театръ. Послушай, старый пріятель! Можете ли вы сыграть убійство Гонзаго?

1-й Актеръ.

Можемъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Приготовьтесь же къ завтрашнему вечеру. Вы можете также, въ случаѣ, нужды, выучить дюжину, другую стиховъ, которые я къ сочиненію прибавить желаю? Да?

1-й Актеръ.

Можемъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Очень хорошо! Ступайте за Полоніемъ, но не смѣйтесь надъ нимъ.

(Уходятъ Актеры и Полоній.)

(Къ Гильденстерну и Розенкранцу). Я очень радъ вамъ, друзья, простите до вечера.

(Гильденстернь и Розенкранцъ уходятъ.)

Гамлетъ *(одинъ.)*

Богъ съ вами всѣми! — Наконецъ одинъ я!
О, я презрѣнный и ничтожный рабъ!
Не дивно ли, что сей актеръ въ игрѣ,
Въ мечтательной, притворной страсти, править
Такъ самовластно собственной душой,
Что отъ ея движеній онъ блѣднѣетъ,
Теряетъ голосъ, слезы льетъ, и все въ немъ,
Черты лица, малѣйшее движенье
Являетъ грусть! О чемъ же? О ничемъ,
О бѣдствіи Гекубы!
Что онъ Гекубъ, иль ему Гекуба,
Что льетъ онъ слезы? что же бы онъ сдѣлалъ
Въ такомъ, какъ я, своемъ тяжеломъ горѣ?
Онъ бы слезами наводнилъ театръ;
Онъ воплями раздралъ бы слухъ собранья:
Отъ нихъ виновный въ страхѣ бѣ обезумѣлъ,
Незнающій смѣшался, вздрогнулъ правый,
И взоръ и слухъ отъ ужаса бѣ смутились.
Но я —
Медлитель, низкій мщенія измѣнникъ,
Въ бездѣйственномъ мечтаньи я вздыхаю
И молвить слова не умѣю! — Слова
За смерть Царя, лишеннаго злодѣйска
Вѣнца и жизни! Иль я малодушень?
Кто назоветъ меня злодѣемъ? Черепъ
Мнѣ раздвоить? Пукъ волосовъ мнѣ вырветъ
И броситъ мнѣ въ лице ихъ? Кто коснется

Сему лицу? Мнѣ ложъ запретъ въ гортани,
И въ грудь ее пробьетъ мнѣ? (21.) Кто посмѣеть?
Что жъ?—

Сего я стою: мягкосердый голубь,
Я не имѣю желчи, и обида
Мнѣ не горька — иль хищныхъ птицъ давно бы
Преступника я трупомъ упиталь.
О сластолюбець, извергъ, кровопійца?
Нечистый, злой, безжалостный предатель!
О, я глупецъ! Какъ много тутъ отваги! —
Я, сынъ отца, убитаго злодѣемъ,
Зовомый къ мести небомъ и землею,
Я облегчаю сердце пустословьемъ,
Ругательствомъ, какъ жрица поношенья,
Какъ слабое дитя! (22.)

О, стыдъ! — Проснись, разсудокъ! — Я слыхаль
Не разъ преступныхъ душу потрясало
Искусственное зрѣлище въ театрѣ,
И такъ злодѣйства открывались тайны:
Убийство нѣмо, но оно порой
Таинственно, но внятно говорить.
Предъ дядей я велю представить нѣчто,
Подобное родителевой смерти;
Я наблюдать его движенья буду
До дна его проникну взоромъ рану,
И если онъ смутится, поблѣднѣетъ —
Я знаю долгъ свой. Видѣнный мной призракъ,
Быть можетъ, демонъ: духъ нечистый властенъ
Принять желанный образъ; какъ узнать,
Не мнилъ ли онъ, лукавый искуситель,
Моей тоской и слабостью могучій,
Вовлечь меня въ тяжелый грѣхъ? Я долженъ
Сильнѣйшіе, чѣмъ сей, имѣть доводы:
Изъ представленья я устрою пасть —
Въ нее должна убійцы совѣсть впасть.

(Уходитъ.)

Конецъ II-го Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Комната въ замкъ.)

Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Король.

И не могли вы никакой уловкой
Узнать, на чемъ онъ сдѣлался помѣшанъ,
Какъ дней его спокойствіе столь сильно
Опаснымъ симъ возмущено безумствомъ?

Розенкранцъ.

Онъ сознается въ умственномъ разстройствѣ,
Но говоришь не хочеть о причинѣ.

Гильденстернъ.

Онъ недовѣрчивъ, и всегда лукаво
Безсвязной рѣчью отклонить умѣеть
Всѣ замыслы извѣдать положенье
Души его.

Королева.

Онъ принялъ хорошо васъ?

Розенкранцъ.

Отмѣнно ласково.

Гильденстернъ.

Но принужденно.

Розенкранцъ.

Скупъ на вопросы, воленъ и привѣтливъ
Въ своихъ отвѣтахъ.

Королева.

Вы его склоняли къ разсѣянью, къ забавамъ?

Розенкранцъ.

Насъ случай свелъ въ дорогъ, Королева,
Съ актерами; объ нихъ уже онъ знаетъ,
И былъ, казалось, ихъ прїѣзду радъ.
Они здѣсь, въ замкѣ, и дадутъ сего дня
По Принцеву приказу, представленья —
Такъ мнѣ сказали.

Полоній.

Точно такъ, мой другъ;
И чрезъ меня онъ проситъ васъ, Король
И Королева, посѣтитъ театръ сей.

Король.

Душевно радъ: его такая склонность
Отмѣнно мнѣ прїятна,
А вы, друзья, старайтесь подстрекнуть,
Усилить въ немъ къ забавамъ симъ охоту.

Розенкранцъ.

Со всею усердьемъ нашимъ, Государь!
(*Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ.*)

Король.

Оставь насъ такъ же, милая Гертруда!
Мы Гамлета сюда приманимъ; здѣсь
Офелію наединѣ онъ встрѣтитъ,
Какъ бы случайно;
Я и Полоній [праведная хитрость]
Скрывшись, имъ невидимые сами,
За ихъ бесѣдой примѣчать потщимся,
И по его судить поступкамъ будемъ,
Мученіе ль любви, иль что иное
Виной его недуга.

Королева.

Я иду.
Что до тебя, Офелія, — желаю,
Чтобъ красота твоя была счастливой
Его безумія причиною: къ чести
Вась обоихъ, твоя бы добродѣтель
Его къ разсудку возвратила.

Офелія.

Дай Богъ!
(Королева уходитъ.)

Полоній.

Офелія, ходи здѣсь! — Государь,
Сокроемся.

(Къ Офелии.)

Чтобъ видъ правдоподобный
Уединенной сей придать прогулкѣ,
Читай, вотъ книга. Это нашъ порокъ —
Какъ часто мы лицомъ смиреннымъ, видомъ Пренабожнымъ,
подслащиваемъ замысль,
Какъ сатана самъ черный!

Король (Въ сторону.)

Правда, правда!

Какой тяжелый совѣсти ударъ
Слова сіи! Не столько безобразно,
Въ сравненіи съ румянами, лице
Прелестницы, натершей ими щеки,
Какъ мерзостны въ сравненіи съ словами,
Мои дѣянья! Тягостная ноша!

Полоній.

Но вотъ и онъ! Угодноль вамъ сокрыться?
(Король и Полоній уходятъ.)

Гамлетъ. (входитъ.)

Быть, иль не быть — таковъ вопросъ; что лучше,

Что благороднѣй для души: сносить ли
Удары стрѣлъ враждующей фортуны,
Или возстать противу моря бѣдствій,
И ихъ окончить? Умереть — уснуть —
Не болѣ; сномъ всегдашнимъ прекратить
Всѣ скорби сердца, тысячи мученій,
Наслѣдье праха — вотъ конецъ, достойный
Желаній жаркихъ! Умереть — уснуть!
Уснуть? — Но сновидѣнья? — Вотъ препона:
Какія будутъ въ смертномъ снѣ мечты,
Когда мятежную мы свергнемъ брѣнность,
О томъ помыслить должно. Вотъ источникъ
Столь долгой жизни бѣдствій и печалей!
И ктобъ снесъ бичъ и поношенье свѣта,
Обиды гордыхъ, притѣсненья сильныхъ,
Законовъ слабость, знатныхъ своевольство,
Осмѣянной любви муки, злое
Презрѣнныхъ душъ презрѣнїе къ заслугамъ,
Когда кинжала лишь одинъ ударъ —
И онъ свободенъ? Кто въ ярмѣ ходилъ бы
Стеналъ подъ игомъ жизни и томился,
Когда бы страхъ грядущаго по смерти —
Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
Сюда возврата — не тревожилъ воли,
Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
Чѣмъ убѣгать отъ ней къ бѣдамъ безвѣстнымъ?
Такъ робкими творить всегда насъ совѣсть;
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнью тускнѣеть размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Имень дѣяній не стяжаютъ. Ахъ,
Офелія! — О нимфа! помяни
Грѣхи мои въ своей молитвѣ! (1.)

Офелія.

Принцъ! Здоровыль вы все это были время?

Гамлетъ.

Благодарю усердно; я здоровъ былъ.

Офелія.

Отъ васъ подарки я имѣю, Принцъ,
И ихъ давно вамъ возвратить хотѣла,
Возьмите ихъ теперь, прошу васъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ;

Я ничего, повѣрьте, не давалъ вамъ.

Офелія.

Вы знаете, что мнѣ ихъ дали, Принцъ,
И сладкими словами возвышали
Даровъ богатство. Нѣтъ сихъ сладкихъ словъ —
Къ чему жъ дары? Въ нихъ нѣтъ цѣны тогда,
Когда душа дающихъ намъ чужды
Вотъ, Принцъ, они: возьмите.

Гамлетъ.

А, а! добродѣтельна ли ты?

Офелія.

Принцъ —

Гамлетъ.

Прекрасна ли ты?

Офелія.

Что хотите сказать вы, Принцъ?

Гамлетъ.

Что если ты добродѣтельна и прекрасна, то добродѣтель твоя не
должна принимать красоту къ себѣ въ бесѣду.

Офелія.

Можетъ ли, Принцъ, красота имѣть лучшаго собесѣдника, какъ добродѣтель?

Гамлетъ.

Такъ, такъ! Могущество красоты скорѣе приведетъ добродѣтель къ распутству, нежели сила добродѣтели дастъ красотѣ свое подобіе. Мысль сія казалась нѣкогда неосновательною; но наши времена неоспоримо доказали ее. Я нѣкогда любилъ тебя.

Офелія.

Да, Принцъ, вы заставили меня тому вѣрить.

Гамлетъ.

А вѣрить было не должно: добродѣтель никогда не прививается къ природному нашему стеблю столь сильно, чтобы вкусъ его вовсе въ насъ не отзывался. Я не любилъ тебя.

Офелія.

Тѣмъ болѣе я была обманута.

Гамлетъ.

Ступай въ монастырь: за чѣмъ дѣлаться матерью грѣшниковъ? Я самъ, на примѣръ, довольно честенъ; однакожъ заслуживаю такія обвиненія, что лучше бы было мнѣ вовсе на свѣтъ не родиться. Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ; я имѣю недостатковъ болѣе, нежели мыслей ихъ обдумать, воображенія ихъ представить, или времени привести ихъ въ дѣйство. Зачѣмъ пресмыкаться такимъ, какъ я, тварямъ, между небомъ и землею? Мы всѣ обманщики — всѣ: не вѣрь никому изъ насъ! Ступай въ монастырь! Гдѣ отецъ твой?

Офелія.

Дома, Принцъ.

Гамлетъ.

Запри дверь за нимъ; пусть онъ не выходитъ, и только дома играетъ роль дурака.

Офелія.

О, не оставь его, милосердное небо!

Гамлетъ.

Если ты пойдешь замужъ, пусть сіе проклятіе будетъ тебѣ отъ меня приданымъ: будь ты чиста, какъ ледъ и бѣла какъ снѣгъ — клевета не пощадитъ тебя. Запрись въ монастырѣ! — Прости! — Если же ты непремѣнно хочешь имѣть мужа — выбери глупца себѣ: умные очень хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы творите изъ нихъ. Въ монастырѣ, говорю я — и скорѣе! Прости!

Офелія.

Спасите его, небесныя силы!

Гамлетъ.

Я слышался — также довольно о размалевываніи щекъ вашихъ: Богъ далъ вамъ одно лице, а вы превращаете его въ другое; вы пляшете и прыгаете, щебечите и поносите Божіи творенія, и незнаніемъ называете свое безпутство. Хороши вы! Но довольно объ этомъ: оно и то ужъ свело съ ума меня. Браковъ у насъ болѣе не будетъ; женатые пусть живутъ — всѣ, кромѣ одного; остальные пребудутъ тѣмъ, что теперъ они. — Въ монастырѣ, говорю я! —

(Уходитъ.)

Офелія.

Какой высокой погубленъ въ немъ духъ!
Мечъ воина, языкъ витіи, взоръ
Придворнаго, надежды цвѣтъ для царства,
Зерцало нравовъ, образецъ всему,
Цѣль наблюденій общихъ — все погибло!
И мнѣ, изъ дѣвъ несчастнѣйшей, испившей
Чарующихъ его обѣтовъ сладость,
Мнѣ должно видѣть умъ его высокій
Въ разстройствѣ звуковъ, какъ органъ разбитый, (3.)
Въ безуміи увядшимъ видѣть оный,
Прелестный цвѣтъ! И мнѣ злой рокъ судилъ
Знать, что теперъ онъ, зная, что онъ былъ.

Король (*входитъ съ Полоніемъ.*)

Нѣтъ, не къ любви его стремятся чувства!
Въ словахъ его не много, правда, связи,
Но нѣтъ безумства. Грусть въ его душѣ
Невѣдомый насиживаетъ замысль;
И порожденье тайнаго птенца
Намъ можетъ быть опасно. Отъ сего
Внезапно мнѣ блеснуло въ мысли средство:
Онъ въ Англію не медля долженъ ѣхать,
Принять тамъ дани срочной недоимку;
Быть можетъ море, новая страна,
Разнообразность, развлекутъ по малу
Въ душѣ его стусившіяся думы,
О кои умъ всечастью ударяясь,
Въ смятеніе приходитъ. Какъ ты мыслишь?

Полоній.

Мысль хороша; но все еще я вѣрю,
Что тщетная любовь была началомъ
Его тоски. — Офелія! Ну, что?
Не сказывай — мы слышали до слова
Вашъ разговоръ. — Власть ваша, Государь,
Но мой совѣтъ: не худо Королевѣ
Наединѣ, какъ кончится театръ,
О горести его спросить открыто
А я, когда угодно вамъ, подслушать
Готовъ ихъ тайно. Не поможетъ это —
Пусть въ Англій онъ будетъ, иль гдѣ ваша
Разсудить мудрость.

Король.

Сказано умно:
Безумство знатныхъ наблюдать должно.
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

(Зала въ замкѣ.)

(Гамлетъ и нѣсколько актеровъ входятъ.)

Гамлетъ.

Произноси стихи, какъ я тебѣ читалъ ихъ — легко и безъ напряженія; если же ты станешь возглашать подобно многимъ актерамъ нашимъ — я столько же бы хотѣлъ ихъ слышать отъ городского крикуна. Не рѣжь руками изо всей силы воздуха; но соблюдай во всемъ приличіе, храни умѣренность: она придаетъ видъ кротости всякой страсти въ самомъ ея потокѣ, бурѣ, такъ сказать, вихрѣ. — О, мнѣ обидно до крайности слышать, какъ иной рослый, въ парикъ наряженный невѣжа терзаетъ страсть на части, на куски, и раздираетъ уши черни, (4.) способной утѣшаться только непонятнымъ кривляньемъ и крикомъ. Онъ стучитъ плѣти, бѣснуясь такъ хуже Термаганта, иродствуя пуще самаго Ирода. (5.) Избѣгай сего, прошу тебя.

1-й Актеръ.

Даю вамъ мое слово, Принцъ.

Гамлетъ.

Не будь также чрезмѣру робокъ; пусть собственное благоразуміе будетъ твоимъ наставникомъ. Соглашай движенія съ словами и слова съ движеніями; особенно старайся не преступать границъ натуральной простоты: всякая чрезмѣрность несообразна съ цѣлію представленія, которая, первоначально какъ и теперь, была и есть — представить зеркало природы, явить добродѣтели и пороку точныя ихъ черты, всякому возрасту и состоянію его подобіе и отпечатокъ. Картина непомѣрно рѣзкая, или слишкомъ слабая можетъ размѣшить невѣждъ, но оскорбить вкусъ разсудительныхъ, изъ коихъ мнѣніе одного должно быть для васъ важнѣе, нежели голосъ цѣлой толпы незнающихъ. О, есть актеры — и я видалъ игру ихъ, слышалъ громкія похвалы имъ — актеры, которые, грѣхъ вымолвить, не имѣя ни языка, ни вида христіанъ, язычниковъ и вообще людей, такъ бормотали и лаяли, что я подумалъ: вѣрно вздумалъ творить людей какой-либо поденьщикъ природы — и то неудачно! такъ безчеловѣчно подражали они человѣческимъ дѣйствіямъ.

1-й Актеръ.

У насъ уже отчасти вывелось такое обыкновеніе.

Гамлетъ.

Истребите его вовсе. Пусть сверхъ того играющіе роли шутовъ не говорятъ ни одного слова, имъ сочинителемъ неназначеннаго: (б.) многіе изъ нихъ хохочутъ сами, чтобы разсмѣшить глупѣйшихъ изъ зрителей, между тѣмъ, какъ въ ту минуту должно занять вниманіе какое-либо мѣсто піесы, нужное для поясненія цѣлаго. Такія выходки низки, они показываютъ, сколь жалко честолюбіе глупцовъ, къ нимъ прибѣгающихъ. Ступайте, приготовляйтесь.

(Актеръ удаляется; входятъ Полоній, Розенкранцъ и Гильденстернъ.)

Гамлетъ.

Что, Полоній? — Угодно ли Королю видѣть представленіе?

Полоній.

Онъ будетъ тотчасъ, Принцъ; Королева также.

Гамлетъ.

Вели же актерамъ поспѣшить, Полоній.

(Полоній уходитъ.)

Не угодно ли и вамъ пособить ему?

Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Слушаемъ, Принцъ,

(Уходятъ.)

Гораціо! Гдѣ ты?

Гораціо. *(входитъ.)*

Къ услугамъ вашимъ, здѣсь, любезный Принцъ.

Гамлетъ.

Ты, мой Гораціо, лучшій изъ людей,
Какихъ встрѣчалъ когда-либо я въ жизни.

Гораціо.

Любезный Принцъ —

Гамлетъ.

Не думай, что я льщу:

Какой награды ждать мнѣ отъ тебя?
Ты бѣденъ, долженъ собственнымъ умомъ быть
Одѣтъ и сытъ. Зачтожь льстить бѣднымъ? нѣтъ!
Пусть злато лижетъ сахарный языкъ;
Пусть гнется тамъ послушное колѣно,
Гдѣ плата есть за униженье! — Слушай:
Когда я началъ различать людей,
И къ выбору способенъ сталъ душою,
Тебя избралъ я. Ты терпѣлъ такъ много,
И не терпѣлъ, казалось, ничего;
Ты принималъ съ благодареньемъ равнымъ
Фортуны гнѣвъ и ласки. Счастливъ тотъ,
Въ комъ кровь съ разсудкомъ смѣшана такъ вѣрно, (7.)
Что не слѣпая онъ причудъ игрушка
Слѣпой фортуны. Укажи мнѣ, кто
Не рабъ страстей: того я заключу
Въ душѣ, да, въ сердцѣ сердца моего,
Какъ и тебя я заключилъ. Довольно!
Симъ вечеромъ Король придетъ въ театръ;
Одно явленье будетъ тамъ подобно
Тебѣ уже извѣстному убійству.
Прошу тебя, когда оно настанетъ,
Со всемъ душевнымъ взоромъ напряженьемъ
Смотри на дядю. Если и тогда
Не объяснится тайна преступленья,
То призракъ нами видѣнный, былъ демонъ,
То всѣ мои мечты и мысли черны,
Какъ кузница Вулкана. Замѣчай;
Я прикую къ лицу его свой взоръ,
Потомъ другъ другу о его поступкахъ
Мы сообщимъ догадки.

Гораціо.

Вѣрьте, Принцъ;

Когда украдетъ онъ у насъ одно
Свое движенье — я плачу покражу.

Гамлетъ.

Идутъ — я долженъ снова быть забавнымъ.
Сыщи себѣ удобнѣйшее мѣсто.

(*Датскій маршъ; звукъ трубъ; входятъ: Король, Королева, Полоній, Офелія,
Гильденстернъ, Розенкранцъ и другіе.*)

Король.

Каково живетъ родственникъ нашъ Гамлетъ?

Гамлетъ.

Каково, Государь? — прекрасно! еслибъ вы спросили, чѣмъ? я бы сказала — пищею хамелеона, воздухомъ начиненнымъ надеждами. (8.) Каплуна этимъ не откормишь.

Король.

Такой отвѣтъ не для меня, Гамлетъ; слова сіи не мои.

Гамлетъ.

Теперь ужъ и не мои они. (9.) Ты, кажется, игралъ на университетскомъ театрѣ, Полоній?

Полоній.

Игралъ, Принцъ, и почитался хорошимъ актеромъ.

Гамлетъ.

Какую роль имѣлъ ты?

Полоній.

Роль Юлія Цезаря. Я былъ убитъ въ Капитоліи; Брутъ убилъ меня.

Гамлетъ.

Брутъ совершенно заслужилъ свое названіе, убивъ въ *Капитоліи* такого *Капитальнаго* теленка! — (10.) Готовы ли актеры?

Розенкранцъ.

Они ожидаютъ, Принцъ, вашихъ приказаній.

Королева.

Садись возлѣ меня, любезный Гамлетъ.

Гамлетъ.

Извините, Королева: здѣсь есть магнитъ, притягивающій меня сильнѣе.

Полоній.

А, а! слышите, Государь?

Гамлетъ.

Могу ли я прилечь къ вашимъ колѣнамъ, Офелія? (11.)

Офелія.

Нѣтъ, Принцъ.

Гамлетъ.

То есть, я разумѣю прилечь къ нимъ головою?
(*садится у ногъ Офеліи*)

Офелія.

Можете, Принцъ.

Гамлетъ.

А вы ужъ подумали Богъ знаетъ что?

Офелія.

Я ничего не думала, Принцъ.

Гамлетъ.

Прекрасная мысль быть такъ близко къ ногамъ дѣвушки!

Офелія

Что такое, Принцъ?

Гамлетъ.

Ничего.

Офелія.

Вы веселы, Принцъ!

Гамлетъ.

Кто, я?

Офелія.

Вы, Принцъ.

Гамлетъ.

О, вашъ неподражаемый забавникъ! Чтожъ остается людямъ, какъ не быть веселымъ? Посмотрите, какъ весела Королева, а только два часа, какъ умеръ отецъ мой.

Офелія.

Нѣтъ, уже дважды два мѣсяца, Принцъ.

Гамлетъ.

Уже такъ давно? Пусть же самъ сатана одѣнется въ черное, а я стану носить соболью шубу. О, небо? два мѣсяца какъ мертвъ, и не забыть еще! — И такъ есть надежда, что память великаго человѣка можетъ пережить его цѣлымъ полугодомъ! Но, божусь, для сего онъ долженъ по крайней мѣрѣ настроить при жизни церквей, иначе пусть не прогнѣвается, когда о немъ думаютъ не больше, какъ о деревянной лошаdkѣ, надъ могилой которой написано:

«О горе! о злой рокъ!

«Забытъ, забыть конѣкъ!» (12.)

(Звукъ трубъ; слѣдуетъ пантомимное представленіе: входитъ на театръ Король съ Королевою, они нѣжно обнимаются; Королева становится на колѣни и произноситъ, кажется, объѣтъ; Король

поднимаетъ ее, склоняется къ ней на грудь головою, потомъ ложится на дерновой скамьѣ; она, видя его уснувшимъ, уходитъ. Вскорѣ приходитъ нѣкто другой, снимаетъ съ Короля корону, цѣлуетъ ее, вливаетъ Королю въ ухо ядъ и удаляется, Королева, возвратясь, находитъ Короля мертвымъ, и знаками выражаетъ печаль свою. Отравитель является съ нѣсколькими другими лицами и стѣтуетъ вмѣстѣ съ Королевой. Мертвое тѣло уносятъ. Отравитель предлагаетъ Королевы дары и любовь свою; она противится нѣсколько времени наконецъ соглашается и принимаетъ то и другое.)

Офелія.

Что означаетъ все это, Принцъ?

Гамлетъ.

Что? Это тайное убійство: оно означаетъ злодѣяніе.

Офелія.

Пантомима, кажется, заключаетъ въ себѣ содержаніе піесы?
(входитъ Прологъ)

Гамлетъ.

А вотъ, онъ намъ скажетъ; актеры не могутъ ни чего сохранить въ тайнѣ: все разбалтываютъ.

Офелія.

И онъ объяснитъ намъ, что значитъ пантомима?

Гамлетъ.

Да, эта и всякая. Не постыдитесь только сдѣлашь ему пантомиму — онъ вѣрно не постыдится объяснить ее.

Офелія.

Вы невѣжливы, Принцъ, очень невѣжливы; я хочу заняться представленіемъ.

Прологъ.

«Для насъ и представленья
«Мы просимъ снисхожденья
«И вашего терпѣнья.»

Гамлетъ.

Что это, прологъ, или надпись на кольцо?

Офелія.

Какъ коротко!

Гамлетъ.

Какъ любовь женщины.

(входятъ на сцену Король и Королева)

Театральный Король.

«Ужъ кони Феба тридцать кратъ текли (13.)
«Вкругъ областей Нептуна и земли;
«Ужъ тридцать кратъ двенадцать лунъ, чредой,
«На міръ нашъ лили свѣтъ заемный свой,
«Какъ намъ связали цѣпью своей
«Любовь сердца и руки Гименей.

Театральная Королева.

«Пусть столькожъ кратъ луна и солнце вновь
«Свершатъ свой путь — въ насъ будетъ тажъ любовь;
«Но горе мнѣ! ты грустенъ и уныль;
«Тебя недугъ жестоко измѣнилъ,
«И я страшусь... Души твоей покой
«Да будетъ нуждъ боязни сей пустой:
«У женщинъ страхъ безмѣренъ, какъ любовь; (14)
«Ихъ сердцу нѣтъ середины въ чувствахъ сихъ:
«Они иль все, или ничто для нихъ.
«Мое ты сердце испыталъ давно —
«Любовь и страхъ могучи въ немъ равно:
«Гдѣ страсть сильна, тамъ все легко страшитъ;
«Гдѣ страшно всѣ, тамъ сильно страсть горитъ.

Театральный Король.

«Такъ; скоро, другъ, разстаться намъ должно!
«Жизнь, силы — все во мнѣ истощено,
«И ты одна въ семь мѣрѣ будешь жить
«Въ чести и славѣ; можетъ быть любить
«Другаго станешь —

Театральная Королева.

«Тягостный упрѣкъ!
«Такая страсть — измѣна, злой порокъ!
«Второй супругъ лишь той быть можетъ миль,
«Чьей злобой первый въ гробъ низвергнуть былъ.

Гамлетъ. (*въ сторону*).

Здѣсь-то и полынь!

Театральная Королева.

Будь проклятъ бракъ второй! къ нему ведетъ
Не чувство сердца, а ума расчетъ,
И мертваго я убиваю вновь,
Отвѣтствуя иному на любовь.

Театральный Король.

Симъ чувствіямъ я вѣрю безъ труда;
Но рѣдко въ насъ рѣшительность тверда:
Раба ума и памяти, она
Такъ скоро мретъ, какъ скоро рождена.
«Покуда зелень, твердь на вѣтви плодъ
«Созрѣвъ же, самъ отъ древа упадетъ,
«Мы часто тамъ заплатой не спѣшимъ,
«Гдѣ мы должны себѣ, а не инымъ,
«И часто въ страсти сдѣланный обѣтъ
«Ничто для насъ, когда сей страсти нѣтъ.
«Печаль и радость, побурливъ, пройдутъ,
«А съ ними ихъ и замыслы падутъ;
«Въ комъ грусть сильна, сильна и радость въ томъ,
«И имъ легко смѣнить другъ друга въ немъ.
«Сей свѣтъ не вѣченъ; счастья оборотъ
«И перемѣну чувствъ съ собой ведётъ,

«И какъ знать, что чему покорено —
«Любовь ли счастью, или ей оно!
«Падеть великій — гдѣ друзья? — Но вдругъ
«Возстанетъ слабый — всякъ счастливицу другъ.
«Любовь съ фортуной сестры въ жизни сей:
«Тамъ много, гдѣ не надобно друзей;
«А гдѣ услуга въ нуждѣ дорога,
«Тамъ и въ родномъ легко найти врага.
«И повторю я сказанное мной:
«Въ насъ воля такъ слаба передъ судьбой,
«Что замыслы всѣ наши прахъ и дымъ —
«Мы только мыслимъ, но не мы творимъ.
«Такъ быть мнѣ вѣрной мысль въ тебѣ живетъ;
«Но я умру — и мысль сія умретъ.

Театр. Королева.

«Не дай земля мнѣ пищи, свѣта — день,
«Благъ — небеса, покоя — ночи тѣнь!
«Отчаянье надеждой будь моей,
«Тюрьма — дворцомъ, бесѣдой — звукъ цѣпей!
«Все злое, все, что радости мертвитъ
«Пусть къ цѣли путь во всемъ мнѣ преградить!
«Будь здѣсь и тамъ мученье жребій мой,
«Когда, вдова, я буду вновь женой.

Гамлетъ (*Офеліи.*)

Что, если она нарушитъ клятву!

Театр. Король.

«Довольно клятвъ! Прости! Я слабъ, тяжель:
«О еслибъ сонъ мнѣ замѣнить пришелъ
«Дня тяжкій свѣтъ!

(ложится на дерновую скамью.)

Театр. Королева.

«Спи, другъ мой, безъ тревогъ!
«Да удалить отъ насъ все злое Богъ!»
(уходитъ.)

Гамлетъ.

Какъ нравится вамъ представленіе, Королева?

Королева.

Царица, кажется, общается слишкомъ много.

Гамлетъ.

Но она сдержитъ слово.

Король.

Знаешь ли ты содержаніе драмы, Гамлетъ? Нѣтъ ли въ ней чего либо предосудительнаго?

Гамлетъ.

Нѣтъ, государь! Они шутятъ, и отравляютъ шутя — вовсе ничего предосудительнаго.

Король.

Какъ называется драма?

Гамлетъ.

Пастъ на мышей; но какъ? Въ переносномъ смыслѣ! Она изображаетъ убійство случившееся въ Вѣнѣ. — Имя Князя — Гонзаго; жены его — Баптиста. Низкое преступленіе — вы сами увидите; но что въ томъ? До васъ, Государь, оно не касается, какъ и до всѣхъ насъ, имѣющихъ чистую совѣсть. Чешись лошадка часоточная — у насъ шейка здорова. (15.)

(Входитъ на театрѣ Луціанъ.)

Гамлетъ.

Это Луціанъ, племянникъ Короля.

Офелія.

Вы заступаете мѣсто хора, Принцъ.

Гамлетъ.

Да, и могъ бы быть посредникомъ (16.) между вами и вашимъ милымъ дружкой, если бы тутъ, была кукольная комедія.

Офелія.

Ваши отвѣты, Принцъ и остры и колки.

Гамлетъ.

О, вамъ бы стоило не одного стона притупленіе того, что у меня есть остраго.

Офелія.

Еще лучше и еще хуже!

Гамлетъ.

Въ выборъ мужей вы поступаете точно такъ! Начинай, убійца!
Полно исказать такъ лице свое! Начинай —

«Ужъ вопіеть»

«О мщеніи протяжнымъ крикомъ воронь!»

Луціанъ.

«Зло въ сердцѣ, ядъ въ рукѣ, уединенье,
«Приличный часъ — свершись же, преступленье?
«Ты, влага травъ полунощныхъ, трикраты
«Заклятая волшебствами Гекаты!
«Отраву въ кровь пролить ему спѣши,
«И жизни огонь мгновенно потуши!

(Вливаетъ въ ухо спящаго ядъ.)

Гамлетъ.

Онъ отравляетъ его въ саду, что бы овладѣть его короною. Имя его Гонзаго; происшествіе извѣстное, прекрасно описанное по италіянски. Вы увидите послѣ, какъ убійца пріобрѣтетъ любовь Гонзаговой супруги.

Офелія.

Король встаетъ.

Гамлетъ.

Какъ? Испуганъ поддѣльнымъ огнемъ?

Королева.

Что съ вами, супругъ мой?

Полоній.

Прекратите представленіе.

Король.

Посвѣтите мнѣ — я иду.

Полоній.

Огня, огня, огня!

(Уходятъ всѣ кромѣ Гамлета и Гораціо.)

Гамлетъ.

Пусть страждетъ лань, пронзенная стрѣлой,

Олень нераненый играетъ;

Когда одинъ хлопочетъ — спитъ другой:

Такъ все на свѣтѣ здѣсь бываетъ.

Не могли ли бы мнѣ сіи стихи, [еслибъ все остальное измѣнило] съ лѣсомъ перьевъ на шляпѣ и парой прованскихъ розъ на башмакахъ], (17.) доставить мѣсто въ обществѣ актеровъ?

Гораціо.

Развѣ половинный участокъ, Принцъ. (18.)

Гамлетъ.

Нѣтъ, цѣлый —

Самъ Зевсъ сидѣлъ у насъ въ коронѣ;

Но вѣкъ дурной пришелъ:

Теперь сидитъ да томъ же тронѣ

Прямой, прямой — Павлинъ. (19.)

Гораціо.

Вы бы могли стихи писать, Принцъ.

Гамлетъ.

О, добрый Гораціо! Теперь каждое слово тѣни стоитъ тысячи червонныхъ. Ты замѣтилъ?

Гораціо.

И очень, Принцъ!

Гамлетъ.

При словахъ объ отравленіи —

Гораціо.

Я внимательно наблюдалъ его.

Гамлетъ.

Ей, позовите музыкантовъ! Гдѣ флейтщики? —
Когда театръ не нравится Царю,
То — право, онъ не нравится Царю! (20.)
(*Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ.*)

Гамлетъ.

Гдѣ музыканты?

Гильденстернъ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ слово, Принцъ.

Гамлетъ.

Хоть цѣлую исторію!

Гильденстернъ.

Король —

Гамлетъ.

Ну да, что Король?

Гильденстернь.

Онъ удалился очень разстроены.

Гамлетъ.

Виномъ?

Гильденстернь.

Нѣтъ, Принцъ, гнѣвомъ.

Гамлетъ.

Вы бы поступили гораздо умнѣе, сказавъ о томъ доктору; если я пропищу ему чистительное, то оно можетъ быть еще болѣе усилить гнѣвъ его.

Гильденстернь.

Приведите, любезный Принцъ, разговоръ вашъ въ нѣкоторый порядокъ и не удаляйтесь такъ опрометчиво отъ его предмета.

Гамлетъ.

Ну, я присмирѣлъ — начинай.

Гильденстернь.

Мы присланы къ вамъ отъ глубоко опечаленной вашей матери Королевы.

Гамлетъ.

Добро пожаловать!

Гильденстернь.

Нѣтъ, любезный Принцъ! Привѣтствіе сіе неумѣстно: угодно вамъ дать мнѣ разсудительный отвѣтъ — я исполню приказаніе

вашей матери; нѣтъ — я попрошу у васъ прощенія, уйду и тѣмъ окончу все дѣло.

Гамлетъ.

Я, право немогу.

Гильденстернъ.

Чего, Принцъ?

Гамлетъ.

Дашь вамъ разсудительнаго отвѣта: разсудокъ мой боленъ; но такой отвѣтъ, въ какомъ я властенъ, къ вашимъ услугамъ, или лучше, какъ вы говорите, къ услугамъ моей матери. И такъ довольно объ этомъ, но къ дѣлу! Королева, говорите вы. —

Розенкранцъ.

И такъ она велѣла сказать, что поведеніе ваше удивило, изумило ее.

Гамлетъ.

Удивительный сынъ, могущій такъ удивить мать свою! Но не слѣдуетъ ли по пятамъ за симъ материнскимъ удивленіемъ чего-либо другаго? — Говорите!

Розенкранцъ.

Она желаетъ говоришь съ вами въ своей комнатѣ прежде, нежели вы почивать уйдете.

Гамлетъ.

Мы повинемся — будь она десять разъ нашею матерью. Имѣете ли вы еще какое порученіе?

Розенкранцъ.

Вы нѣкогда любили меня, Принцъ.

Гамлетъ.

И теперь еще люблю — клянусь моими десятью пальцами. (21.)

Розенкранцъ.

Какая причина, Принцъ, вашего недуга, вы запираете дверь собственной свободѣ, скрывая горестъ свою отъ друзей вашихъ.

Гамлетъ.

Я желаю повышенія.

Розенкранцъ.

Возможное ли это дѣло, когда самъ Король назначилъ васъ наслѣдникомъ престола?

Гамлетъ.

Правда, правда! но: «покуда травка подрастетъ —» (22.)
пословица эта ужъ обветшала.

(входятъ музыканты.)

А, музыканты! подайте мнѣ флейту.

(къ Розенкранцу и Гильденстерну)

Идти за вами? что вы заходите мнѣ вѣтеръ, какъ будто загоняя меня въ тенеты? (23.)

Гильденстернъ.

О, Принцъ! если долгъ дѣлаетъ меня смѣлымъ, то любовь моя забываетъ приличія. (24.)

Гамлетъ.

Для меня это не совсѣмъ понятно. Не угодно ли тебѣ заиграть на сей флейтѣ?

Гильденстернъ.

Я не могу, Принцъ.

Гамлетъ.

Прошу тебя!

Гильденстернь.

Право не могу.

Гамлетъ.

Сдѣлай одолженіе!

Гильденстернь.

Я не знаю какъ за нее взяться.

Гамлетъ.

Это такъ же легко, какъ, на примѣръ, лгать. Закрывай и открывай сіи отверстія пальцами и клапаномъ, а въ это дуй — и выйдетъ прекрасная музыка. Посмотри — вотъ приемы, для сего нужные.

Гильденстернь.

Но приемовъ то я и незнаю, не умѣю извлечь изъ инструмента гармоніи. Искусство сіе мнѣ не извѣстно.

Гамлетъ.

Разсуди же самъ, какою презрительною тварью ты меня считаешь! Ты хочешь управлять мною, думаешь, что знаешь нужные приемы и можешь изъ самага сердца извлечь мою тайну, слышать звуки мои отъ перваго до послѣдняго: а вотъ въ семь инструментикѣ заключается звучная, пріятная музыка — и ты не въ состояніи одушевить ее! Думаешь ли ты, что со мной совладѣть легче, нежели съ флейтой? Назови меня какимъ хочешь инструментомъ: ты можешь разбить меня, но не играть на мнѣ.

(входитъ Полоній)

Здравствуй Полоній!

Полоній.

Королева желаетъ сей часъ говорить съ вами, Принцъ.

Гамлетъ.

Видишь ли ты вотъ это облачко, похожее на верблюда?

Полоній.

Вижу, и право оно похоже на верблюда — право похоже!

Гамлетъ.

Но, кажется, оно болѣе подобно ласточкѣ.

Полоній.

Спина точно какъ у ласточки.

Гамлетъ.

Или киту —

Полоній.

Точь въ точь какъ китъ, Принцъ.

Гамлетъ.

И такъ я тотчасъ приду къ Королевѣ. — Они задурачать меня до смерти. — Я тотчасъ приду.

Полоній.

Я доложу ей о томъ.

(Уходитъ.)

Гамлетъ.

Тотчасъ сказать легко! Друзья, простите!

(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ.)

Теперь насталь волшебный ночи часъ,
Когда могилы разверзають зѣвъ свой
И самый адъ на мѣръ заразой дышетъ;
Теперь я радъ кипящую пить кровь,
Творишь дѣла, на кои день возрѣвши
Затрепеталь бы. — Время къ Королевѣ! —
О сердце, помни святость узъ природы!
Душа Нерона, не тѣснись мнѣ въ грудь!

Не извергомъ, жестокимъ лишь я буду:
Грозя кинжаломъ, не коснусь кинжала,
Притворной рѣчью скрою чувства сердца
И трепетать заставивши злодѣйство,
Не приведу угрозъ словесныхъ въ дѣйство.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комната въ замкѣ)

(Король, Розенкранцъ и Гильденстернъ.)

Король.

Онъ мнѣ противенъ и опасно дать
Его безумству волю. Приготовьтесь:
Я нужныя бумаги подпишу
И въ Англію отправлю васъ съ нимъ вмѣстѣ.
Нашъ санъ и долгъ терпѣть не позволяютъ
Опасности, растущей здѣсь всечасно
Отъ сей болѣзни.

Гильденстернъ.

Мы сготовимъ все;
Заботливость такая, Государь,
О благѣ общемъ вамъ подвластныхъ, вами
Хранимыхъ, благотворна и свята.

Розенкранцъ.

И всякъ изъ насъ природою обязанъ
Всей силой, всемъ оружіемъ души
Хранишь себя отъ гибели; но болѣ
Обязанъ тотъ, отъ коего зависитъ
Отчизны миръ, жизнь тысячъ. Смерть владыки
Не смерть инаго: какъ водоворотъ,
Она съ собой все близкое уноситъ.
Царь — на вершинѣ горной колесо,
Огромное, вращающее тьмы
Колесъ легчайшихъ; рушится оно —
И весь составъ, столь сложный и обширный,

Въ его паденьи будетъ раздроблень:
Вздохъ Царскій есть всего народа стонъ.

Король.

Сготовьтесь, други, въ сей поспѣшный путь;
Опасности, ходящей здѣсь свободно,
Мы скоро цѣпи на ноги надѣнемъ.

Розенкранцъ и Гильденстернь.

Простите, Государь!
(Уходятъ; входитъ Полоній.)

Полоній.

Онъ къ Королевѣ будетъ, Государь;
Я за обои скрывшись, все услышу.
Она его суровымъ встрѣтитъ словомъ,
И какъ [вы сами мудро то сказали]
Всегда пристрастна, къ дѣтямъ мать, то должно
Чтобъ посторонній нужное подслушалъ
Въ ихъ разговорѣ. Государь, простите?
Я васъ о всемъ увѣдомлю сего дня жъ.

Король.

Благодарю.

(Полоній уходитъ.)

Ахъ, моего злодѣйства

Зловоніе восходитъ къ небесамъ;
На немъ древнѣйшее лежитъ проклятье!
Братоубійство! Пламенно желая,
Молиться я не властенъ: сила воли
Сильнѣйшею подавлена виной,
И какъ зовомый къ двумъ равно дѣяньямъ,
Что предпринять, не зная, въ обоихъ
Я медлю. Что же? Запекись корою
На проклятыхъ рукахъ моихъ кровь брата —
Ужель росы въ благомъ не станеть Небѣ
Какъ снѣгъ умытъ ихъ? Не на толь и благость,
Чтобы лицу противустать порока?
И что въ молитвѣ, если не сія

Двойная сила — подкрѣпленье слабымъ,
Прощенье падшимъ? Я воззрю къ Творцу;
Вина свершилась; но какой избрать
Молитвы видъ? — «Прости мнѣ грѣхъ убійства? —
То не возможно! я еще владѣю
Всею, для чего совершено убійство:
Короной, жаждой чести, Королевой!
Тому ль прощенье, кто своей вины
Еще плоды вкушаетъ? — На нечистомъ
Потокъ свѣта можетъ позлащенной
Преступникъ правду отклонить рукой,
Купить законъ добычею злодѣйства;
Но тамъ не такъ! Тамъ тщетны всѣ предлоги;
Тамъ въ наготѣ дѣла порока видны,
И мы лицомъ къ лицу предъ ними станемъ,
Нелицемерный въ нихъ дадимъ отчетъ.
И что жъ осталось? испытать, что властно
Раскаянье? — чего оно не властно!
Что властно тамъ, гдѣ нѣтъ его въ душѣ? —
О бѣдствіе! грудь черная, какъ смерть!
Духъ, рвущійся изъ узъ, и тѣмъ сильнѣе
Тѣснимый ими! Ангелы, внимлите!
Колѣна, гнитесь! Ты, стальное сердце,
Смягчись и будь чувствительно, какъ нервы
Въ грудномъ младенцѣ! — Есть еще надежда.
(Отходитъ въ сторону и становится на колѣна.)

Гамлетъ *(входитъ.)*

Теперь могу я — онъ творить молитву;
Теперь свершу: чрезъ мигъ онъ въ небесахъ —
И я отмщенъ? — О семъ помыслишь должно.
Родителя лишилъ меня злодѣй;
Единый сынъ, я шлю сего злодѣя
На небо! —
Нѣтъ, то заплата, а не месть! отецъ мой
Убить имъ былъ въ утѣхахъ, въ пресыщеніи
И полнотѣ грѣховъ, какъ Май разцвѣтшихъ;
Каковъ удѣлъ его, лишь знаетъ небо;
Но намъ разумокъ говорить, что тяжело
Его душѣ — и будуль я отмщенъ,
Сразивъ врага въ минуту покаянья,
Готоваго предстать на судъ небесный?

О, нѣтъ!
Нѣтъ, мечь мой! мигъ страшнѣйшій избери!
Когда во снѣ онъ, иль во гнѣвѣ, въ пьянствѣ,
Или въ наслажденьяхъ мерзостной любви,
Въ игрѣ, въ хуленьи, дѣлѣ чуждомъ всякой
Спасенья мысли: порази тогда,
Чтобъ пяты къ небу обративъ, онъ палъ
Съ душою черной, проклятой, какъ адъ
Ея наслѣдье. — Королева ждетъ! —
Для большихъ мукъ продлю его животь.
(Уходитъ.)

Король *(встаетъ.)*

Слова горѣ, но долу мысль стремится:
Безъ мысли слово къ небу не домчится!
(Уходитъ)

ЯВЛЕНИЕ IV.

(Другая комната въ замкѣ)

Королева и Полоній.

Полоній.

Тотчасъ придетъ онъ. Будьте съ нимъ суровы;
Скажите прямо, что его поступки
Несносны, что вы стали изъ любви
Межъ нимъ и гнѣвомъ Короля. Довольно;
Но будьте откровенны съ нимъ.

Королева

О буду,
Повѣрь мнѣ. Онъ идетъ — оставь однихъ насъ.
(Полоній скрывается)

Гамлетъ *(входитъ)*

Что вамъ угодно Королева?

Королева.

Тобой отецъ твой сильно оскорблень.

Гамлетъ.

Отецъ мой вами сильно оскорблень.

Королева.

Ты Гамлетъ, мнѣ отвѣтствуешь пустое.

Гамлетъ.

Вы говорите, Королева, злое.

Королева.

Что жъ, Гамлетъ?

Гамлетъ.

Въ чемъ же дѣло, Королева?

Королева.

Или меня забылъ ты?

Гамлетъ.

О, нимало!

Вы Королева, деверя супруга,
И — лучше бы такъ не было — мнѣ мать.

Королева.

Такъ говорить съ тобой велю другимъ я.

Гамлетъ.

Къ чему? — Садитесь! не вставайте съ мѣста!
Ни съ мѣста! я вамъ зеркало представлю,
Гдѣ вы свою увидите всю душу.

Королева.

Что хочешь ты? Убить меня? — Спасите!

Сюда!

Полоній. *(непоказываясь)*

Сюда, на помощь!!

Гамлетъ.

Кто здѣсь? — Мышь?

(вынимаетъ шпагу)

Убита, бьюсь червонцемъ объ закладъ!

Мертва!

(ударяетъ шпагою сквозь обои.)

Полоній.

Я мертвъ — заколотъ — мертвъ!

(падаетъ и умираетъ.)

Королева.

О горе!

Что сдѣлалъ ты?

Гамлетъ.

Не знаю самъ! — Король?

(Поднимаетъ обои и подвигаетъ Полонія на сцену.)

Королева.

Какой кровавый, бѣшенный поступокъ!

Гамлетъ.

Кровавый? Также, Королева, какъ

Убивъ Царя, стать деверя супругой.

Королева.

Убивъ Царя?

Гамлетъ.

Убивъ, убивъ: такъ точно!

(Полонію.)

Прости, ты жалкій, дерзостный глупецъ!

Я счелъ тебя за лучшаго, чѣмъ ты, —
Какъ быть! — Лукавство, видишь самъ, опасно.

(Королева.)

Къ чему ломать и жать такъ руки? — Сядьте!
Изъ вашего я сердца выжму чувство,
Когда его проникнуть есть возможность,
Когда его не вовсе закалилъ,
Не сдѣлалъ сталью навикъ преступленья.

Королева.

Въ чемъ я виновна, что языкъ твой смѣетъ
Мнѣ изрыгать угрозы?

Гамлетъ.

Твой проступокъ
Сквернить румянецъ скромности стыдливой;
Зоветь притворствомъ добродѣтель; розу
Съ чела любви невинной отторгая,
Кладетъ тамъ язву; слово брачной клятвы
Творить хулой, какъ игрока божбу.
Онъ извлекаетъ душу изъ обѣтовъ
Святѣйшихъ въ жизни; рдѣетъ, зря его
Во гнѣвѣ небо, и тяжелый шаръ нашъ,
Какъ въ судный день, приемлетъ мрачный видъ
И страждетъ въ скорби.

Королева.

О, какой проступокъ
Ты возвѣщаешь столь ужаснымъ?

Гамлетъ.

Взирай сюда — вотъ два изображенья,
Черты двухъ братьевъ. Вотъ одинъ: какое
Величїе въ лицѣ его! Власы
Гиперіона, Зевсово чело;
Взоръ Бога брани, царственный и грозный;
Осанка, поступь вѣстника Боговъ,
Летящаго съ горы подпершей небо;
Размѣръ и стройность, въ коихъ, мнится, явно
Безсмертный каждый положилъ печать,

Ручаясь міру за свое творенье —
Онъ былъ супругъ твой! Но взирай: другой
Теперь супругъ твой, сей сожженный колось,
Губитель брата. (25.) Видишь ли твой глазъ?
Не жить на сей горѣ, тучнѣть во сквернѣ
Такого блага! Видитъ ли твой глазъ?
Не смѣй назвать любви тутъ! Нѣтъ! Въ твой вѣкъ
Ужъ не бунтуетъ кровь: она покорна
Разсудка волѣ; видѣнъ ли жъ разсудокъ
Въ такой замѣнѣ? Ты имѣешь смыслъ —
Имѣя мысли — но онъ спитъ сномъ смертнымъ:
Здѣсь и безумство истину бы зрѣло,
И никогда не меркнулъ столько разумъ,
Чтобъ въ выборѣ подобномъ заблужденью
Причастнымъ быть могъ. О, какой же демонъ
Тебя такъ злобно, дивно ослѣпилъ?
Безъ осязанья глазъ, иль осязанье
Безъ глаза, слухъ одинъ — любое чувство,
Остатокъ бѣднѣй чувства впасть не могъ бы
Въ обманъ столь грубый.
О, стыдъ! Гдѣ твой румянецъ? — Адъ коварный!
Когда ты такъ бунтуешь въ людяхъ зрѣлыхъ,
Пусть въ юности порывчатомъ огнѣ
Какъ воскъ растаетъ добродѣтель! Срамноль
Для жара крови молодой распутство,
Когда и ледъ горитъ, когда разсудокъ
Другъ вождѣленья?

Королева.

О, умолкни, Гамлетъ!

Ты обратилъ мой взоръ во глубь души,
И въ черныхъ, неизгладимыхъ я пятнахъ
Ее узрѣла.

Гамлетъ.

Прельщаться срамомъ
На душномъ семъ одрѣ кровосмѣшенья!
Дышать порокомъ! Нѣжиться любовью
Въ гнѣздѣ разврата!

Королева.

О, умолкни, Гамлетъ!
Слова твои какъ острые кинжалы!
Умолкни сынъ мой!

Гамлетъ.

Онъ злодѣй, убійца?
Рабъ, онъ отца убитаго не стоитъ
И сотой доли! На Царей сатира! (26.)
Воръ малодушный скипетра и Царства,
Изъ храмины корону подъ одеждой
Тайкомъ унесшій!

Королева.

О, довольно!

Гамлетъ.

Съ шапкой
Дурацкою Король!
(Входитъ тѣнь Гамлетова отца.)
Прострите крылья надъ моей главой,
Вы, стражи неба! — Что ты возвѣстишь
Величественный призракъ?

Королева.

Онъ въ безумствѣ!

Гамлетъ.

Съ упрекомъ ли къ медлителю пришелъ ты,
Что съ рвеніемъ жарчайшимъ не спѣшитъ онъ
Твое исполнишь страшное велѣнье?
О, говори!

Тѣнь.

Сынъ, помни: я пришелъ
Вновь изощрить притупленный твой замысль;
Но матери ты видишь изумленье?
Стань между ею и ея душой —
Сильнѣй въ слабѣйшихъ потрясаетъ душу
Воображенье. Говори съ ней, сынъ мой.

Гамлетъ.

Что съ вами, Королева?

Королева.

Что, Гамлетъ мой, съ тобою?
Ты дико взоръ вперяешь въ пустоту,
И съ воздухомъ бесѣдуешь безплотнымъ;
Огнемъ души твои сверкають очи;
Власы, подобно рати, пробужденной
Отъ сна смятенемъ браннымъ, какъ живые
Встають горою! Милый сынъ! Пролей
Терпѣнія прохладу на огонь
И жаръ твоей тревоги! Что ты видишь?

Гамлетъ.

Его, его! Какъ блѣдень, какъ глядитъ онъ!
Его удѣлъ и видъ вложилъ бы въ камни
Разсудокъ, чувство!

(Къ тѣни.)

Отврати свой взоръ!

Иль жалости при видѣ семъ уступить
Моя рѣшимость, должный цвѣтъ утратить
Дѣянье: будутъ слезы вмѣсто крови!

Королева.

Съ кѣмъ, сынъ мой, говоришь ты?

Гамлетъ.

Ужель никто не видѣнъ вамъ?

Королева.

Никто;

Но все, что есть здѣсь, явственно я вижу.

Гамлетъ.

И ничего не слышитъ ваше ухо?

Королева.

Нѣтъ, ничего, окромѣ насъ самихъ.

Гамлетъ.

Сюда, сюда смотрите! Онъ уходитъ,
Отецъ мой, въ томъ же, какъ при жизни, видѣ!
Вотъ здѣсь идетъ онъ! Вотъ выходитъ въ дверь!
(Тѣнь уходитъ.)

Королева.

Нѣтъ, то души мечтательной творенье!
Безумство живо представлять умѣеть
Очамъ такіе призраки.

Гамлетъ.

Безумство?

Но пульсъ мой бьется вѣрно, какъ и вашъ,
И въ столь же здравыхъ раздается звукахъ.
Безумно ль говорилъ я? Испытайте!
Я повторю до слова все: безумный
Смѣшался бы! О, не врачуйте сердца
Бальзамомъ ложнымъ, мыслью, что вѣщало
Мое безумство, а не вашъ порокъ:
Онъ лишь извнѣ слегка затянетъ рану;
Внутри же гніеніе будетъ разъѣдать
Ее незримо. Матерь! Вспомни небо!
Покайся въ прошломъ, мысли о грядущемъ!
Не удобряй земли для возвращенія
Волчцовъ и терній! Не сердись за правду!
Въ нашъ вѣкъ, въ развратѣ утучнѣвшій, просить
Прощенія у порока добродѣтель,
И ползаетъ, моля о позволеніи
Творишь добро ему же.

Королева.

Гамлетъ! Гамлетъ!

Ты растерзалъ мое на-двое сердце!

Гамлетъ.

О, брось его, брось злую половину,
И съ остальною въ чистотѣ живи.
Прости! Но къ дядѣ не иди: хоть видомъ
Храни, когда не сердцемъ, добродѣтель!
Чудовище-привычка, поѣдая,
Какъ демонъ злобы, стыдъ виновныхъ душъ,
И ангеломъ бываетъ — подаетъ
Удобную и легкую одежду
Дѣяньямъ добрымъ: воздержись сего дня —
Получишь силы къ воздержанью завтра,
Второе будетъ легче принужденъе.
О, навикъ властенъ измѣнить природу;
Онъ усмирить врага, иль дивной силой
Его изгонитъ вовсе. Добра ночь!
Благослови меня, когда сама
Благословенья отъ небесъ ты чаешь!

(Указываетъ на Полонія.)

Его мнѣ жаль! Знать небеса желали,
Мной наказавъ его, меня симъ дѣломъ,
Чтобы орудьемъ и бичемъ ихъ былъ я.
Пойдемъ пріятель! Я отчетъ съумѣю
Отдать въ твоёмъ убійствѣ. — Добра ночь!
Не ставъ жестокъ, я не могу быть нѣженъ;
Зло свершено; зло большее свершится,
Еще два слова.

Королева.

Что должна творить я?

Гамлетъ.

Не то, чего я требую, конечно!
Пусть тучный другъ васъ привлечетъ въ объятя,
Вамъ гладить щеки, милою зоветъ васъ;
Пусть за одинъ горячій поцѣлуй,
Иль за одну руки проклятой ласку
У васъ онъ купитъ скорое признанье,
Что я безумнымъ только притворяюсь.
Откройте все ему: прекрасно будетъ!
И вамъ ли, мудрой, нѣжной Королевѣ
Отъ твари сей, летучей мыши, жабы
Скрывать такія вещи? И къ чему?

О, нѣтъ! на зло и тайнѣ и разсудку
Откройте ящикъ на домашней кровлѣ;
Пустите птицъ, какъ обезьяна въ баснѣ,
И, какъ она, изъ любопытства влезть
Стараясь въ ящикъ, голову сломите!

Королева.

О, вѣрь мнѣ, вѣрь, когда слова — дыханье,
Когда дыханье — жизнь, во мнѣ нѣтъ жизни
Дохнуть о томъ, что говорилъ ты, слова.

Гамлетъ.

Я въ Англію назначень — вамъ извѣстно?

Королева.

Увы! Я вспоминаю — такъ рѣшили.

Гамлетъ.

Бумаги за печатью; двумъ друзьямъ —
Я вѣрю имъ не болѣ, какъ ехиднамъ —
Даны приказы, велѣно мести
Дорогу мнѣ и вестъ меня къ измѣнѣ.
Посмотримъ! Какъ забавно подорвать
Подкопщика его жъ снарядомъ! Будеть
Немилость неба, или на два локтя
Подрывшись глубже, я взорву ихъ. Славно
На линіи одной столкнутъ двѣ силы!
Теперь я ношей нагружусь бездушной
И въ ближній отнесу ее покой.

(Поднимаетъ Полонія.)

Спокойной ночи! — Сей совѣтникъ Царскій
Теперь сталъ скромень, молчаливъ и важенъ
А прожилъ вѣкъ глупцомъ и болтуномъ.
Пойдемъ, пріятель! Мы тебя пристроимъ.
Спокойной ночи!

(Уходятъ въ разныя стороны; Гамлетъ уноситъ Полонія.)

Конецъ III-го Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНИЕ I.

(Комната во дворцѣ.)

Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденстернь.

Король.

Симъ вздохамъ есть причина; сихъ стенаній
Предметъ мы знать желаемъ — поясни ихъ.
Гдѣ сынъ твой?

Королева *(къ придворнымъ.)*

Угодно ль вамъ оставить насъ однихъ?
(Розенкранцъ и Гильденстернь уходятъ.)
О другъ мой! что я видѣла сей ночью!

Король.

Чтожъ, милый другъ? скажи: каковъ нашъ Гамлетъ;

Королева.

Безумень, дикъ, какъ океанъ и вѣтры
Въ стихійномъ спорѣ. Въ бѣшенствѣ припадка
Онъ за обоями услышалъ шорохъ,
За мечъ схватился, закричалъ: *кто? мышъ?*
И закололъ, въ безумномъ заблужденіи,
Сокрытаго Полонія!

Король.

О горе!

Тожъ было бъ съ нами, еслибъ мы тамъ были!
Его свобода угрожаетъ всѣмъ:
Тебѣ и намъ и всякому! Увы!
Какой въ кровавомъ дѣлѣ семъ отвѣтъ дать?
Насъ обвинять въ немъ! Мы долженствовали
Блюсти въ надзорѣ, удалишь иль воли
Лишить безумца; но въ своей любви
Мы не хотѣли слышать гласа долга:

Такъ зараженный срамною болѣзнью
Ее скрываетъ ото всѣхъ, пока
Всѣ соки жизни не изсякнутъ. Гдѣ онъ?

Королева.

Понесъ изъ комнату тѣло; и притомъ
Его безумство, какъ въ смѣшенъи низкихъ
Металловъ злато, въ чистотѣ явилось:
Онъ плачетъ горько о винѣ невольной.

Король.

Пойдемъ, Гертруда!
О, прежде, чѣмъ освѣтитъ солнце горы,
Онъ удалится. Дерзкій сей поступокъ
Всей властью и искусствомъ мы загладимъ
И извинить потщимся. — Гильденстернъ!
(Гильденстернъ и Розенкранцъ входятъ.)

Возьмите слугъ, друзья, къ себѣ на помощь;
Гамлетъ, убивъ Полонія въ безумствѣ,
Его унесъ изъ комнату Королевы;
Найдите Принца; будьте съ нимъ дружныѣ;
Отправьте тѣло въ церковь. — Поспѣшите.
(Они уходятъ.)

Пойдемъ, мой другъ, зовемъ друзей мудрѣйшихъ;
Откроемъ имъ, что случилось, что имѣемъ
Въ предметѣ мы: быть можетъ клевета,
Чей шопоть мѣтко, черезъ цѣлый міръ,
Несетъ ударъ свой ядовитый къ цѣли,
Имень не тронувъ нашихъ, въ неведимый
Ударитъ воздухъ. Поспѣшимъ, пойдемъ!
Въ душѣ моей смятеніе и ужась!
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

(Другая комната въ замкѣ.)

Гамлетъ. (одинъ.)

Спрятанъ прекрасно!

Розенкранцъ и Гильденстернъ. *(за сценою.)*

Принцъ! Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ.

Тише, что за крикъ? Кто зоветъ Гамлета? —
А, вотъ они!

Розенкранцъ *(входитъ съ Гильденстерномъ.)*

Что сдѣлали вы съ мертвымъ тѣломъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Его, какъ прахъ, я предалъ праху.

Розенкранцъ.

Скажите, гдѣ: его мы взять и въ церковь
Должны отправить.

Гамлетъ.

Не вѣрьте тому.

Розенкранцъ.

Чему, Принцъ?

Гамлетъ.

Что я могу сохранить вашу тайну, а не свою собственную.
Впрочемъ, когда спрашиваетъ губка — что долженъ
отвѣтствовать сынъ царскій?

Розенкранцъ.

Вы почитаете меня губкою, Принцъ?

Гамлетъ.

Губкою, напитанной Королевскою волею, приказаніями и
наградами; но такіе прислужники бываютъ наиболѣе полезны

Царю при концѣ — онъ бережетъ ихъ, какъ обезьяна въ уголкѣ рта первый кусокъ пищи, пожираемый послѣ прочаго: при первой нуждѣ въ томъ, чѣмъ вы напитаны, онъ пожметъ — и вы, губка, сухи по прежнему.

Розенкранцъ.

Я не понимаю васъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Очень радъ: хитрое словцо спить въ ухѣ глупца. (2.)

Розенкранцъ.

Вы должны, Принцъ, сказать, гдѣ тѣло, и идти съ нами къ Королю.

Гамлетъ.

Тѣло при Королѣ, но Король не при тѣлѣ. (3.) Король есть нѣчто! (4.)

Гильденстернь.

Нѣчто, Принцъ?

Гамлетъ.

Или ничто — пойдёмъ къ нему. — въ норку, лисичка, да и всѣ тудажъ. (5.)

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

(Другая комната во дворцѣ.)

Король и служители.

Король.

Я повелѣлъ найти его и тѣло.
О, какъ опасно дать безумцу волю!

Но мы суду предать его не смѣемъ:
Онъ такъ любимъ безсмысленной толпой,
Судящей все глазами, не разсудкомъ;
А гдѣ такъ судятъ, казнь лишь видятъ тамъ,
А не вину. Чтобъ все сравнять и сгладить,
Давно уже замышленнымъ представимъ
Отъѣздъ его. Въ отчаянныхъ болѣзняхъ
Полезны иль отчаянныя средства,
Иль ничто.

(Розенкранцъ входитъ)

Нашелъ ли, Розенкранцъ?

Розенкранцъ.

Гдѣ скрыто тѣло, Государь, онъ намъ
Не говоритъ.

Король.

Гдѣ жъ самъ онъ?

Розенкранцъ.

На дворѣ,
Со стражею, ждетъ вашихъ повелѣній.

Король.

Сюда его зовите.

Розенкранцъ.

Гильденстернь!
Проси скорѣе Принца къ Государю.
(входятъ Гамлетъ и Гильденстернь.)

Король.

Ну, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ.

За ужиномъ.

Король.

За ужиномъ? гдѣ?

Гамлетъ.

Не тамъ, гдѣ онъ кушаетъ, а тамъ, гдѣ его кушаютъ. Надъ нимъ теперь цѣлое братство нѣкотораго рода политическихъ червей. Червь есть монархъ всего съѣстнаго; мы утучняемъ безсловесныхъ, чтобы самимъ тучнѣть отъ нихъ, а тучнѣемъ сами, чтобы послѣ утучнить червей. Дородный Царь и тощій нищій — тѣ же яства, хотя и различныя: два блюда къ одному столу — и все тутъ!

Король.

Увы, увy!

Гамлетъ.

Можно удишь рыбу на червя, ѣвшаго Царя, и ѣсть рыбу, пожравшую червя сего.

Король.

Что хочешь сказать ты?

Гамлетъ.

Только то, что Царь можетъ путешествовать по внутренностямъ нищаго.

Король.

Гдѣ Полоній?

Гамлетъ.

На небесахъ! Велите посмотрѣть: если послы ваши не найдутъ его тамъ, то ищите его сами — въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ ручаюсь, что если не отыщете его въ продолженіи сего мѣсяца, носъ вашъ почуетъ его на лѣстницѣ, ведущей въ галерею.

Король. *(служителямъ)*

Ищите его тамъ.

Гамлетъ.

Онъ будешь спокойно ожидать васъ.

(служители уходятъ)

Король.

Поступокъ сей для твоего же блага,
О коемъ мы не менѣ печемся,
Какъ и грустимъ о семъ убійствѣ, нынѣжъ
Тебѣ велить отсюда удалиться.
Зготовся; вѣтръ благопріятенъ, все —
Корабль и спутники твои готовы
Въ путь въ Англію.

Гамлетъ.

Въ Англію?

Король.

Такъ точно, Гамлетъ.

Гамлетъ.

Хорошо!

Король.

Конечно ты сказалъ бы хорошо, еслибъ зналъ наши намѣренія.

Гамлетъ.

Я вижу Херувима, который ясно ихъ видитъ. И такъ въ Англію!
Простите, нѣжная мать моя!

Король.

Твой нѣжный отецъ, Гамлетъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ, мать! отецъ и мать — мужъ и жена; а мужъ и жена — одно тѣло: слѣдственно вы моя мать. Въ Англію, въ Англію скорѣе!

(Уходитъ.)

Король.

За нимъ, за нимъ! Поспѣшнѣе на берегъ!
И на корабль до восхожденья солнца!
Скорѣе! все, что нужна для пути,
Готово — о, поспѣшнѣе, прошу васъ!
(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ.)

О Англія! когда цѣнить умѣешь
Ты нашу дружбу [и ее цѣнить ты
Научена: еще горятъ и рдѣютъ
Твои отъ Датскаго оружья язвы,
И добровольно ты приносишь дань намъ]
Не холодно ты наше примешь дѣло,
Исполнишь просьбу, сказанную въ письмахъ:
Смерть Гамлету! О Англія, не медли!
Онъ, какъ зараза, мнѣ бунтуетъ кровь —
Я отъ тебя одной жду исцѣленья:
Дотоль и въ счастья нѣтъ мнѣ наслажденья.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Долина въ Даніи.)

(Фортинбрасъ съ войскомъ.)

Фортинбрасъ.

Ты къ Датскому, Полковникъ, Королю
Съ привѣтствіемъ впередъ иди; скажи,
Что Фортинбрасъ, по данному имъ слову,
О пропускѣ чрезъ царство просить. Гдѣ
Найти меня, ты знаешь. Если онъ
Желаеть, я съ почтеніемъ ко двору
Прибуду лично.

Полковникъ.

Слушаю, мой Принцъ.

Фортинбрасъ.

Впередъ, но тише!

(Уходитъ съ войскомъ.)

Гамлетъ. *(входитъ съ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ.)*

Смѣю ль васъ спросить
Какія идуть здѣсь войска?

Полковникъ.

Норвежцы.

Гамлетъ.

Угодно вамъ сказать, куда?

Полковникъ.

На Польшу.

Гамлетъ.

А предводитель?

Полковникъ.

Принцъ нашъ, Фортинбрасъ.

Гамлетъ.

И на границу Польши, или внутрь
Пойдутъ они?

Полковникъ.

О, говоря открыто,
Мы овладѣтъ кускомъ земли идемъ,
Въ которомъ польза вся — его лишь имя.
Пяти бѣ червонцевъ за наемъ я не далъ
Земли сей, ни Норвегіи, ни Польшѣ
Принестъ доходу столько не могущей.

Гамлетъ.

Такъ за нее и не поспоритъ Польша.

Полковникъ.

О нѣтъ! Уже поставлено тамъ войско.

Гамлетъ.

Двѣ тысячи людей и двадцать тысячъ
Червонцевъ спора не рѣшаютъ о сей
Соломинкѣ! Таковъ нарывъ богатства
И мира: нутрь терзаетъ, а снаружи
Больной не видитъ отъ чего умереть.
Благодарю васъ.

Полковникъ.

Счастливо остаться!
(Уходитъ.)

Розенкранцъ.

Угодно ли идти вамъ дальше, Принцъ?

Гамлетъ.

Идите; я тотчасъ за вами буду.

(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ.)

Какъ все меня винить и побуждаетъ
Къ скорѣйшей мести! Что же мы, когда
Первѣйшимъ благомъ, выгодною жизни
Нашъ сонъ и пища? — Звѣри, только звѣри?
На толь Творецъ создалъ насъ съ симъ умомъ,
Способнымъ видѣть прошлое съ грядущимъ,
На толь намъ далъ божественный разсудокъ,
Чтобъ ржавѣль онъ въ бездѣйствіи? — Не знаю,
Скотское ль то забвеніе, сомнѣнья ль
Страшащейся послѣдствій мысли, въ коей
Благоразумья часть одна, а три
Боязни — я живу и повторяю:
Sic исполнить должно, все имѣя,

Все, волю, средства, силы къ исполненью!
Меня зовутъ великіе примѣры,
Великіе, какъ міръ — и вотъ одинъ:
Сей юноша съ войсками. Вдохновенный
Высокой жаждой чести, презираетъ
Онъ неизвѣстность счастья, отдаетъ
Все смертное, невѣрное на волю
Опасностямъ и смерти — все за горсть
Песку! — Быть истинно великимъ, значитъ
Не возставать безъ побужденій важныхъ,
Но почитать великою бездѣлку,
Когда о чести дѣло. — Что же я?
Ни смерть отца, ни матери безчестье
И кровь мою и разумъ подстрекая,
Ничто, ничто меня не пробудило!
Съ стыдомъ я вижу двадцать тысячъ храбрыхъ,
Изъ ничего, изъ славы лишь пустой,
Идущихъ въ гробъ, какъ на одры, за землю,
На коей тѣсно стать имъ въ ратномъ строѣ,
На коей мѣста для могилъ ихъ мало!
Упейсяжъ кровью, праведное мщенье,
Иль вовсе я ничтожное творенье!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

(Комната въ Эльсинортъ.)

Королева и Гораціо.

Королева.

Я говорить съ ней не хочу.

Гораціо.

Она

Такъ неотвязна — вовсе внѣ себя,
И грусть ея достойна состраданья.

Королева.

Чего она желаетъ?

Гораціо.

Я не знаю.

Она то объ отцѣ заговорить,
То объ обманахъ свѣта, то стенаеть,
Бьетъ въ грудь себя, за малости сердится,
Или твердитъ слова почти безъ смысла,
Они ничто, но странностью вниманье
Влекутъ невольно: слушатель догадкой
Въ нихъ произвольную находитъ мысль,
Къ какой ведутъ ея движенья, взоры,
Намеки, видъ, отъ коихъ нѣчто въ душу
Неясное и страшное тѣснится.

Королева (*въ сторону.*)

Поговорю съ ней — или толкъ опасный
Въ зломыслящихъ могла бь она посѣять.

(*Къ Гораціо.*)

Впусти ее.

(*Гораціо уходитъ.*)

Душей недужной — такъ караетъ совѣсть —
Во всемъ несчастья вѣстниковъ я вижу.
Преступникъ все измѣной почитаетъ,
И самъ себѣ, страшась всѣхъ, измѣняетъ.

(*Входятъ Гораціо и Офелія.*)

Офелія.

Гдѣ она, гдѣ прекрасная Датская Королева?

Королева.

Что съ тобою, Офелія?

Офелія (*поетъ.*)

«Какъ узнать твоего мнѣ, красавица, друга? (6.)
Какъ узнать межъ народной толпой? —
«Онъ въ сандаліяхъ тяжкихъ, въ распущенной шляпѣ,
«Въ рукахъ его жезлъ съ булавой.

Королева.

Увы! Бѣдная Офелія! Къ чему эта пѣсня?

Офелія.

Право? Нѣтъ, послушайте, прошу васъ!

(поетъ)

«Ахъ, далеко, далеко, красавица, другъ твой,

«Въ сырую могилу зарытъ!

«Въ головахъ его холмикъ наложенъ дерновѣй,

«Въ ногахъ сѣрый камень лежитъ!

Ахъ, ахъ!

Королева.

Но, милая Офелія —

Офелія.

Послушайте, послушайте!

(поетъ)

«Чистъ и бѣлъ его саванъ, какъ снѣгъ молодой —

(входитъ Король)

Королева.

Ахъ посмотрите, Государь!

Офелія. *(продолжаетъ пѣть)*

«Весь усыпанъ цвѣтами, цвѣтами!

«И гробъ опуская въ могилу, друзья

«Ихъ смочили слезами, слезами.

Король.

Что съ тобой, Офелія?

Офелія.

Ничего, благодарю васъ! Говорятъ, что сова была дочь хлѣбника (7.) Мы знаемъ, что мы такое, но не знаемъ чѣмъ бы мы быть могли. Хлѣбъ-соль вамъ!

Король.

Она думаетъ объ отцѣ.

Офелія.

Ни слова болѣе объ этомъ, прошу васъ; а если
Кто спросить, что это значитъ, скажите:

(поетъ.)

«Спитъ ли, другъ мой, иль нѣтъ! Ужъ алѣетъ заря
«Валентинова краснаго дня; (8.)

«Я, прокравшись тайкомъ, здѣсь стою подь окномъ:
«О, прими, Валентинъ мой, меня!

* * *

*

«Онъ услышалъ привѣтъ: черезъ мигъ онъ одѣтъ,
«Двери настезь, ворота скрипятъ,
«И дѣвица — красавица къ другу вошла,
«Но пошла не дѣвица назадъ.

Король.

Милая Офелія —

Офелія.

Нѣтъ, право — зачѣмъ клясться — я окончу свою пѣсню —
(поетъ.)

«Что за люди на свѣтѣ, Пречистая мать!

«Какъ въ нихъ совѣсти много святой!

«Положись на муцинъ: они всѣ, какъ одинъ!

«Пусть имъ будетъ Господь судіей!

* * *

*

«Гдѣ же клятвы въ всегдашней и вѣрной любви,
«Гдѣ обѣты? [сказала она]

Онъ отвѣчаетъ:

«Я любовь сохранилъ, но обѣтъ позабылъ —

«И твоя, не моя, въ томъ вина.

Король.

Давно ля такова она?

Офелія.

О, я надѣюсь, все будетъ хорошо; надобно только имѣть терпѣніе; но какъ же мнѣ не плакать, думая, что они положили его въ сырую землю! Братъ мой долженъ узнать это, и я благодарю васъ за добрый совѣтъ вашъ. Ей, велите подать мою карету! Добра ночь, прекрасныя госпожи! Добра ночь, добра ночь!

(Уходитъ.)

Король.

За ней, Гораціо! О, смотри за нею!

(Гораціо уходитъ.)

То ядъ глубокой скорби; смерть отца —
Его источникъ. И теперь смотри,
Моя Гертруда! Бѣдствія не идутъ,
Какъ соглядатаи, по одиначкѣ,
Но цѣлою толпой! Сперва убійство
Полонія, потомъ отъѣздъ Гамлета —
И самъ виной онъ своего изгнанья; —
Народа ропотъ, подозрѣнья, толки,
О семь убійствѣ — и напрасно мы
Полонія похоронили тайно;
И вотъ, ума Офелія лишилась,
Безъ коего мы истуканы, звѣри;
И наконецъ, что всѣхъ сихъ бѣдъ опаснѣй,
Изъ Франціи Лаертъ пріѣхалъ тайно.
Онъ, раздраженный, кроется во мракѣ
И заражаетъ слухъ свой объ отцѣ
Язвительнымъ наушниковъ разговоромъ,
Гдѣ для доводовъ не упуститъ злоба
Передавать объ насъ изъ устъ въ уста
Дурныя вѣсти. О Гертруда! это,
Какъ многострѣльная пищаль убійцы,
Мнѣ вдругъ наноситъ много ранъ смертельныхъ.

(слышенъ шумъ)

Королева.

О Боже! Крики!

(входитъ чиновникъ)

Король.

Гдѣ мои швейцары? (9.)

Сюда! заprite, защищайте дверь!
Какой мятежъ? —

Чиновникъ.

Спасайтесь, Государь!

Самъ океанъ, вздымаясь надъ берегами
Стремительнѣй не поглощаетъ доловъ,
Какъ съ тысячами мятежниковъ Лаертъ
Сражаетъ стражу! за него народъ!
И будто вновь пришло начало свѣта,
Забыты будто древность и обычай,
Опоры и хранители порядка —
Лаерта изберемъ! взываетъ чернь,
Бросаетъ шляпы, бьетъ въ ладони, къ небу
Возноситъ крикъ: *Лаертъ, Лаертъ Король нашъ!*

Королева.

Какая радость! слѣдъ нашли — но ложный!
Ты обманулась, стая Датскихъ псовъ!
(*Шумъ усиливается.*)

Король.

Разломаны ворота —
(*вбѣгаетъ вооруженный Лаертъ; за нимъ народъ.*)

Лаертъ.

Гдѣ Король сей?
Друзья, останьтесь!

Народъ.

Нѣтъ! сюда, сюда!

Лаертъ.

Останьтесь, я прошу!

Народъ.

Назадъ, назадъ!
(удаляются.)

Лаертъ.

Благодарю! Храните входъ! — Презрѣнный!
Отдай отца мнѣ!

Король.

О Лаертъ! спокойся!

Лаертъ.

Одна спокойная сей крови капля
Срамъ моему рожденью, срамъ отцу,
И матери невинному челу
Клеймо позора! —

Король.

Что за поводъ, другъ мой,
Къ гигантскому такому возмущенью? —
Оставь, Гертруда! не страшись за насъ!
Царямъ покровъ такое божество,
Что и у цѣли замысловъ, измѣна
Не властна ихъ исполнишь. Что причиной
Сего порыва? — О, оставь, Гертруда! —
Лаертъ, отвѣтствуй!

Лаертъ.

Гдѣ отецъ мой?

Король.

Мертвъ.

Королева.

Но не Король виною —

Король.

О, умолкни!

Лаертъ.

Какъ умеръ онъ? Я не стерплю предлоговъ!
Въ адъ, долгъ подданства! къ демону, обѣты!
Во глубь геенны, совѣсть, добродѣтель!
Я не страшусь мукъ вѣчныхъ: оба міра
Теперь равно въ глазахъ моихъ ничтожны!
Будь воля неба! мести я хочу,
Кровавой мести!

Король.

Чѣмъ ты укротишься? (10.)

Лаертъ.

Ничѣмъ, клянусь — лишь собственной волей!
Я малымъ средствамъ дать съумѣю силу,
И многого достигну.

Король.

Но Лаертъ!
Желая тайну знать отцовой смерти,
Ужель обрекъ ты мщению равно
Врага и друга, всѣхъ, кому убійство
Во вредъ и въ пользу?

Лаертъ.

Нѣтъ, однихъ враговъ!

Король.

И ты желаешь знать ихъ?

Лаертъ.

О, друзьямъ
Я отъ души объятія прострю

И кровію своей, какъ Пеликанъ,
Питать ихъ стану.

Король.

Такъ! ты говоришь
Какъ нѣжный сынъ, какъ благородный мститель.
Что я невиненъ въ гнусномъ семъ убійствѣ,
И что оно мнѣ горестно безмѣрно,
Ты столь же ясно узришь то разсудкомъ,
Какъ день глазами.

Народъ *(за сценою.)*

Дайте ей войти.

Лаертъ.

Что значить шумъ сей?

(входитъ Офелія, страннымъ образомъ убранная соломой и цвѣтами.)

О пламень! изсуши мнѣ мозгъ! о выжги
Мнѣ очи, слезъ горючихъ острота!
О, будетъ плата за твое безумство:
Подъ тяжестью ея вѣсы погнутся!
О Майскій цвѣтъ! о милая сестра,
Прелестная Офелія! О Боже!
Умъ дѣвы смертенъ, какъ и старца жизнь!
Природа, утонченная любовью,
Къ предмету страсти посылаетъ лучшій,
Дражайшій даръ свой! — (11.)

Офелія. *(поетъ)*

«Онъ во гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
«Съ непокрытымъ, съ открытымъ лицомъ;
«И на гробъ его слезы лилися ручьемъ,
«И въ могилу лилися ручьемъ.
Прощай, нѣжный голубокъ мой!

Лаертъ.

Ни горестъ, ни разсудка увѣщанья
Не такъ меня на мщеніе бы подвигли!

Офелія.

Пойте:

«Его опустили въ могилу,
«Въ сырую, сырую могилу!

Какъ идетъ этотъ припѣвъ къ оборотамъ колеса въ самопрялкѣ! (12.) Знаете: вѣроломный слуга прельстиль дочь своего господина —

Лаертъ.

О, что всѣ разсужденія предъ сей несвязною рѣчью!

Офелія.

Вотъ забудки вамъ — на память: забудь меня, другъ милый! — вотъ розмаринъ, въ знакъ вѣрности. (13.)

Лаертъ.

Символы въ безумствѣ! Вѣрность и воспоминаніе!

Офелія.

Вотъ вамъ тминъ и колокольчики; вотъ рута для васъ, вотъ для меня. Мы можемъ праздничнымъ цвѣткомъ назвать ее; (14.) но вы носите свою руту съ отмѣткою. Вотъ маргаритки. Я бы хотѣла подарить вамъ фіалокъ; но онѣ всѣ завяли, когда умеръ отецъ мой; говорятъ конецъ его хорошъ былъ.

(поетъ)

«А милый мой другъ мнѣ и радость и счастье!»

Лаертъ.

Печаль и грусть и гнѣвъ и самый адъ
Она въ прелестный облакаетъ образъ!

Офелія. *(поетъ)*

«И ужель не придетъ онъ назадъ?
«Ахъ ужель не придетъ онъ назадъ? —
«Не придетъ! онъ во гробѣ!
«И ты лягъ во гробѣ!
«Къ тебѣ не придешь онъ назадъ!

* *
*

«Онъ былъ съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой,
«Съ волосами, какъ чесаный лень;
«Но онъ смертнымъ спитъ сномъ!
«Чтожъ мы плачемъ о нёмъ?
«Упокой его душу Творецъ! —
Его душу, и души всѣхъ христіанъ! (15.) Я буду молиться о томъ
Богу. Счастливо оставаться!

(Уходитъ.)

Лаертъ.

О, зришь ли ты ее, небесный Царь?

Король.

Лаертъ! с тобой позволю грустить мнѣ вмѣстѣ,
Или меня обидишь ты. Иди;
Сзови мудрѣйшихъ изъ своихъ друзей:
Да будетъ судъ ихъ межъ тобой и мною!
Найдутъ они меня виновнымъ, прямо
Иль стороною — тебѣ въ вознагражденье
Мы отдаемъ корону, царство, жизнь,
Все, что своимъ зовемъ мы; еслижъ нѣтъ —
Насъ одолжить терпѣньемъ согласишь,
И мы съ душой твоей поищемъ вмѣстѣ
Къ отмщенью вѣрныхъ средствъ.

Лаертъ.

Да будетъ такъ!

Его родъ смерти, тайна погребенья
Безъ почестей, обрядовъ, безъ меча,
Герба или трофея на гробницѣ —
Все вопіеть, какъ гласъ небесъ къ землѣ,
Все требуетъ суда.

Король.

Да будетъ судъ,

И на главу виновнаго падутъ
Удары мести. Но пойдёмъ со мною.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

(Другая комната въ замкѣ.)

Гораціо и служитель.

Гораціо.

Кто хочетъ говорить со мной?

Служитель.

Матросы;

Они имѣютъ письма къ вамъ.

Гораціо.

Зови ихъ.

(Служитель уходитъ.)

Не понимаю, ктобы въ цѣломъ свѣтѣ
Ко мнѣ писать сталъ, ежели не Гамлетъ.

(входятъ матросы.)

1-й Матрость.

Помоги вамъ Богъ, честный господинъ!

Гораціо.

И тебѣ также, другъ мой.

1-й Матрость.

Конечно, баринъ, поможетъ, не во гнѣвъ ему. Къ вамъ есть у насъ записка отъ господина, посланнаго въ Англію, если ваше имя Гораціо, какъ намъ сказали.

Гораціо. *(читаетъ)*

«Гораціо! прочитайвь сіи строки, доставъ подателямъ средство видѣть Короля: къ нему есть у нихъ письма. На другой день выѣзда въ море напалъ на насъ хорошо вооруженный

разбойничій корабль, будучи слишкомъ тяжелы на ходу для бѣгства, мы принуждены были защищаться; во время сшибки я вскочилъ къ разбойникамъ на бортъ; въ то же мгновеніе они оставили корабль нашъ, и я одинъ сдѣлался ихъ плѣнникомъ. Они поступили со мною, какъ честные воры, и кажется съ расчетомъ: я намѣренъ отплатить имъ добромъ за добро. Доставь посланныя мною письма Королю; потомъ лети ко мнѣ — быстро, будто отъ смерти убѣгая. — Я сообщу уму твоему слова, отъ коихъ ты онѣмѣешь — а они еще такъ легки для своего содержанія! Сіи добрые люди приведутъ тебя ко мнѣ. Розенкранцъ и Гильденстернъ продолжаютъ путь въ Англію; я многое расскажу тебѣ о нихъ. Твой, какъ тебѣ извѣстно,
«Гамлетъ.»

Я случай вамъ найду доставить письма,
И сей же часъ; потомъ меня ведите
Къ тому, отъ коего вы принесли ихъ.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

(Другая комната въ замкѣ.)

Король и Лаертъ.

Король.

Теперь твоя жъ запечатлѣть совѣсть
Мою невинность и повѣрить дружбѣ:
Теперь разборчивымъ ты слышалъ ухомъ
Что жизнь Полонія отнявъ, убійца
Грозилъ и мнѣ.

Лаертъ.

Въ томъ болѣ нѣтъ сомнѣнья;
Но почему за тяжкую вину,
За смертный онъ проступокъ не наказанъ,
Какъ требуютъ того вашъ санъ и мудрость,
И благо общее?

Король.

По двумъ причинамъ.

Ты, можетъ статья, слабыми почтешь ихъ;
Но мнѣ онѣ всесильны: Королева
Живетъ его лишь взорами, а я
[Будь добродѣтель это иль проклятье]
Я такъ съ ней связанъ жизнью и душой,
Что, какъ звѣзда въ своемъ лишь ходитъ кругъ,
Я тамъ живу лишь, гдѣ она. Другая
Негласности вины его причина
Есть сильная любовь къ нему народа:
Его вину въ любви сей омывая,
Чернь, какъ потокъ, изъ дровъ творящій камни, (16.)
Беретъ и цѣпи отъ него какъ даръ;
И легкія мои могли бы стрѣлы
При бурѣ сей не долетѣть до цѣли
И остріемъ ко мнѣ же обратиться.

Лаертъ.

И черезъ то я потерялъ отца,
И разума сестра моя лишилась,
Незнавшая [о поздая хвала!]
Соперницы по красотѣ и сердцу
Во всей подлунной! — Но придетъ часъ мести!

Король.

О, не лишай себя сей мыслью сна!
Не столько я безпечень и тяжель,
Чтобъ волосы себѣ позволивъ выдрать,
Щиталъ то шуткой! Ты услышишь больше,
И скоро! Я Полонія любилъ,
Люблю себя, и угадать ты можешь —
(*Входитъ придворный.*)
Ну, что? что скажешь ты?

Придворный.

Отъ Принца письма:
Къ вамъ, Государь; другое къ Королевѣ.

Король.

Отъ Принца? Кто доставилъ ихъ?

Придворный.

Матросы,
Какъ слышалъ я, но посланныхъ не видѣлъ;
Бумаги отдалъ мнѣ и принялъ Клавдій.

Король.

Лаертъ! Ты все услышишь. — Отойди!
(Придворный уходитъ.)

Король. (*читаетъ.*)

«Великій и могущественный Государь! Да будетъ вамъ вѣдомо,
что я, нагой, нахожусь въ вашихъ владѣніяхъ. Завтра испрошу я
позволеніе видѣть ваши царственныя очи; тогда же, если вамъ
будетъ угодно, расскажу обстоятельства моего неожиданнаго и
страннаго возвращенія. Гамлетъ»
Что это значить? Всѣ ли возвратились?
Иль кроется какой-либо обманъ здѣсь?

Лаертъ.

Вы узнаете почеркъ, Государь?

Король.

Да, Гамлета рука! — «Нагой!»
И здѣсь въ припискѣ сказано: «одинъ»
Что мыслишь ты?

Лаертъ.

Я здѣсь теряюсь вовсе. Пусть придетъ онъ!
Въ недугѣ сердца мнѣ отрадна мысль,
Что возмогу сказать ему въ глаза:
Ты, ты убійца! (17.)

Король.

Если это такъ —
Какъ можетъ быть такъ? Какъ иначе можетъ? —
Прими совѣтъ мой —

Лаертъ.

Принимаю, если
Онъ, Государь, относится не къ миру.

Король.

Нѣтъ, къ твоему душевному лишь миру.
Когда онъ, волей возвратившись, путь сей
Оставить вовсе, мы его принудимъ
Къ поступку, мной обдуманному вѣрно,
Гдѣ неизбѣжна для него погибель;
И подозрѣнья вѣтеръ не повѣетъ
Ни какого, и даже Королева
Все случаю припишетъ.

Лаертъ.

Государь!
Совѣтъ прекрасенъ, если вамъ угодно
Избрать меня орудіемъ.

Король.

Конечно.

Въ тебѣ не разъ здѣсь, по твоемъ отъѣздѣ,
Предъ Гамлетомъ особенно хвалили
Одно искусство; изъ твоихъ достоинствъ
Такъ не завидно, Принцу ни одно,
Какъ этотъ даръ, въ глазахъ моихъ посдѣдній
Изъ всѣхъ даровъ.

Лаертъ.

Какой же, Государь?

Король.

Цвѣтокъ на шляпѣ юности, не нужный,
Хоть и полезный: молодость печется
О красотѣ въ своей одеждѣ легкой,
Какъ старость въ длинныхъ шубахъ о здоровьѣ
И важномъ видѣ, здѣсь одинъ Нормандецъ
Недѣль за восемь передъ симъ явился;

Въ войнѣ давно узналъ я, что Французы
Хорошіе наѣздники, но онъ
Прямой колдунъ: какъ сросшійся съ сѣдломъ,
Къ такимъ коня онъ нудилъ оборотамъ,
Что, мнилось, съ гордымъ бѣгуномъ одно
Имѣлъ онъ тѣло. Я былъ изумленъ,
И ни постичь, ни рассказать не властенъ
Всѣхъ хитростей Нормандца.

Лаертъ.

Онъ Нормандецъ?

Король.

Такъ точно.

Лаертъ.

Вѣрно то Ламордъ!

Король.

Онъ самый.

Лаертъ.

Онъ мнѣ знакомъ: сокровище и перль
Всего народа.

Король.

Онъ здѣсь выхвалялъ,
Превозносилъ, какъ чудеса искусства,
Твое проворство, силу, ловкость въ битвѣ,
Особенно на шпагахъ; увѣрялъ,
Что было бъ диво, если бы кто равный
Тебѣ нашелся, и клялся, что въ лучшихъ
Бойцахъ Французскихъ пропадаетъ сила
И духъ и ловкость отъ твоихъ ударовъ.
Отъ сихъ рассказовъ въ Гамлетѣ разлился
Ядъ зависти, и онъ желалъ, чтобъ вскорѣ
Ты, возвратясь, попробовалъ съ нимъ силы.
По сей причинѣ —

Лаертъ.

Чтожь по сей причинѣ?

Король.

Лаертъ! Любишь ли ты отца душевно?
Иль мертвая картина ты печали,
Лице безъ сердца?

Лаертъ.

О, какой вопросъ!

Король.

Въ твоей любви къ отцу я былъ увѣренъ;
Но и любовь отъ времени зависитъ,
Оно, какъ опытъ говоритъ вседневно,
Ея свирѣпый укрощаетъ пламень:
Въ семъ пламени свѣтильня, нагорѣвъ
Его помалу помрачаетъ блескъ.
Хорошее не вѣчно хорошо,
Но полноты достигнувъ, умираетъ
Отъ полноты сей. То, что *долгъ* велитъ,
Твори, пока есть *воля*: въ нашей волѣ
Не менѣе внезапныхъ перемѣнъ,
Какъ языковъ, рукъ, случаевъ на свѣтѣ,
И часто долгъ — лишь расточитель — вздоховъ, (17.)
Вредящій сердцу мнимымъ облегченьемъ.
Но вновь коснемся раны: если Принцъ
Къ намъ будетъ, чѣмъ докажешь ты къ отцу
Любовь на дѣлѣ?

Лаертъ.

Смерть ему, хоть въ храмъ
Уйди онъ!

Король.

Храмъ убійцѣ не защита,
И нѣтъ границъ для мщенья; но Лаертъ!
Сокрой до времени сей замысль дома:
Узнаетъ Гамлетъ о твоёмъ возвратѣ;

Мы повелимъ хвалить тебя безмѣрно,
И блескъ двойной придашь распространенной
Французомъ славы; наконецъ сведемъ васъ,
Предложимъ состязанье. Вѣрно Гамлетъ,
Прямой, безпечный, чуждый подозрѣнья,
Оружія осматривать не станетъ,
И съ ловкостью тебѣ не трудно будетъ,
Тупую шпагу острою смѣнивъ,
Однимъ ударомъ совершишь отмщенье.

Лаертъ.

О, такъ! И шпагу ядомъ оболую я,
Сію отраву я купилъ случайно;
Когда коснется крови, омоченный
Въ ней ножикъ — нѣтъ на свѣтъ рѣдкой мази,
Нѣтъ подъ луной цѣлительной травы
Спасти могущей отъ мгновенной смерти
Того, кто раненъ. Сей-то остріе
Я оболую отравой, и малѣйшій
Ударъ смертеленъ будетъ.

Король.

Мы помыслимъ
О времени приличнѣйшемъ и средствахъ;
Но если, встрѣтивъ неудачу, планъ нашъ
Проглянетъ сквозь дурное исполненье —
Объ немъ бы лучше вовсе и не думать!
И такъ найдемъ другой, на всякій случай,
Другой, вѣрнѣйшій. Дай помыслишь — мы
Открытое предложимъ состязанье —
Такъ точно!
Когда движенье породить въ васъ жаръ
И жажду [ты нарочно будь въ напорѣ
Жестокъ и быстръ] и пить онъ пожелаетъ,
Я приготовлю кубокъ: если случай
Спасетъ его отъ ядовитой шпаги,
Питье все кончитъ. — Что за шумъ?

(Входитъ Королева)

Ну, что,

Моя Гертруда?

Королева.

За горемъ горе мчится по пятамъ!
Сестра Лаерта утонула!

Лаертъ.

Боже!

Какъ, гдѣ?

Королева.

Тамъ — ива есть; нависнувъ надъ рѣкою,
Она глядится въ зеркальныхъ струяхъ,
Гирлянды тамъ Офелія плела
Изъ крапивы, ранункуловъ, фіалокъ,
И пурпурныхъ цвѣтковъ, которымъ дали
Столь низкое названье пастухи,
Но мертвымъ пальцомъ ихъ зовутъ дѣвицы; (18.)
И тамъ, на вѣтви ставъ, она вѣнки
Хотѣла вѣшать, но мгновенно треснулъ
Враждебный сукъ, и въ плачущій потокъ
Она упала вмѣстѣ со цвѣтами.
Широкою поддержана одеждой,
Она плыла, какъ дѣва моря, пѣла,
Пока плыла, отрывки древнихъ пѣсень,
Опасности не видя, и казалось,
Въ своей была стихии, но недолго:
Одежда вскорѣ, смокнувъ, отягчѣла,
И бѣдная печальный свой напѣвъ
Скончала мутной смертью.

Лаертъ.

И мертва?

И нѣтъ надежды?

Королева.

Никакой надежды!

Лаертъ.

Ты влажной смертью умерла, сестра!
И удержать потщусь я слезъ потоки!
Но таковы мы: все сильна природа,

Что хочешь, молви стыдъ! — Но съ плачемъ льется
И слабость сердца. Государь, простите!
Мои слова бы вспыхнули, какъ пламень,
Но залила ихъ кроткая печаль.

(Уходитъ.)

Король.

За нимъ, Гертруда! О, съ какимъ трудомъ
Смягчилъ я гнѣвъ въ немъ! — и теперь опять,
Онъ запыхаетъ! — Поспѣшимъ за нимъ!

(Уходятъ.)

Конецъ IV Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Два гробокопателя, съ заступами, и лопатками.)

(Кладбище)

1. Гробокопатель.

Развѣ ее будутъ хоронить по христіански? Она самовольно
искала спасенія.

2. Гробокопатель.

По—христіански, говорятъ тебѣ: надобно поскорѣ рыть могилу.
Было наряжено слѣдствіе, (1.) и ее присудили къ христіанскому
погребенію.

1. Гробокопатель.

Да какъ же это? Развѣ она утопилась для своей обороны?

2. Гробокопатель.

Ну, да! такъ, братъ, оказалось.

1. Гробокопатель.

Нѣтъ, вѣрно se offendendo: иначе быть не можетъ. Вотъ въ чемъ дѣло: если я топлюсь нарочно, то я исполняю дѣйствіе; а дѣйствіе состоитъ изъ трехъ частей: изъ дѣйствованія, поступленія и исполненія — слѣдственно она утопилась нарочно.

2. Гробокопатель.

Но послушай-ка, братъ —

1. Гробокопатель.

Погоди! здѣсь вода — хорошо; здѣсь человѣкъ — хорошо; если человѣкъ идетъ къ водѣ и топится въ ней, это значитъ, что онъ идетъ — хотя или не хотя; если же вода идетъ къ человѣку и топить его, это не значитъ, что онъ топится; (2.) слѣдственно кто не причиняетъ себѣ смерти, тотъ не сокращаетъ своей жизни.

2. Гробокопатель.

И такъ стоитъ въ законахъ?

1. Гробокопатель.

Точно такъ, въ уголовныхъ законахъ.

2. Гробокопатель.

А знаешь ли, какъ это въ самомъ дѣлѣ? — Не будь она дворянкой, ее бы не похоронили по христіански.

1. Гробокопатель.

Дѣло, братъ, говоришь ты; и жаль, что бояре имѣютъ большее право топиться и вѣшаться, нежели мы, такой же крещеный народъ. Ну за заступь! — Нѣтъ стариннѣе дворянъ въ свѣтѣ, какъ садовники, канальщики и гробокопатели: они живутъ Адамовымъ ремесломъ.

2. Гробокопатель.

А Адамъ развѣ дворянинъ былъ?

1. Гробокопатель.

Да, ему придается титло Благородія.

2. Гробокопатель.

И, полно, братъ!

1. Гробокопатель.

Да ты развѣ невѣрный, или не понимаешь библии? — Адама породилъ изъ глины самъ рогъ, а Богъ, ты знаешь, благъ — слѣдственно Адамъ благородный. (3.) Я у тебя спрошу еще о чемъ то, и если ты не сумѣешь отвѣчать мнѣ, признайся что ты —

2. Гробокопатель.

Ну, ну!

1. Гробокопатель.

Кто строить прочнѣе: каменщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

2. Гробокопатель.

Прочнѣе всѣхъ висѣльщикъ: висѣлица переживаетъ тысячи своихъ жителей.

1. Гробокопатель.

Э, да ты умень, право умень! Висѣлица дѣлаетъ добро? — дѣлаетъ добро тому, кто дѣлаетъ худо; а ты дѣлаешь худо, говоря, что висѣлица прочнѣе церкви, и такъ было бы не худо, еслибъ висѣлица сдѣлала тебѣ добро. — Однакъ подумай-ка, да отвѣчай.

2. Гробокопатель.

Кто строить прочнѣе: каменщикъ, корабельщикъ или плотникъ? —

1. Гробокопатель.

Да, отвѣчай, и шабашъ тебѣ.

2. Гробокопатель.

А право же я знаю!

1. Гробокопатель.

Ну, говори.

2. Гробокопатель.

Нѣтъ, братъ, не знаю.

(Гамлетъ и Гораціо входятъ.)

1. Гробокопатель.

Не ломай напрасно башки: осель не пустится въ рысь, хоть изломай на немъ дубину; а если тебя кто спроситъ о томъ же, отвѣчай — могильщикъ: дома его работы простоятъ до суднаго дня. Поди-ка въ питейный, да принеси рюмку водки.

(2. Гробокопатель уходитъ.)

1. Гробокопатель. *(копаетъ и поетъ.)*

Бывъ парнемъ я любилъ, любилъ, (4.)

Веселый зналъ часокъ!

Я думалъ вѣкъ мнѣ будетъ пиръ —

Ань тутъ-то и крючокъ!

(Гамлетъ и Гораціо приближаются.)

Гамлетъ.

Или негодяй не чувствуетъ, чѣмъ онъ занятъ: поетъ копая могилу!

Гораціо.

Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ сему занятію.

Гамлетъ.

Имянно! чѣмъ менѣ работы рукамъ, тѣмъ живѣе чувства.

1. Гробокопатель. *(продолжаетъ пѣть.)*

Колдунья-старость шагъ да шагъ —
Пришла Яга съ клюкой,
И сълъ я, какъ на сушѣ ракъ:
Хоть бабка рѣпку пой!
(вытаскиваетъ черепъ.)

Гамлетъ.

Въ семь черепѣ также былъ языкъ; онъ также пѣлъ нѣкогда! и сей бездѣльникъ стучитъ имъ объ землю, какъ будто онъ челюсть Каина первоубійцы! Можетъ быть это голова политика, мыслившаго обмануть самаго Бога, а теперь имъ ворочаетъ осель сей! Не правда ли?

Гораціо.

Статься можетъ, Принцъ!

Гамлетъ.

Или придворнаго, который восклицалъ: *здравствуйте, почтеннѣйшій! Здоровыль вы, мои милостивецъ?* или господина такого-то, который выхвалялъ у господина такого-то лошадь, выпросишь ее у него желая! Не правдали, Гораціо?

Гораціо

О, правда, Принцъ!

Гамлетъ.

И теперь она собственность господина червя, и истлѣвшая, потерявшая челюсть, получаетъ пощечины отъ могильщикова заступа. Прекрасное превращеніе, еслибъ мы могли его видѣть! Ужель воспитаніе и жизнь сихъ костей стоила такъ мало, что они годятся только для игры въ кегли? При мысли сей поютъ и мои кости!

1. Гробокопатель.

(поетъ.)

Носилки, гробъ, да заступъ, заступъ,
Да черное сукно,
Да три шага земли, земли
Намъ нужны всѣмъ равно.
(вытаскиваетъ другой черепъ.)

Гамлетъ.

Еще черепъ! почему не могъ онъ принадлежать правовѣдцу? Гдѣ теперь всѣ его крючки и хитрости? его ябеды, уловки, подобранные законы? Зачѣмъ столь хладнокровно сносить онъ теперь такія обиды: сей грубіянь бьетъ его по щекамъ грязною лопаткою, и онъ не грозитъ ему раздѣлкою по формѣ суда? А! этотъ человѣкъ провель, можетъ быть, всю жизнь свою въ оборотахъ, покупкѣ и продажѣ имѣній: гдѣ же теперь его крѣпости, заемныя письма, обязательства, купчія и обезпеченія? Крѣпкая голова его крѣпко набита теперь пескомъ — и это ли только укрѣпилъ онъ себѣ своими крѣпостямъ, это ли обезпечилъ всѣми обезпеченіями? (5.) Ужели совершеніемъ столь многихъ купчихъ не купилъ онъ себѣ ничего постояннаго, кромѣ сего куска земли, столь малаго, что пара — другая самыхъ купчихъ можетъ покрыть его въ семь ящикѣ едва помѣстились бы всѣ бумаги, укрѣплявшія за нимъ его земли, и долженъ ли самъ владѣлецъ не имѣть ничего болѣе? ничего болѣе?

Гораціо.

Такъ, Принцъ! ничего болѣе.

Гамлетъ.

Крѣпости пишутся на пергаментѣ, а пергаментъ дѣлается изъ бараньей кожи — не такъ ли?

Гораціо.

И изъ телячьей также, Принцъ.

Гамлетъ.

Право, тѣ не лучше телятъ и барановъ, которые думаютъ, что онъ ихъ во всемъ обезпечиваетъ. Я хочу поговорить съ могильщикомъ. — Чья это могила, пріятель?

1. Гробокопатель.

Моя, баринь!

(поетъ)

Вѣдь три шага земли, земли
Имъ нужны всѣмъ равно.

Гамлетъ.

Не потому ли, что ты сидишь въ ней? — Но кто здѣсь ляжетъ?
Для кого это ложе?

1. Гробокопатель.

Это ни для кого не ложь, не во гнѣвъ вамъ, баринь. Я могилу
копаю, такъ она моя; вы ее не копаете, такъ она не ваша — стало
это не ложь.

Гамлетъ.

Ты говоришь ложь, говоря что это не ложе: это ложе мертвыхъ,
хотя и не ложе живыхъ.

1. Гробокопатель.

Да мертвые не лгутъ, баринь! И если это не ложе живыхъ, то вы
сами живую ложь сказать изволили. (6.)

Гамлетъ.

Но полно! Какой бѣдняжка будетъ погребень въ ней?

1. Гробокопатель.

Никакой, баринь.

Гамлетъ.

Ну, такъ какая?

1. Гробокопатель.

И никакая также.

Гамлетъ.

Кто же, наконецъ, или что?

1. Гробокопатель.

То, что было женщиною, а теперь сдѣлалось трупомъ; — (7.)
упокой Господи ея душу! —

Гамлетъ.

Какъ привязывается къ словамъ негодяй сей! — Надобно
говорить очень ясно, или двусмысленность надѣлаетъ бѣдъ
намъ. Право, Гораціо, въ послѣдніе три года все въ свѣтѣ, какъ
замѣтилъ я, заострилось: носокъ крестьянскаго сапога такъ
сблизился съ пяткою придворнаго, что натираетъ на ней
мозоли. (8.) Давно ли ты гробокопателемъ?

1. Гробокопатель.

Изъ всѣхъ дней въ году я сдѣлался имъ въ тотъ самый день, когда
покойный Король нашъ разбилъ Фортинбраса.

Гамлетъ.

Давно ли было это?

1. Гробокопатель.

Будто вы не знаете? Всякій дуракъ помнить это. Въ тотъ же день
родился молодой Гамлетъ, тотъ, что теперь сумасшедшій и
посланъ въ Англію.

Гамлетъ.

А за чѣмъ онъ посланъ въ Англію?

1. Гробокопатель.

Ну, за тѣмъ, что онъ сумасшедшій: тамъ, говорятъ, онъ опять
найдетъ умъ свой; а если и не найдетъ, то не большая бѣда.

Гамлетъ.

Почему такъ?

1. Гробокопатель.

Тамъ это будетъ не замѣтно: тамъ всѣ таковы.

Гамлетъ.

А отъ чего онъ сдѣлался сумасшедшимъ?

1. Гробокопатель.

Говорятъ отъ чего-то дивнаго и чуднаго.

Гамлетъ.

Отъ чего же?

1. Гробокопатель.

Да отъ того, что сошелъ съ ума, помѣшался.

Гамлетъ.

А на чемъ именно помѣшался онъ?

1. Гробокопатель.

Да Богъ вѣсть! На чемъ именно, не знаю: чай на постѣли, если онъ спалъ тогда, на стулѣ если сидѣлъ и такъ далѣе, знаю только, что это было здѣсь, въ Даніи. (9.) Вотъ, уже тридцать лѣтъ, какъ я могильщикомъ здѣсь. (10.)

Гамлетъ.

Долго ли пролежитъ человекъ въ землѣ, не сгнивши?

1. Гробокопатель.

Если онъ не сгнилъ еще прежде смерти [какъ мы видимъ многихъ, по милости извѣстной болѣзни, едва могущихъ въ

цѣлости дождаться смертнаго часа] то онъ можетъ выдержать
восемь и даже девять лѣтъ; кожевникъ вѣрно выдержитъ девять.

Гамлетъ.

Почему жъ особенно кожевникъ?

1. Гробокопатель.

Онъ, выдѣлывая чужія кожи, и свою выдѣляетъ такъ, что она
долго не пропускаетъ воды; а вода наибольшій врагъ симъ
мерзавцамъ, трупамъ. Вотъ черепъ, пролежавшій въ землѣ
двадцать три года.

Гамлетъ.

Чей былъ онъ?

1. Гробокопатель.

Одного негодяя и сумазброда. Чей бы вы думали?

Гамлетъ.

Я, право, незнаю.

1. Гробокопатель.

Проваль бы его побраль, проклятаго мошенника! Онъ вылилъ
мнѣ однажды на голову стаканъ Рейнскаго. Этотъ черепъ сидѣлъ
на шеѣ Йорика, королевскаго шута.

Гамлетъ.

Этотъ?

(поднимаетъ черепъ.)

1. Гробокопатель.

Этотъ самый.

Гамлетъ.

Увы, бѣдный Йорикъ! Я зналъ его, Гораціо! Какую остроту ума имѣлъ онъ! Какія неподражаемыя выдумки! Сколько разъ носилъ онъ на плечахъ меня! А теперь — видъ отвратительный, ужасный! У меня поворачивается вся внутренность! Здѣсь были уста, которыя столь часто цѣловалъ я! Гдѣ теперь шутки твои? Твои прыжки? Твои пѣсни? Твои остроты, возбуждавшія за столомъ неумолкаемый хохотъ? — Ни одной не осталось! Ни одной, посмѣяться надъ собственнымъ твоимъ безобразіемъ! Иди теперь въ уборную красавицы; скажи, что пусть она хоть на палецъ толщиною наложитъ румянъ на щеки, ее ждетъ такое же превращеніе; заставь ее смѣяться при томъ! Гораціо! Скажи мнѣ одно, прошу тебя!

Гораціо.

Что такое, Принцъ?

Гамлетъ.

Думаешь ли ты, что великій Македонскій герой Александръ таковъ же сдѣлался въ могилѣ?

Гораціо.

Точно таковъ, принцъ.

Гамлетъ.

И съ такою же вонью? — Фуи!

(Бросаетъ черепъ.)

Гораціо.

Съ такой же, Принцъ.

Гамлетъ.

Какое низкое употребленіе можетъ ожидать насъ, Гораціо! Почему не лѣзя слѣдовать мыслию за благороднымъ прахомъ Александра, пока онъ пойдетъ — на замазку воронки въ пивной бочкѣ?

Гораціо.

Странно бы было такое слѣдованіе, Принцъ.

Гамлетъ.

Ни мало; оно натурально и правдоподобно. Помысли: Александръ умеръ; Александръ погребень; Александръ обратился въ прахъ; прахъ земля; изъ земли дѣлается глина — и почему же та глина, въ которую онъ превратился, не можетъ, какъ и всякая, служить замазкой?

Могущій Цезарь, обратившись въ прахъ,
Наполнилъ въ ветхихъ скважины стѣнахъ,
И тотъ, кто міръ собою устрашалъ,
Отъ бурь защитой селянину сталъ.

Но тише; удалимся: вотъ Король —

(Погребальное шествіе: впереди духовенство; потомъ несутъ тѣло Офеліи; за нимъ слѣдуетъ Лаертъ; наконецъ Король, Королева и Дворъ.)

И Королева, Дворъ! Кого они такъ просто,
Безъ пышности въ могилу провожаютъ?
Знакъ, что умершій — видно знатный — поднялъ
Самъ на себя отчаянную руку.
Уйдемъ подальше, поглядимъ, Гораціо.

Лаертъ *(къ священнику.)*

Какіе же еще обряды будутъ?

Гамлетъ *(къ Гораціо.)*

Вотъ благородный юноша, Лаертъ;
Смотри —

Лаертъ.

Какіе же еще обряды?

Священникъ.

Мы совершимъ такое погребенье,
Какое только смѣемъ: (11.) смерть ея
Сомнительна; безъ вышняго велѣнья
До суднаго она лежала бъ дня

Въ землѣ неосвященной; не молитвы,
Песокъ и камни бы надъ пей летѣли;
Теперь же гробъ украшенный вѣнками,
Усыянный цвѣтами, мы несемъ
Въ святую землю, съ колокольнымъ звономъ.

Лаертъ.

И никакихъ обрядовъ?

Священникъ.

Никакихъ:

Мы осквернили бѣ службу погребенья,
Ей панихиду, какъ другимъ пропѣвъ,
Почившимъ въ мирѣ.

Лаертъ.

Опустите гробъ!

Да возрастуть изъ дѣвственнаго праха
Фиалки, Розы! — Ты жъ, отецъ жестокий!
Стеная въ адѣ, ангеломъ блаженнымъ
Мою сестру ты узришь въ небесахъ.

Гамлетъ.

Офелія! О Боже!

Королева (*сыплетъ на гробъ цвѣты.*)

Прекрасные цвѣты на гробъ прекрасной!
Прости! Я мыслила, что ты супругой
Гамлета будешь; брачное я ложе,
Не гробъ твой, мнила украшать цвѣтами.

Лаертъ.

О, горе!

Стократъ тройное горе на главу
Лишившаго тебя злодѣйствомъ гнуснымъ
Ума и жизни! — Не скрывайте гроба!
Я обниму еще разъ милый прахъ!

(*бросается въ могилу.*)

Теперь засыпьте мертвую съ живымъ!
На сей равнинѣ намечите гору
Превыше Пеліона, выше звѣздной
Главы Олимпа!

Гамлетъ *(приближается.)*

Кто сей, чья горестъ столь неукротима?
Чей вопль въ пути задерживая звѣзды,
Ихъ изумленьемъ поражаетъ?
Я здѣсь, Принцъ Датскій, Гамлетъ!
(бросается въ могилу.)

Лаертъ *(борется съ нимъ.)*

О, сатана твою исторгни душу!

Гамлетъ.

Худая, другъ, молитва!
Прошу тебя, оставь, не жми мнѣ горла!
Я отъ природы кротокъ и не вспылчивъ,
Однакожъ страшное во мнѣ есть нѣчто,
Чего твоя должна бояться мудрость.
Оставь меня!

Король.

Разторгните ихъ, други!

Королева.

О, Гамлетъ, Гамлетъ!

Придворные.

Принцъ!

Гораціо.

Спокойтесь, Принцъ.
(Служители разнимаютъ ихъ; они выходятъ изъ могилы.)

Гамлетъ.

О, нѣтъ! о семъ готовъ я съ нимъ сражаться,
Пока мои не охладѣютъ вѣжды!

Королева.

О чемъ, мой сынъ, сражаться?

Гамлетъ.

Я любилъ
Офелію, и сорокъ тысячъ братьевъ
Ее не могутъ пламеннѣй любить!
И что, скажи, для ней бы сотворилъ ты?

Король.

Ты видишь, онъ въ безуміи, Лаерты!

Королева.

Молю тебя, оставь его, оставь!

Гамлетъ.

Скажи, что хочешь сдѣлать ты? — Сражаться,
Лить слезы, въ грудь разить себя, поститься,
Пить острый оцетъ, крокодиловъ жрать
Я тожъ хочу? — или стенать ты станешь,
Въ досаду мнѣ къ ней бросится въ могилу? —
Вели зарыть себя — и я заруюсь!
Вели насыпать гору — пусть навалятъ
На насъ полъ-свѣта! Пусть предъ нею Осса
Покажется песчинкой! Величаться
И я, какъ ты, умѣю!

Королева.

Онъ въ безумствѣ!

Такъ на минуту увлеченъ порывомъ,
Онъ, стихнувъ, будетъ молчаливъ и кротокъ,
Какъ голубица, ждущая рожденья
Птенцовъ златопушистыхъ.

Гамлетъ.

Слушай, другъ!

За что со мной ты смѣешь поступать такъ?
Тебя всегда любилъ я — но что нужды?
Пусть все творить, что можетъ, Геркулесь —
Но кошка кошкой, псомъ пребудеть песь.
(Уходитъ.)

Король.

Иди за нимъ, прошу тебя, Гораціо
Лаертъ, терпѣнье! вспомни разговоръ нашъ!
Приставь надзоръ къ Гамлету, Королева!
(къ Лаерту)
Мы здѣсь живой поставимъ мавзолей;
Настанетъ скоро часъ успокоенья:
Должно имѣть лишь твердость и терпѣнье.
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

(Зала въ замкѣ.)

Гамлетъ и Гораціо.

Гамлетъ.

О семъ довольно, другъ! Теперь другое:
Ты помнишь все?

Гораціо.

О, помню ли я, Принцъ?

Гамлетъ.

Меня боренье нѣкое въ душѣ
Лишало сна; казалось, я лежалъ,
Какъ въ кандалахъ преступникъ; вдругъ — и будь
Благословенно быстрое рѣшенье!
Не рѣдко насъ спасаетъ безразсудность,

Когда всѣ козни хитрости напрасны:
Есть Божество, дающее приличный
Нестройнымъ нашимъ замысленьямъ видъ,

Гораціо.

Въ томъ нѣтъ сомнѣнія!

Гамлетъ.

Вдругъ, накинувъ плащъ,
Я въ темнотѣ прокрался изъ каюты;
Пошелъ искать ихъ оцупью, нашель,
Схватилъ бумаги и опять въ каюту
Ушелъ обратно. Страхъ во мнѣ изгладилъ
Приличій чувство: я сломалъ печать
Имъ даннаго письма, и чтожъ увидѣлъ?
О, Царственную подлость! приказанье
По важнымъ и безчисленнымъ причинамъ,
Для общаго двухъ царствъ союзныхъ блага,
Затѣмъ, что я страшилище, гроза имъ,
Тотчасъ, мгновенно, даже палачу
Не давъ минуты наточить сѣкиру,
Съ плечъ голову долой мнѣ.

Гораціо.

Какъ? возможноль?

Гамлетъ.

Вотъ и письмо — прочтешь въ другое время;
Ты хочешь вѣдать, какъ я поступилъ?

Гораціо.

О, говорите, Принцъ!

Гамлетъ.

Такъ, окруженный сѣтію измѣны,
Еще уму дать тона не успѣлъ я,
А онъ игралъ ужъ: (12.) сѣвъ къ столу, другое

Я сочинилъ и написалъ письмо.
Предъ симъ и я, какъ всѣ вельможи, низкимъ
Считалъ имѣть красивый, чистый почеркъ,
Писалъ нарочно дурно; но теперь
Онъ оказалъ мнѣ важную услугу.
Ты хочешь знать, что написалъ я?

Гораціо.

Принцъ,

Скажите.

Гамлетъ.

Просьбу короля: когда
Намъ вѣрный данникъ Англійскій Монархъ,
Когда любовь ихъ цвѣсть должна, какъ пальма,
И миръ носить вѣнокъ изъ зрѣлыхъ класовъ,
И запятая съединять союзъ ихъ, (13.)
[И много я такихъ *когда* наставилъ]
То въ самый часъ прочтенія письма
Безъ всѣхъ сужденій посланныхъ онъ долженъ
Предать мгновенной смерти, и минуты
На исповѣдь не давъ имъ.

Гораціо.

Но печать?

Гамлетъ.

И въ этомъ небо подало мнѣ помощь:
Съ подобіемъ печати Датской вѣрнымъ
Съ собой имѣлъ родителейъ я перстень.
Сложивъ письмо, какъ должно, подписавъ
И запечатавъ, я отнесъ на мѣсто.
Подлогъ остался тайной. День спустя
На насъ напали: что случилось послѣ,
Уже ты знаешь.

Гораціо.

И на — встрѣчу смерти

Нашъ Розенкранцъ пустился съ Гильденстерномъ?

Гамлетъ.

Не сами ли они тому виною?
Они не близки къ сердцу мнѣ, и сами
Накликали себѣ пронырствомъ гибель:
Не безопасно между остріевъ,
Въ единоборствѣ ратниковъ высокихъ,
Мешаться нижшимъ.

Гораціо.

Но каковъ Король!

Гамлетъ.

Не правда ли, что мнѣ теперь довольно!
Убивъ отца и развративши мать,
Ставъ между мной и выборомъ народа,
Онъ и на жизнь мою обманомъ низкимъ
Забросилъ уду! Что, не должноль долгъ
Воздать ему рукой сей? не позорноль
Для большихъ золь оставить сей въ природѣ
Зловредный ракъ?

Гораціо.

Изъ Англіи онъ скоро
О произшедшемъ тамъ получить вѣсти.

Гамлетъ.

Конечно такъ; но промежутокъ нашъ; —
И челоѣка жизнь и смерть не больше,
Какъ молвить: разъ! Жаль, добрый мой Гораціо,
Что такъ противъ Лаерта я забылся;
Мой собственной удѣль его удѣла
Вѣрнѣйшій образъ. Примиришься радъ я,
Хотя и сильно возбужденъ былъ дерзкой
Его печали.

Гораціо.

Тише, тише, идутъ!

Озрикъ (*входитъ.*)

Поздравляю васъ, Принцъ, съ счастливымъ возвращеніемъ.

Гамлетъ.

Благодарю усердно. Знаешь ли ты сію водяную муху, Гораціо? (14.)

Гораціо.

Нѣтъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Тѣмъ лучше для твоей добродѣтели: самое знакомство его есть уже порокъ. У него много земель — и плодородныхъ. Сдѣлай скота владыкою скотовъ, и его ясли будутъ какъ Королевское блюдо. Это ворона, но, какъ я сказалъ, богатая соромъ.

Озрикъ.

Любезный Принцъ! Если ваша свѣтлость не заняты, я скажу вамъ словцо отъ Государя.

Гамлетъ.

Я буду слушать со всевозможнымъ вниманіемъ; но употребите вашу шляпу по ея назначенію — она сдѣлана для головы.

Озрикъ.

Нижайше благодарю васъ, Принцъ; здѣсь такъ жарко.

Гамлетъ.

Нѣтъ, повѣрьте, холодно; сѣверный вѣтеръ.

Озрикъ.

Да, довольно холодно, Принцъ, въ самомъ дѣлѣ.

Гамлетъ.

Однакожъ, кажется, тепло и душно — или мое сложеніе —

Озрикъ.

Чрезвычайно, Принцъ! душно, какъ будто — я, право, не знаю. Но Принцъ, Государь приказалъ сказать вамъ, что онъ побился за васъ объ значительный закладъ. Извольте видѣть, дѣло въ томъ, что —

Гамлетъ.

Сдѣлайте милость, не забудьте —
(даетъ знакъ чтобъ онъ надѣлъ шляпу.)

Озрикъ.

Нѣтъ, право не нужно, Принцъ; мнѣ такъ лучше — увѣряю васъ. Извольте видѣть, Принцъ: недавно возвратился ко двору Лаертъ; повѣрьте мнѣ, отличный молодой человѣкъ: прекрасныя дарованія, преловкое обращеніе, привлекательная наружность. Должно отдать справедливость: онъ образецъ и экстрактъ свѣтской науки; въ немъ находится все, чего домогается всякой благовоспитанный юноша.

Гамлетъ.

Я знаю, что достоинства его не теряютъ ни чего чрезъ ваше описаніе, хотя подробное ихъ изчисленіе притупило бы ариѳметику памяти, и было бы всегда недостаточно въ сравненіи съ ихъ качествомъ и быстротою полета ихъ къ цѣли совершенства. Впрочемъ я въ средоточіи моей похвалы объявляю его человѣкомъ съ умомъ высокимъ, съ столь рѣдкими и блестящими дарованіями, что, по всей строгости истины, ему равнаго можно только найти въ его зеркалѣ, и, если бы кто захотѣлъ продолжить исканіе, въ его тѣни.

Озрикъ.

Ваши мысли о немъ совершенно справедливы, Принцъ.

Гамлетъ.

Но отношеніе, другъ мой? По какой причинѣ облачаемъ мы въ наше недостойное дыханіе, имя человѣка, столь совершеннаго?

Озрикъ.

Принцъ —

Гораціо.

Ужель вамъ не понятенъ отечественный языкъ? Быть не можетъ! (15.)

Гамлетъ.

Какое отношеніе имѣеть онъ къ нашему разговору?

Озрикъ.

Лаертъ?

Гораціо.

Его кошелекъ опустѣлъ, золотыя словцы растеряны. (16.)

Гамлетъ.

Да, Лаертъ.

Озрикъ.

Я увѣренъ, что не незнаніе ваше —

Гамлетъ.

Желательно, чтобы вы разувѣрились въ моемъ незнаніи, хотя и въ томъ не много бы мнѣ было чести. Хорошо —

Озрикъ.

То есть: я увѣренъ, что вамъ извѣстно совершенство Лаерта —

Гамлетъ.

Я не хочу хвастать знаніемъ совершенства его! Могли бы подумать, что я желаю съ нимъ равняться: знать другихъ значитъ знать самого себя.

Озрикъ.

Я разумѣю, Принцъ, совершенство Лаерта въ искусствѣ биться на шпагахъ: по моему мнѣнію ему нѣтъ равнаго.

Гамлетъ.

На шпагахъ?

Озрикъ.

На шпагахъ и кинжалахъ.

Гамлетъ.

Слѣдственно не только на шпагахъ; (17.) но хорошо.

Озрикъ.

Король побился съ нимъ обѣ закладъ, Принцъ: шесть Арабскихъ лошадей противъ шести, кажется, Французскихъ шпагъ и кинжаловъ со всею, къ нимъ принадлежащимъ, какъ-то: поясами, перевязями и прочимъ. Три изъ числа принадлежностей высокой отдѣлки, прекрасно соотвѣтствуютъ рукояткамъ, и отличнаго устройства — прелестныя принадлежности!

Гамлетъ.

Что вы называете принадлежностями?

Гораціо.

Я зналъ, что вамъ еще порядочно достанется отъ его примѣчаній.

Озрикъ.

Принадлежностями, Принцъ? (18.) Перевязи.

Гамлетъ.

Названіе было бы прилично, еслибъ вмѣсто шпагъ мы носили пушки; до тѣхъ поръ пусть будутъ онѣ перевязями. Но право! Шестъ Арабскихъ лошадей противъ шести шпагъ и кинжаловъ съ ихъ отлично устроенными принадлежностями! Въ самомъ дѣлѣ Французскія вещи противъ Датскихъ! Но въ чемъ состоитъ закладъ?

Озрикъ.

Король утверждаетъ, что изъ двенадцати ударовъ, онъ не превыситъ васъ, Принцъ, тремя; Лаертъ, напротивъ, ручается за девять. (19.) Споръ будетъ рѣшенъ теперь же, если вамъ, Принцъ, угодно дать Королю отвѣтъ.

Гамлетъ.

А если я дамъ отвѣтъ отрицательный?

Озрикъ.

Я разумѣю, Принцъ, ваше согласіе.

Гамлетъ.

Я стану здѣсь прохаживаться; если Королю угодно, пока я здѣсь пользуюсь свѣжимъ воздухомъ, велѣтъ принести оружіе, и мой противникъ согласенъ, то я выиграю закладъ, когда возмогу, а когда нѣтъ, то выигрышъ мой будетъ состоять въ стыдѣ и ударахъ.

Озрикъ.

И такъ прикажете сказать Королю?

Гамлетъ.

Въ сущности, такъ; а прикрасы отдаются въ полную вашу волю.

Озрикъ.

Поручаю себя вашей милости, Принцъ!

(Уходитъ.)

Гамлетъ.

И я себя вашей, и я! Хорошо, что онъ самъ себя поручаетъ милости: на это вѣрно бы никто другой не рѣшился.

Гораціо.

Улетѣла птичка съ скорлупой яичка. (20.)

Гамлетъ.

Онъ наговорилъ, я думаю, вѣжливостей грудямъ своей матери прежде, нежели началъ сосать ихъ. Онъ, подобно многимъ такого же покроя, испорченный нашъ вѣкъ забавляющимъ, приобрѣлъ модные приемы и навыкъ обхожденія — пузыри на жидкой влажности, поддерживающіе нынѣ человѣка въ мнѣніи всѣхъ, глупцовъ и разсудительныхъ; но одно дуновение испытанія — и пузыри лопнули.

Придворный *(входитъ.)*

Озрикъ доложилъ Государю, что вы, Принцъ, ожидаете его здѣсь въ залѣ; онъ желаетъ знать, угодноли вамъ теперь рѣшить закладъ съ Лаертомъ, или отложить дѣло сіе до другаго времени?

Гамлетъ.

Я остаюсь при прежнемъ намѣреніи, и готовъ исполнить волю Государя; если ему угодно, я не отказываюсь, теперь или въ другое время, разумѣется, когда я буду къ сему расположенъ такъ же, какъ теперь.

Придворный.

Король, Королева и дворъ тотчасъ сюда будутъ.

Гамлетъ.

Добро пожаловать!

Придворный.

Королева желаетъ, что бы вы прежде дружественно съ Лаертомъ поговорили.

Гамлетъ.

Хорошій совѣтъ.

(Придворный уходитъ.)

Гораціо.

Вы проиграете, Принцъ.

Гамлетъ.

Не думаю: я упражнялся много во время бытности его во Франціи, и въ побѣдѣ почти увѣренъ. Ты не повѣришь, однакожъ, какъ мнѣ тяжело на сердцѣ — но что нужды?

Гораціо.

Нѣтъ, Принцъ —

Гамлетъ.

Ребячество! Какое-то предчувствіе, которое могло бы утратить женщину.

Гораціо.

Если душа ваша противится сему — повинуйтесь ей; я отклоню приходъ ихъ, скажу, что вы не расположены.

Гамлетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не боюсь предзнаменованій: и воробей не гибнетъ безъ воли провидѣнія. Теперь, такъ не послѣ; не послѣ, такъ теперь; не теперь, такъ послѣ; все зависитъ отъ готовности.

Никто не знаетъ, что оставляетъ здѣсь: не все ли жъ равно, оставить раньше или позже? — Дѣло рѣшено.

(Входятъ: Король, Королева, Лаертъ, Озрикъ, придворные и служители съ оружіемъ.)

Король.

Отъ насъ сію ты примешь, Гамлетъ руку?

(Соединяетъ руки Гамлета и Лаерта.)

Гамлетъ.

Лаертъ, прости мнѣ: я тебя обидѣлъ!
Какъ благородный человѣкъ прости!
Извѣстно всѣмъ, и ты навѣрно слышалъ,
Что стражду я душевною болѣзнью;
Все, все, чѣмъ возбудилъ
Твое я сердце, гнѣвъ, и чувство чести,
Я передъ всѣми признаю безумствомъ.
Лаерта Гамлетъ оскорбилъ! О нѣтъ!
Когда самъ вышелъ Гамлетъ изъ себя,
И внѣ себя Лаерта оскорбилъ,
То былъ не Гамлетъ; Гамлетъ въ томъ не виненъ;
Ктожъ виненъ въ томъ? Кто? Гамлета безумство!
Самъ Гамлетъ здѣсь не менѣе обиженъ:
Врагъ Гамлета несчастнаго — безумство.
Я отрицаю
Предъ всемъ собраньемъ всякій злобный замысль,
И ты повѣритъ въ благородствѣ сердца,
Что я направилъ въ свой же домъ стрѣлу
И ранилъ брата.

Лаертъ.

Я доволенъ въ сердцѣ,
Меня наиболѣ побуждавшемъ къ мщенью;
Но строгимъ чести слѣдуя законамъ
О примиреньи не хочу и слышать,
Пока меня не обнадежитъ слово
Судьями чести признанныхъ людей,
Что безъ пятна мое пребудетъ имя.
До толь я дружбу принимая — дружбой,
Цѣнить ее умѣю.

Гамлетъ.

Я согласенъ,
И братскій вызовъ съ радостью приѣмлю.
Подайте мнѣ оружіе.

Лаертъ.

И мнѣ.

Гамлетъ.

Лаертъ! Я самъ твоей орудье славы: (21.)
Твое искусство, какъ звѣзда во тмѣ,
Въ моемъ незнаньи ярко возсіяетъ.

Лаертъ.

Насмѣшка, Принцъ!

Гамлетъ.

О нѣтъ, Лаертъ, повѣрь мнѣ.

Король.

Озрикъ! Дай шпаги имъ. Ты, Гамлетъ, знаешь
Заклада цѣну?

Гамлетъ.

Знаю, Государь!
Закладъ дороже съ стороны слабѣйшей.

Король

Не думаю; я видѣлъ обоихъ васъ:
Теперь сильнѣй онъ, но зато и даль
Впередъ тебѣ.

Лаертъ (беретъ шпагу)

Какъ тяжела! Подайте
Другую!

Гамлетъ.

Эта по рукѣ мнѣ. Всѣ ли
Онѣ одной длины?

Озрикъ.

Всѣ, Принцъ, одной.
(Гамлетъ и Лаертъ приготовляются.)

Король.

Поставьте кубки на столѣ съ виномъ;
Когда нашъ Гамлетъ первый дастъ ударъ,
Или второй, иль скоро вслѣдъ за третьимъ,
Пусть пушекъ громъ изъ крѣпости раздастся:
Здоровье Принца будетъ пить Король,
И въ чашу перль опустить, перль, дражайшій,
Чѣмъ тотъ, который на коронѣ Датской
Четыре сряду Короля носили.
Вотъ чаша; пусть литавры скажутъ трубамъ,
Трубъ общій голосъ пушкамъ крѣпостнымъ
Громъ пушекъ небу, небеса землѣ,
Что пьетъ Король за Гамлета здоровье.
Вниманье, судьи! — Начинайте!

Гамлетъ.

Начнемъ, Лаертъ.

Лаертъ.

Начнемъ.
(дерутся.)

Гамлетъ.

Ударъ!

Лаертъ.

О, нѣтъ!

Гамлетъ.

Пускай рѣшатъ!

Озрикъ.

Ударъ, ударъ!

Лаертъ.

Ну, дальше!

Король.

Нѣтъ, дайте чашу! Гамлетъ! Перлъ сей твой,
Твое здоровье! — Дайте Принцу чашу!
(звукъ трубъ; слышны выстрѣлы.)

Гамлетъ.

Нѣтъ, послѣ, послѣ! Начинай, Лаертъ!
(дерутся.)

Еще ударъ! Не правда ли?

Лаертъ.

Ударъ,
Ударъ! Вы правы, Принцъ!

Король.

Побѣда будетъ
Твоя, мой храбрый Гамлетъ.

Королева.

Онъ тяжель
И утомился: осуши чело
Платкомъ симъ, Гамлетъ. — За твое здоровье!

Гамлетъ.

О, Королева —

Король.

Нѣтъ, не пей, Гертруда!

Королева.

И почему жъ, супругъ мой? — Ты позволишь.
(пѣтъ.)

Король (*въ сторону*)

Въ винѣ отравя! поздно — все свершилось!

Гамлетъ.

Мнѣ, Королева, жарко: выпью послѣ.

Королева.

Дай потъ стереть мнѣ съ твоего лица.

Лаертъ (*тихо Королю*)

Онъ будетъ ранень, Государь.

Король (*такъ же*)

Едва ли.

Лаертъ (*въ сторону.*)

Хотя моя и сильно ропщеть совѣсть.

Гамлетъ.

Ну, къ третьему, Лаертъ, удару! Крѣпче;
Употреби искусство все и силу:
Мнѣ кажется, ты только шутишь!

Лаертъ.

Право?

Увидимъ!

(дерутся)

Озрикъ.

Нѣтъ, не тронуть ни одинъ.

Лаертъ.

Но наконецъ!

(Лаертъ ранитъ Гамлета; они выбиваютъ другъ у друга шпаги; поднимая, мѣняются ими; потомъ Гамлетъ ранитъ Лаерта.)

Король.

Довольно! разнимите!

Они въ жару —

Гамлетъ.

О, нѣтъ! Еще, еще!
(Королева упадаетъ.)

Озрикъ.

Что съ Королевой? —

Гораціо.

Кровь на обоихъ!

О Принцъ! что съ вами?

Озрикъ.

Что съ тобой, Лаертъ?

Лаертъ.

О, я опутанъ собственною сѣтью,

Убить достойно собственной измѣной.

Гамлетъ.

Что съ Королевой?

Король.

Обморокъ, испугъ!

Королева.

Нѣтъ, нѣтъ! вино, вино! О сынъ мой, Гамлетъ?
Вино, вино! Отрава —

(Умираетъ.)

Гамлетъ.

О злодѣйство!

Заприте дверь! О низкая измѣна!
Но гдѣ онъ, гдѣ измѣнникъ?

Лаертъ.

Здѣсь! Здѣсь, Гамлетъ!

Готовся, Гамлетъ, къ смерти; никакое
Тебя отъ ней спасти не можетъ средство!
Въ тебѣ ужъ нѣтъ и получаса жизни!
Въ твоей рукѣ обманчивая шпага:
Она остра и ядомъ облита!
И на меня жъ измѣна обратилась —
Я палъ и не возстану; Королева
Отравлена — я не могу — Король,
Король всему виною —

Гамлетъ.

Остріе

Отравлено! исполни жъ, ядъ, свой долгъ!

(Закалываетъ Короля.)

Озрикъ и Придворные.

Измѣна! возмущенье!

Король.

Спасите, други! Рана не опасна —

Гамлетъ.

Ты проклятый злодѣй, кровосмѣситель!
Испей сей ядъ! (22.) Таковъ ли перлъ твой? Слѣдуй
За Королевой —

(Король умираетъ.)

Лаертъ.

Онъ погибъ достойно:

Сей ядъ его рукой былъ приготовленъ.
Простимъ другъ друга, благородный Принцъ!
Не ты отвѣтъ дашь въ гибели моей
И моего отца; не я въ твоей.

(Умираетъ.)

Гамлетъ.

Пусть Богъ проститъ тебя! И мой часъ близокъ!
Я полумертвъ, Гораціо! Королева,
Несчастливая, прости! А вы, сего
Участники и зрители явленья,
Вы, блѣдные, трепещущіе въ страхъ!
Имѣй я время (но не медлитъ смерть,
Гонецъ немилосердый) я сказалъ бы —
Но поздно! Я, Гораціо, умираю! —
Ты живъ, и ты незнающимъ расскажешь
Мою подробно повѣсть —

Гораціо.

Никогда!

Я Датчанинъ, но Римлянинъ душею!
Ядъ есть еще —

Гамлетъ.

Нѣтъ, если честь ты знаешь!
Дай чашу мнѣ! О дай во имя неба!
Гораціо, другъ! Сколь низкое оставлю
Я по себѣ въ безвѣстности сей имя!
О, если сердцу твоему не чуждъ я!
Помедли къ вѣчному летѣть блаженству,
И въ развращенномъ мірѣ пострадай,
Пока моя не будетъ гласна повѣсть.
(слышна музыка и выстрелы.)
Но что за бранный шумъ?

Озрикъ.

То Фортинбрасъ
Съ побѣдой возвратившийся изъ Польши;
Онъ Англійскихъ привѣтствуетъ пословъ
Сей почестью военной.

Гамлетъ.

О Гораціо!
Я умираю! Ядъ тѣснить мнѣ душу!
Изъ Англїи я не услышу вѣсти,
Но предрекаю выборъ Фортинбраса,
И за него мой голосъ! Возвѣсти
Сіе ему, и случаи, причины
По коимъ я — объ остальномъ молчанье. (23.)
(Умираетъ.)

Гораціо.

Онъ въ мукѣ смертной? (24.) Добра ночь, мой Принцъ!
Хоръ ангеловъ да напоетъ на душу
Твою миръ вѣчный! — Трубный звукъ все ближе —
Идутъ —
(входитъ Фортинбрасъ съ Англійскими посланниками)

Фортинбрасъ.

Гдѣ, гдѣ?

Гораціо.

Что видѣть ты желаешь?
Печаль и горе? — Прекрати исканье.

Фортинбрасъ.

О видь ужасный! (25.) Гордый ангелъ смерти!
Какое пиршество въ твоихъ пещерахъ,
Что столько крови царственной ты пролилъ
Однимъ ударомъ?

1й. Посланникъ.

Видь ужасный! Поздо
Изъ Англіи мы прибыли съ отвѣтомъ!
Не слышатъ уши, коимъ о свершеньи
Мы возвѣститъ хотѣли приказанья,
О Розенкранца, Гильденстерна смерти!
Ктожъ благодарность намъ воздасть?

Гораціо.

Не онъ,
Хотябъ еще онъ слышать и дышать могъ:
Не онъ желалъ сей казни! Но когда
Ко зрѣлищу кровавому случайно
Изъ Польши вы и Англіи стеклись,
Велите, пусть тѣла на возвышеньи
Положатся передъ лицомъ народа;
Незнающимъ я разгадаю тайну
Событій страшныхъ; многое открою:
Постыдныя злодѣйства, преступленья,
Невольныя убійства, судъ небесъ,
И хитростью устроенныя казни,
И наконецъ напрасный замысль злобы
На голову виновниковъ упавшій,
Мнѣ все извѣстно.

Фортинбрасъ.

Поспѣшимъ! Пусть всѣ
Вельможи царства повѣсти внимають.
Я съ горестью свое встрѣчаю счастье;
Имѣя право на сію корону,

Я чту ее мнѣ должнымъ достояньемъ.

Гораціо.

Я Гамлета о семь открою волю,
И привлечетъ она къ вамъ многихъ, Принцъ.
Но поспѣшимъ, пока умы въ тревогѣ,
Иль много отъ незнанія и козней
Родится бѣдъ.

Фортинбрасъ.

Пусть Гамлета несутъ,
Какъ воина, четыре изъ вождей!
Онъ бы достойнымъ былъ Царемъ: но небо
Не такъ судило. Пусть въ печальномъ ходѣ
Послѣднимъ онъ воинственнымъ привѣтомъ
Почтится громогласно!
Возьмите мертвыхъ: видъ бездушныхъ тѣлъ
На полѣ брани, а не здѣсь приличенъ.
Велите, пусть раздастся громъ орудій. (26.)

(Погребальная музыка, всѣ уходятъ и уносятъ мертвые тѣла, вскорѣ потомъ слышны выстрѣлы.)

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

- 1.) Сіи слова, вѣроятно, были дневнымъ паролемъ. *Steevens*.
- 2.) Въ подлинникѣ: A piece of him. Я слѣдовалъ толкованію Стивенса. *Перев.*
- 3.) По мнѣнію народа одни только ученые могли съ существами сверхъестественными говорить успѣшно. Въ Адиссоновомъ Барабанщикѣ слуга проситъ управителя говорить съ привидѣніемъ полатынѣ. *Reed*.
- 4.) Здѣсь въ подлинникѣ потеряно нѣсколько стиховъ и не достаесть связи; послѣ словъ: the dead did squeak in the streets, слѣдуетъ: as, stars with trains — и проч. *Перев.*
- 5.) Въ подл: A little more than kin, and less than Kind. *Kind* слово нѣмецкое и значитъ *дитя*. *Johnson* *kind* здѣсь имѣетъ обыкновенное свое значеніе; Гамлетъ говоритъ: я болѣе чѣмъ сродникъ твой (пасынокъ), но вовсе не твой доброжелатель. *Malone*.
- 6.) Въ подл: I am too much i'the sun.

Принаровленіе къ пословицѣ: Out of Heaven's blowing into the warm sun. *Johnson.*

Его Король называлъ главой придворныхъ. *Steevens.*

Не игра ли словъ: son (сынъ) и sun (солнце)? *Farmer.*

7.) На заглавномъ листѣ книжки: The Life of Jacke wilton 1594, написано: сочиненіе Англичанина, Виттембергскаго студента. Не это ли подало Шекспиру поводъ отправить туда Гамлета? *Ritson.*

8.) Апполлонъ въ сравненіи съ Паномъ. *Warburton.*

9.) Въ подл: I'll change that name (servant) with you. Я слѣдовалъ толкованію Джонсона. *Перев.*

10.) Въ подл: The wind sits in the shoulder of your sail, выраженіе, принятое у моряковъ. *Steevens.*

11.) Въ подл: which are not sterling.

12.) Въ подл: игра словъ обращена на tender. Последнія слова Полонія: Tender yourself more dearly, or, (not to crack the wind of the poor phrase, wronging it thus) you'll tender me a fool. *Перев.*

13.) Въ подл: in honourable fashion; Полоній отвѣчаетъ: Ay, fashion you may call it.

14.) Въ подл. with swinish phrase soil our addition.

15.) Въ подл: I do not set my life at a pin's fee.

16.) Шекспиръ представляетъ Датчань-идолопоклонниковъ католиками, и вмѣстѣ съ симъ упоминаетъ о Летѣ. Не хотѣлъ ли онъ потѣшить ревностныхъ протестантовъ тогдашняго времени, поставляя католическое чистилище на ряду съ языческимъ? Или это такая же несообразность, какъ въ Михель-Анжелевомъ страшномъ судѣ, гдѣ нарисована и Харонова ладія. *Warburton.*

17.) Въ подл: hebenon.

Вѣроятно испорченное перестановкою словъ hebenon, то есть henban; здѣсь долженъ разумѣться родъ травы сей, именуемый *lyoscyamus niger*. — *Grey.*

18.) Записывать въ книжку все примѣчательное, видѣнное или слышанное, было всеобщимъ обыкновеніемъ того времени. *Malone.*

19.) Въ подл: Hillo, ho, ho, boy! come, bird, come!

Сими словами охотники призывали своихъ летающихъ соколовъ. *Hanmer.*

20.) Здѣсь и повсюду.

21.) Въ подл: this is wondrous strange. — And therefore as a stranger give it welcome. Слѣдую толкованію Мазона (Mason.), я для поясненія прибавилъ стихъ: но любопытствомъ и пр. *Перев.*

ДѢЙСТВІЕ II.

1.) Такъ, по замѣчанію Мелона, въ изданіи in folio; въ прочихъ: at, closes in the consequence (къ тебѣ пристанетъ въ разговорѣ). *Перев.*

2.) Слово въ слово: въ б—и, сирѣчь. *Перев.*

- 3.) То есть; не столько должно бояться Гамлетова гнѣва, открывъ его страсть, какъ неудовольствія Королевы и Короля, о ней умалчивая. *Johnson*.
- 4.) Въ подл. игра словъ effect, defect, effect defective; remains, remainder. *Перев.*
- 5.) Въ подл. If I had ply'd the desk, or table—book.
То есть: еслибъ я сдѣлался ихъ посредникомъ. *Warburton* — то есть: еслибъ я утаилъ сіе. *Malone*.
- 6.) То есть удивительно ли, что въ свѣтѣ столь много зла, когда солнце, оплодотворяя падалище, зараждаетъ въ немъ только червей (когда качество дѣйствія всегда сообразно съ качествомъ вещи принимающей, а не производящей оное)? Удивительно ли посему, что благодѣянія провидѣнія умножаютъ только зло въ мірѣ развращенномъ? *Warburton*.
Сіе замѣчаніе поставляетъ критика наравнѣ съ Авторомъ. *Johnson*.
- 7.) Въ подл: what is the matter? — Between who?
- 8.) Гамлетъ читаетъ въ 10-й Ювеналовой сатирѣ слѣдующее мѣсто:
Da spatium vitae, multos da Jupiter annos:
Hoc recto vultu, solum hoc et pallidus optas.
Sed quam continuis et quant is longa senectus
Plena malis! deformem, et tetrum ante omnia vultum,
Dissimilemque sui, etc. — *Warburton*.
- 9.) Въ подл: will you walk out of the air? — Into my grave? — Indeed, that is out of the air!
- 10.) Въ подл: I will take my leave of you. — You cannot take from me any tiling, that I will more willingly part withal; екcept my life, екcept my life, екcept my life!
- 11.) Прекрасное описаніе меланхоліи, происходящей отъ стущенія крови, вымышленное Гамлетомъ для сокрытія настоящаго своего положенія. *Warburton*.
- 12.) Здѣсь разумѣются пѣвчіе церкви С. Павла, игравшіе въ то время на театрѣ. *Steevens*.
- 13.) На вывѣскѣ театра Globe—playhouse нарисованъ былъ Геркулесь, несущій земной шаръ. *Steevens*.
- 14.) Пословица. *Warburton*.
- 15.) Отрывокъ баллады. *Johnson*.
- 16.) Баллада, изъ которой взяты сіи стихи, помѣщена въ изданной Докторомъ Пирси (Персу) книги: Reliques of ancient English Poetry. *Steevens*.
- 17.) Нищіе, ходя по домамъ о святкахъ, пѣли особенныя пѣсни, названныя: rívus chansons. *Steevens*.
- 18.) Сіе говоритъ Гамлетъ молодому актеру, игравшему женскія роли. *Johnson*.
- 19.) То есть, лакомство, которое чернь цѣнить не умѣла. — Giles Fletcher въ своей Russe commonwealth, 1591, стр. 11 говоритъ, что въ Россіи есть много очень вкусныхъ рыбъ, какъ-то: *Bellouga*, и *Bellougina*, *Ositrina* и *Sturgeon* (осетръ); что Волга снабжаетъ все Государство сими рыбами, изъ икры коихъ готовится значительное количество *Jeary* или *Caveary*. — *Reed*.

20.) Драйдень и Попъ полагали, что сей отрывокъ ни что иное, какъ сатира на тогдашнихъ драматическихъ писателей, и сіе мнѣніе сдѣлалось всеобщимъ: одинъ только Варбуртонъ старался доказать несправедливость такой догадки, но его длинное разсужденіе никого убѣдило. *Перев.*

21.) Въ подл: gives me the lie i'the throat, as deep, as lo the lungs.

22.) Въ подл: like a very drab, a scullion.

ДѢЙСТВІЕ III.

1.) Гамлетъ, увидя Офелію, забываетъ на минуту притворное свое сумасшествіе и обращается къ ней съ торжественностію, приличною предъидущимъ его размышленіямъ. *Johnson.*

2.) То есть: вы заблуждаетесь по испорченности вашей, а увѣряете, что по незнанію. *Johnson.*

3.) Въ подл: like sweet bells jangled.

4.) Въ подл: of the groundlings.

Въ то время въ театрѣ не было ни пола, ни скамей, и стоявшій внизу низшій класъ зрителей получилъ отъ того (отъ слова Ground) названіе Groundlings, которое, собственно значить: *пискари*. *Steevens.*

5.) Термагантомъ назывался въ старинныхъ пѣсняхъ Богъ Сарациновъ; въ священныхъ драмахъ (mysteries) Иродъ всегда представлялся вспыльчивымъ, бѣшенымъ. *Steevens.*

6.) Такія вольности актеровъ были очень обыкновенны. *Malone.*

7.) Желаніе и довѣрчивость почитались происходящими въ крови, а даръ сужденія отъ мокротъ: вѣрное смѣшеніе соковъ производило (по сему мнѣнію) совершеннѣйшій характеръ. *Johnson.*

8.) Въ подл: How fares? — и *пр.* Excellent, of the camelion's dish: *испр.* для удержанія смысла должно было измѣнить слова Гамлетова отвѣта. *Перев.*

9.) Сказанное слово уже не принадлежитъ сказавшему. *Johnson.*

Но для сего ли только отвѣта заставляеть авторъ Короля говорить: *слова сіи не мои — ?* *Перев.*

10.) Въ подл: It was a brute part of him, to kill so capital a calf there. На рускомъ языкѣ игра словъ не можетъ быть удержана въ точности; даже слово *капитальный* неупотребительно въ значеніи, здѣсь ему данномъ; однакожь оно есть въ Акад. словарѣ. *Перев.*

11.) Въ подл: Lady, shall I lie in your lap? — no, mylord. — I mean my Head upon your lap. — Ay, mylord. — Do you think I meant country matters? — I think nothing, mylord. — That is a fair thought to lie between maid's legs.

12.) Была народная игра называемая деревянною лошадкою (hobby—horse); ее вмѣстѣ съ другими, запретили тогдашніе Пуритане, въ насмѣшку которымъ явились многія баллады. Приведенные Гамлетомъ стихи принадлежатъ одной изъ нихъ. *Warburton.*

13.) Никому не бросятся въ глаза натянутость и безпрестанныя повторенія въ сихъ стихахъ встрѣчающіяся? Безъ сомнѣнія поэтъ и здѣсь хотѣлъ представить образчикъ слога своихъ современниковъ писателей. Должно замѣтить, что въ подлинникѣ въ семь мѣстѣ и стихи не хороши, и слогъ совершенно другаго рода, нежели въ прочихъ явленіяхъ сей трагедіи. *Перев.*

14.) Здѣсь, по видимому, потерянь стихъ. *Johnson.*

15.) Пословица. *Steevens.*

16.) Для объясненія словами пантомимныхъ представленій бывалъ обыкновенно на сценѣ толкователь, или посредникъ. *Steevens.*

17.) Актеры носили обыкновенно на шляпахъ перья, когда только были въ состояніи купить ихъ. *Steevens.*

Башмаки украшались спереди лентами въ видѣ Розана; лучшіе такіе Розаны получались изъ Прованса. *Johnson.*

18.) Актеры не имѣли положеннаго жалованья; доходъ каждаго представленія раздѣлялся на участки, изъ которыхъ нѣсколько доставалось содержителю, а остальные раздѣлялись актерамъ по достоинству. *Malone.*

19.) Въ подл: (какъ и въ переводѣ) подразумѣвается вмѣсто слова *Павлинь*, слово *Осель*, къ которому второй стихъ имѣетъ и рифму. *Перев.*

20.) Прибытіе постороннихъ помѣшало Гамлету окончишь рѣчь, начатую наединѣ съ Гораціемъ. *Johnson.*

21.) Въ подл: by these pickers and stealers; то есть hands, думаетъ Джонсонъ.

22.) Окончаніе пословицы: лошадка съ голоду умереть.

23.) Вѣроятно слова сіи служатъ отвѣтомъ на знаки, дѣлаемые Гильденстерномъ и Розенкранцемъ. *Steevens.*

24.) Предъидущее замѣчаніе Стивенса объясняетъ сіе Гильденстерново извиненіе. *Warburton.*

25.) Примѣненіе къ фараонову сну. Смотри книгу Бытія, главу 41. *Steevens.*

26.) Въ подл: a vice of Kings. Vice назывался шутъ въ старинныхъ фарсахъ. Сюда же относится выраженіе: Король съ дурацкой шапкой, въ подлинникѣ: a king of shreds and patches, Такъ говоритъ Джонсонъ. *Перев.*

ДѢЙСТВІЕ IV.

1.) Въ старинныхъ изданіяхъ Гамлета не означено ни дѣйствій, ни явленій; раздѣленіе сдѣлано послѣ и произвольно. Въ семь мѣстѣ оно ошибочно: нѣтъ ни остановки дѣйствія (action) въ ходѣ, ни промежутка во времени. *Johnson.*

2.) Это, если я не ошибаюсь, пословица. *Malone.*

3.) Ни одинъ изъ комментаторовъ не объяснилъ словъ сихъ удовлетворительно. Не хочетъ ли Гамлетъ сказать, что тѣло находится близъ Короля, во дворцѣ, но Король не знаетъ о томъ? — *Перев.*

4.) Въ подл: the King is a thing — or nothing. Иные считаютъ *of nothing.*

5.) Такъ называется одна изъ дѣтскихъ игръ. *Hanmer.*

- 6.) Сїи отрывки принадлежатъ какой либо изъ балладъ, въ коихъ воспѣвали приключенія путешественниковъ въ святую землю. *Warburton*.
- 7.) Есть сказка въ народѣ, что Христосъ превратилъ въ сову дочь одного хлѣбника въ наказаніе за ея скупость. *Douce*.
- 8.) Есть обрядъ, совершаемый народомъ на канунѣ Валентинова дня: молодые люди и дѣвушки вынимаютъ попарно жребіи, называемые Валентинами; чьи имена вынуты вмѣстѣ, тѣмъ предрекается супружество. Смотри Bourne съ его *Antiquities of the common People*. — *Malone*.
- 9.) Такъ называлась Королевская стража. — *Reed*.
- 10.) Сей вопросъ Короля мнѣ кажется страненъ и не у мѣста. Вѣроятно, здѣсь пропущено что-либо, лучше разговоръ соединявшее. *Перев.*
- 11.) Сїи слова находятся въ одномъ только изъ старинныхъ изданій; они никѣмъ не объяснены удовлетворительно. Не тали здѣсь мысль, что умъ любящаго улетаетъ въ другой міръ въ слѣдъ за любимымъ предметомъ. *Перев.*
- 12.) Въ подл: о how the wheel becomes it! Стивенсъ полагаетъ, что слово wheel (колесо) здѣсь означаетъ припѣвъ пѣсни, Джонсонъ и Мелонъ утверждаютъ, что или *прельщенная дочь* пряла, или пѣсню, изъ которой приведены стихи обыкновенно пѣли прядущія дѣвушки. *Перев.*
- 13.) Въ подл: rosemary — for remembrance; pansies, for thoughts. Таково было значеніе сихъ цвѣтовъ. *Перев.*
- 14.) Такъ называлась рута, говорятъ комментаторы и прибавляютъ, что она почиталась символомъ горести. Не рѣшено, что значить совѣтъ Офеліи носить (Королевѣ) руту съ отмѣткою (with a difference); не намѣкаетъ ли она, что горестъ ея и Королевы различнаго рода? замѣчаетъ Мелонъ. *Перев.*
- 15.) Обыкновенное заключеніе старинныхъ надгробныхъ надписей. *Steevens*.
- 16.) Сравненіе неумѣстное; другое дѣло еслибъ было сказано: въ золото. *Johnson*.
- 17.) *Расточитель* — *вздохъ* (spendthrift — sigh). Вздохи расточаютъ жизненный огонь безъ нужды. *Johnson*.
- 18.) Растѣніе, извѣстное въ новѣйшей ботаникѣ подъ именемъ: orehis morio mas, а въ древней: testiculus morionis. *Warner*.

ДѢЙСТВІЕ V.

- 1.) The crowner hath set on her, сказано въ подлинникѣ. Crowner назывался чиновникъ изслѣдовавшій обстоятельства насильственной чьей-либо смерти. *Перев.*
- 2.) Вѣроятно это насмѣшка надъ дѣломъ Г-жи Гельсъ, (Hales) которой мужъ бросился въ рѣку, и имѣніе его должноствовало поступить въ казну: много было употреблено выдумокъ и логическихъ тонкостей для изслѣдованія дѣйствующимъ ли лицомъ онъ былъ притомъ или страдательнымъ — онъ ли шелъ къ водѣ, или вода къ нему. *J. Hawkins*.
- 3) Въ подл: was he (Adam) a gentlement? — He was the first, that bore arms. — Why, he had none. — Adam digg'd; could he dig without arms? Игру словъ

невозможно было передать, не измѣня мысли, которая, въ прочемъ, и вставлена только для игры словъ. *Перев.*

4.) Сей куплетъ, какъ и слѣдующіе два, взяты авторомъ съ нѣкоторыми измѣненіями изъ небольшой поэмы: *The ged lover renounceth Love*, сочиненія Гоуарда (Howard) жившаго при Генрихѣ, и по обвиненію въ измѣнѣ въ 1547 году обезглавленнаго. *Theobald.*

5.) Въ подл: *Is this the line of his fines, and the recovery of his recoveries, to have his fine pate full of fine dirt?*

6.) Въ подл: *I think it be thine, indeed; for thou liest in it. — You lie out of it, and therefore it is not yours; for my part, J do not lie in't, yet it is mine. — Thou dost lie in't, to be in't, and say, it is thine; 'tis for the dead, not for the quick; therefore thou liest. — 'Tis a quick lie, sir; 'twill away again from me to you.* Три значенія слова *lie*: находится, лежать и лгать составляютъ въ семъ мѣстѣ игру словъ ни на какомъ другомъ языкѣ неподражаемую. — *Перев.*

7.) Игра словъ: *what man digs thou for? — For no man. — What woman then? — For none neither.*

8.) Вѣроятно примѣненіе къ бывшимъ тогда въ модѣ остроносимъ башмакамъ. *Johnson.*

9.) Въ подл: просто: *upon what ground? — Why, Here in Denmark.*

10.) Слѣдственно Гамлету тридцать лѣтъ отъ роду; въ началѣ же трагедіи онъ представленъ молодымъ человѣкомъ, желающимъ продолжать науки въ университетѣ: большая несообразность. *Blackstone.*

11.) Вѣроятно здѣсь намѣкается о позволеніи, данномъ духовенству слѣдственнымъ чиновникомъ (*coroner*) похоронить Офелію на кладбищѣ. *Whalley.*

12.) То есть, принятое намѣреніе не было слѣдствіемъ размышленія, но представилось уму мгновенно, само собою. *Johnson.*

13.) Принужденное и странное выраженіе: запятая, раздѣляя періодъ, соединяетъ мысли, въ частяхъ его заключающіяся. *Johnson.*

14.) Водяная муха прыгаетъ и суетится по поверхности воды безъ всякой видимой причины — хорошее уподобленіе. *Johnson.*

15.) Сіе мѣсто въ подлинникѣ не довольно ясно; я слѣдовалъ толкованію Джонсона. Стивенсъ замѣчаетъ, что Горацио говоритъ это Озрику, въ подражаніе которому Гамлетъ выразился моднымъ оборотомъ для самаго его (Озрика) непонятнымъ. *Перев.*

16.) Вѣроятно Горацио долженъ говорить сіе или тихо Гамлету, или въ сторону. *Перев.*

17.) Въ подл: *what's bis weapon? — Rapier and dagger. — That's two of his weapons; but well.*

18.) Въ подл: *carriage.* — Я употребилъ слово принадлежность, чтобы удержать игру словъ. (Принадлежность употребляется въ артиллеріи технически.) обращенную въ подлинникѣ на *carriage.* *Перев.*

19.) Счетъ сбивчивъ; но что нужды? Довольно знать, что былъ закладъ. *Johnson.*

- 20.) Комментаторы приводят сие самое выражение изъ разныхъ старинныхъ сочиненій, въ свидѣтельство, что оно было во всеобщемъ употребленіи; но они не согласны между собою, касательно мысли заключающейся въ сей пословицѣ: догадки ихъ, кажется, не близки къ истинѣ. *Перев.*
- 21.) Въ подл: I'll be your foil; foil, значить также и рапира. *Перев.*
- 22.) Вѣроятно Гамлетъ принуждаетъ Короля выпить ядъ оставшійся въ стаканѣ. *Malone.*
- 23.) Въ подл: the rest is silence — не очень ясно. *Перев.*
- 24.) Въ подл: Now cracks a noble Heart.
- 25.) Въ подл: This quarry cries on havoc. Комментаторы различно объясняютъ слова сии; настоящій ихъ смыслъ, кажется, не отысканъ. *Перев.*
- 26.) Содержаніе Гамлета взято авторомъ изъ Датской Исторіи Сакса Грамматика, или, что еще вѣроятнѣе, изъ повѣсти Амлета, (помѣщенной Бельфорестомъ въ его періодическомъ изданіи повѣстей начатомъ въ 1564 году.) въ которой описано рассказанное Историкомъ происшествіе съ нѣкоторыми переменами. Смерть Гамлета, какъ и много другихъ событій, есть вымысль Шекспира. *Перев.*

Конецъ Примѣчаній.